

Министерство образования и науки Российской Федерации

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
**НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**
им. Н.А. Добролюбова

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного
лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 10

Лингвистика и межкультурная коммуникация

Нижний Новгород

2010

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
ГОУ ВПО НГЛУ*

УДК 81'25 (060.55)

Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 10. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Нижний Новгород: ГОУ ВПО НГЛУ, 2010. – 225 с.

ISSN 2072-3490

Главный редактор

Б.А. Жигалев

Редакционная коллегия:

Е.С.Гриценко (*зам. главного редактора*), Е.В.Плисов (*отв.секретарь*),
В.М.Бухаров, М.А.Викулина, М.А.Грачев, Е.Н.Дмитриева, В.Г.Зусман,
В.И.Карасик (Волгоград), З.И.Кирнозе, Л.П.Крысин (Москва), Л.А.Львов,
М.И.Никола (Москва), О.Г.Оберемко, Е.Р.Поршнева, М.С.Ретунская,
Е.П.Савруцкая, Т.Н.Синеокова, В.В.Сдобников, В.М.Строгецкий,
А.А.Сергунин (Санкт-Петербург), А.Н.Шамов, У.Реннер-Хенке
(Германия), К.Флидль (Австрия), Д.Боксэ (США), Д.Мийе-Жерар
(Франция), Д.Марке (Бельгия), С.Фрилз (США), М.Руэп (Германия)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-32158 от 07.06.2008г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и
изданий ВАК РФ по направлениям 10.00.00 - Филологические науки и
13.00.00 - Педагогические науки с 19.02.2010 г.

УДК 81'25 (060.55)

ISSN 2072-3490

© ГОУ ВПО НГЛУ, 2010

Ministry of Education and Science of the Russian Federation

NIZHNY NOVGOROD LINGUISTICS UNIVERSITY

VESTNIK
of Nizhny Novgorod Linguistics University

Issue 10

Linguistics and Cross-Cultural Communication

Nizhny Novgorod

2010

**Vestnik of Nizhny Novgorod Linguistics University. Issue 10.
Linguistics and Cross-Cultural Communication. – Nizhny
Novgorod: Nizhny Novgorod Linguistics University, 2010. – 225 p.**

ISSN 2072-3490

Editor-in-Chief

B. Zhigalev

Editorial Board:

E.Gritsenko (*Deputy Editor-in-Chief*), E.Plisov (*Executive Secretary*),
V.Bukharov, M.Vikulina, M.Grachev, E.Dmitryeva, V.Zusman, V.Karasik
(Volgograd), Z.Kirnoze, L.Krysin (Moscow), L.Lvov, M.Nikola (Moscow),
O.Oberemko, E.Porshneva, M.Retunskaya, E.Savrutskaya, T.Sineokova,
V.Sdobnikov, V.Strogetsy, A.Sergunin (St-Petersburg), S. Fomin, A.Shamov,
U.Renner-Henke (Germany), K.Fliedl (Austria), D.Boxer (USA),
D.Millet-Gérard (France), D.Markey (Belgium), S.Freels (USA),
M.Ruep (Germany)

ISSN 2072-3490

© ГОУ ВПО НГЛУ, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

A.Burkhardt (<i>Magdeburg, Deutschland</i>) ”Deutschland braucht den Wechsel”. Linguistische Beobachtungen zur Sprache der CDU und ihrer Chefin im Bundestagswahlkampf 2005	11
A.M. Горлатов (<i>Минск, Беларусь</i>) Гиперакт сообщения в немецкоязычном рекламном дискурсе и объединяемые им речевые акты	34
Е.С. Гриценко (<i>Нижний Новгород</i>) Вербальное поведение как способ конструирования социальной идентичности: культурные коды и стилистические модели	44
Н.И. Иванюк (<i>Нижний Новгород</i>) Языковые особенности текстов призывов, выполняющих информативно-регулятивную функцию в современном немецком языке	57
А.В. Кирилина (<i>Москва</i>) Гендерная специфика академической коммуникации: исследования в русистике и германистике	65
Ж.В. Никонова (<i>Нижний Новгород</i>) Этнокультурная специфика организации системы речевых актов в современном немецком языке	79
О.А. Орлова (<i>Нижний Новгород</i>) Инфлективные конструкции в современном немецком языке	88
Е.В. Плисов (<i>Нижний Новгород</i>) Этноконфессиональная специфика религиозного текста (на материале немецкого языка)	95
В.В. Фёдоров (<i>Петропавловск-Камчатский</i>) История возникновения англо-американской публицистики и основные этапы ее развития	105

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Р. Беленчикова, В. Беленчиков (*Магдебург, Германия*)
Russisch-Deutsches Wörterbuch (RDW) – Русско-немецкий
словарь (РНС) 116

В.В. Сдобников (*Нижний Новгород*)
Типология перевода: коммуникативно-функциональный
подход 132

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

А.Л. Вольский (*Санкт-Петербург*)
Герменевтика фрагментов Новалиса «Das Allgemeine
Brouillon» 144

В.Г. Зусман (*Нижний Новгород*)
Ключевые концепты австрийского культурного мира.
Постановка проблемы 152

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

К.В. Александров (*Нижний Новгород*)
Разработка электронных учебных материалов и упражнений
для развития иноязычных навыков 159

М.А. Ариян (*Нижний Новгород*)
Реализация методики развивающего обучения в современном
учебно-методическом комплексе по английскому языку 165

Б.А. Жигалев (*Нижний Новгород*)
Концепция оценки качества профессионального образования
в вузе 176

Т.С. Малышева (*Нижний Новгород*)
Обучение работе с видеоматериалами как виду речевой
деятельности на занятиях по немецкому языку 185

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

И.Н. Жуков (*Нижний Новгород*)

Вклад вузов в региональное инновационное развитие Германии 191

Б.А. Ночвина (*Нижний Новгород*)

«Sozialstaat» в постобъединенной Германии: проблемы и перспективы 199

РЕЦЕНЗИИ

Е.Ф. Глебова (*Нижний Новгород*)

Новые направления в описании языка.

Рецензия на монографию: Макшанцева Н.В. Теория и практика концептуального описания языковых единиц в вузовском образовании. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2008. 203 с. 207

N. Prokopjewa (*Nishnij Nowgorod*)

Über die geschichtlichen Begriffe und die Begriffsgeschichte.

Rezension über: Wörterbuch der „Vergangenheitsbewältigung“ von Thorsten Eitz und Georg Stötzel. – Georg Olms Verlag AG, Hildesheim, 2009 211

ХРОНИКА

«Год Франции в России» в НГЛУ им. Н.А. Добролюбова 217

Десятая Международная конференция «Обучение, тестирование и оценка» 16-17 февраля 2010 г. 220

VII Всероссийская олимпиада школьников по немецкому языку 12-15 апреля 2010 г. 221

CONTENTS

LANGUAGE AND CULTURE

A.Burkhardt (<i>Magdeburg, Germany</i>) "Germany Needs Change". Analysis of the Language of CDU and its Head during the Election Campaign in 2005.....	11
Anatoly Gorlatov (<i>Minsk, Belarus</i>) Information as a Hyper Speech Act in German Advertising Discourse and Associated Speech Acts	34
Elena Gritsenko (<i>Nizhny Novgorod</i>) Verbal Behavior as a Means of Constructing Social Identity: Cultural Codes and Stylistic Models	44
Nikita Ivanyuk (<i>Nizhny Novgorod</i>) Language Features of Texts of Appeals with Informative- Regulating Function in Modern German	57
Alla Kirilina (<i>Moscow</i>) Gender Research of Academic Communication in Russian and German Philology	65
Zhanna Nikonova (<i>Nizhny Novgorod</i>) Ethno-Cultural Specificity of the Organization of Speech Acts System in Modern German	79
Olga Orlova (<i>Nizhny Novgorod</i>) Inflective Constructions in Modern German	88
Evgeny Plissov (<i>Nizhny Novgorod</i>) Ethno-Confessional Specificity of Religious Texts in the German Language	95
Vitaliy Fyodorov (<i>Petropavlovsk-Kamchatsky</i>) Retrospective Overview of Anglo-American Style of Publicism Development	105

CRITICAL ISSUES IN TRANSLATION THEORY AND PRACTICE

Renate Belentschikow, Valentin Belentschikow (*Magdeburg, Germany*)
Russian-German Dictionary 116

Vadim Sdobnikov (*Nizhny Novgorod*)
Communicative-Functional Approach to Translation Typology 132

CROSS-CULTURAL ASPECT OF LITERARY DISCOURSE

Aleksey Volsky (*St. Petersburg*)
Hermeneutics of the Fragments of Novalis «Das Allgemeine Brouillon» 144

Valery Zusmann (*Nizhny Novgorod*)
The Key Concepts of the Austrian Cultural World. Outlining the Topic 152

CROSS CULTURAL COMMUNICATION AND FOREIGN LANGUAGE TEACHING

Konstantin Alexandrov (*Nizhny Novgorod*)
Creating E-Learning Courseware for Moulding Language Skills ... 159

Margarita Ariyan (*Nizhny Novgorod*)
Implementation of Developmental Approach to Teaching in Modern English Coursebook Packages 165

Boris Zhigalev (*Nizhny Novgorod*)
Quality Evaluation Conception in University Professional Education 176

Tatyana Malysheva (*Nizhny Novgorod*)
Using Video-Materials in Teaching German 185

CURRENT ISSUES IN HISTORY AND SOCIAL COMMUNICATION

Ivan Zhukov (*Nizhny Novgorod*)
Contribution of Higher Education Institutions to Innovation Development in Germany 191

Bella Nochvina (<i>Nizhny Novgorod</i>) “Sozialstaat” in Post-United Germany: Problems and Perspectives	199
---	-----

REVIEWS

Elena Glebova (<i>Nizhny Novgorod</i>) New tendencies in language description. Book review: Макшанцева Н.В. Теория и практика концептуального описания языковых единиц в вузовском образовании. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2008. 203 с.	207
---	-----

Nadezhda Prokopyeva (<i>Nizhny Novgorod</i>) About historical notions and history of notions. Book review: Wörterbuch der „Vergangenheitsbewältigung“ von Thorsten Eitz und Georg Stötzel. Georg Olms Verlag AG, Hildesheim, 2009	211
--	-----

CHRONICLE

«The year of France in Russia» in the Linguistic University of Dobrolubov	217
X International conference «Teaching, testing and evaluation», February, 16-17, 2010	220
VII All-Russian contest in the German language for schoolchildren, April, 12-15, 2010	221

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

«DEUTSCHLAND BRAUCHT DEN WECHSEL» Linguistische Beobachtungen zur Sprache der CDU und ihrer Chefin im Bundestagswahlkampf 2005

Armin Burkhardt

Magdeburg

**«Германии нужны перемены»
Лингвистические наблюдения над языком ХДС и его главы во время
предвыборной кампании в бундестаг 2005 г.**

Армин Буркхардт

В статье исследуется язык предвыборной кампании ХДС и его главы Ангелы Меркель при выборах в бундестаг в 2005 г. Исследование проводится на основе плакатов, теле- и радиороликов, теледебатов, а также речи перед бундестагом кандидата в федеральные канцлеры от ХДС. Разрабатываются языковое оформление главных тем предвыборной кампании и автоинтертекстуальные отсылки (автоцитаты) в выступлениях кандидата.

Ключевые слова: автоинтертекстуальность, метафора, пресуппозиция, ключевое слово, лозунг, предвыборная речь, предвыборная стратегия.

**«Germany Needs Change»
Analysis of the Language of CDU and the Head of the Party
during the Election Campaign in 2005
Armin Burkhardt**

The chapter investigates the language use of the Christian Democrat Party and their leader Angela Merkel during the German federal election campaign 2005. The research material is election campaign posters, TV and radio election spots, the head-to-head TV debates and the CDU-candidate party leader's speech in the Bundestag. The analysis elucidates the linguistic design of the central election campaign topics and the auto-intertextual references (self-quotations) of the candidate's contributions.

Key words: auto-intertextuality, campaign speech, campaign strategy, catchword, metaphor, presupposition, slogan.

0. Prolog

Wahlkämpfe sind heute immer stärker "amerikanisiert": Von PR-Agenturen und Wahlkampfmanagern werden sie im Detail als regelrechte mediale Werbekampagnen entworfen und entsprechend durchgeführt. Sie

sind Inszenierungen, bei denen der Erfolg entscheidend ist und Wahrheit, Authentizität und politische Inhalte nicht selten auf der Strecke bleiben. Art und Umfang des Wahlkampfes hängen natürlich von den jeweiligen aktuellen Bedingungen ab: der sozialen Lage der Bevölkerung, der Beliebtheit der Protagonisten, der Brisanz der politischen Themen, der Glaubwürdigkeit der vertretenen Positionen und der diese vertretenden Politiker usw. Trotz aller medialer und materieller Anstrengungen der Parteien und der von ihnen engagierten Agenturen kann es aber geschehen, dass sich das Interesse der Wahlbürger nicht im gewünschten Ausmaß wecken lässt, weil ihnen keine echten politischen oder personellen Alternativen geboten werden, so dass sich "Politikverdrossenheit" und "Wahlkampfmüdigkeit" in schwacher Wahlbeteiligung widerspiegeln. So war es im Bundestagswahlkampf 2009, der allenthalben als "langweilig" und "inhaltslos" wahrgenommen wurde, zumal sich die amtierende Bundeskanzlerin in ihm so wenig engagierte, dass sie sogar aus den eigenen Reihen dafür kritisiert wurde. Zudem wurde der Wahlkampf aus einer Großen Koalition heraus geführt und war daher wenig kontrovers, weil ja SPD und CDU/CSU dieselbe Politik zu verantworten hatten. Eine Wahlbeteiligung von nur 70,78 % und schlechte Wahlergebnisse für die großen Parteien waren die Folge.

Wesentlich farbiger und spannungsreicher war dagegen der Wahlkampf des Jahres 2005, der sich der vorzeitigen Auflösung des Parlaments infolge einer "auflösungsgerichteten Vertrauensfrage" verdankte und in dem der amtierende Bundeskanzler seine Politik aus einer angesichts früher Umfragewerte fast aussichtslosen Position vehement gegen die Herausforderin Merkel verteidigte und am Ende nur knapp gegen eine CDU/CSU unterlag, die selber ein unerwartet schlechtes Wahlergebnis einfuhr. Angesichts des interessanteren Materials mag es daher gestattet sein, die folgende Analyse des Wahlkampfes der CDU auf das Jahr 2005 zu beschränken und dabei vor allem die Redebeiträge der damaligen Kanzlerkandidatin linguistisch genauer unter die Lupe zu nehmen.

1. Einleitung

Auf dem Braunschweiger Rudolfplatz, aber auch an vielen anderen Orten der Republik standen während des Wahlkampfes 2005 zwei ca. 3 m x 2 m große Plakatwände der beiden großen Volksparteien einträchtig

nebeneinander und warben für den Kanzler bzw. die Kanzler-Kandidatin. Auf der Plakatwand der SPD, die in Über-Lebensgröße einen kämpferischen Bundeskanzler Schröder zeigte, war in großen Lettern der Slogan zu lesen: "Wer Arbeit schaffen will, braucht Mut für Reformen."¹ Auf den ersten Blick scheint hier das vorzuliegen, was man eine partielle syllogistische Präsupposition nennen kann [1.S.395ff.], bei der die 1. Prämisse genannt wird, aber die 2. und die Konklusion präsupponiert sind:

Wer Arbeit schaffen will, braucht Mut zu Reformen.

Der Bundeskanzler und seine Partei wollen Arbeit schaffen.

Der Bundeskanzler und seine Partei brauchen Mut zu Reformen.

Aber so, gleichsam als Bekanntgabe eines Defizits, ist der Slogan natürlich nicht gemeint, denn das Bild des Kanzler und seine vergangenen Entscheidungen ("Agenda 2010") zeigen ja schon, dass er den Mut zu Reformen h a t . Gemeint sind vielmehr zwei ganz andere Syllogismen:

(1) Wer Arbeit schaffen will, braucht Mut zu Reformen.

Der Bundeskanzler und seine Partei haben Mut zu Reformen.

Der Bundeskanzler und seine Partei werden Arbeit schaffen.

und

(2) Wer Arbeit schaffen will, braucht Mut zu Reformen.

Die Kanzlerkandidatin und ihre Partei haben den Mut zu Reformen nicht.

Die Kanzlerkandidatin und ihre Partei werden keine Arbeit schaffen.

Der erste dieser beiden Syllogismen wäre durch den Slogan:

Wer Mut zu Reformen hat, schafft Arbeit.

wesentlich besser und deutlicher präsupponiert worden, der zweite durch den Slogan:

Wer keinen Mut zu Reformen hat, schafft auch keine Arbeit.

Beide Slogans wären nur dann argumentativ stark, wenn "schafft Arbeit" ein allseits anerkanntes Attribut der Regierung wäre und das Modalverb *wollen* in "Wer Arbeit schaffen will" nicht vage in eine unbestimmte Nach-Wahl-Zukunft wiese. Tatsächlich offenbaren sich hier, bei

¹ Wer immer die Formulierung zu verantworten hat: Mit der Bevorzugung der Präposition *für* spiegelt "Mut für" zwar eine Tendenz der deutschen Gegenwartssprache wider, ist aber m.E. idiomatisch nicht korrekt; vielmehr hätte es "Mut zu" heißen müssen.

genauerem Hinsehen, schon die prinzipiellen Dilemmata der SPD in diesem von ihr selbst vor der Zeit initiierten Wahlkampf: Sie wollte ihren Mut zu Reformen betonen, ohne bereits selbst auf nennenswerte Erfolge beim Abbau der Arbeitslosigkeit verweisen zu können. Und sie wollte der Opposition im vorhinein die Fähigkeit zum Abbau der Arbeitslosigkeit absprechen, ohne selbst überzeugende eigene Erfolge auf diesem Sektor vorweisen zu können. Das Ergebnis ist ein vager Slogan mit der halbherzigen Wirkung einer halbherzigen syllogistischen Präsupposition. Schon der vage, eher defensive Umgang der SPD mit dem Thema Arbeitslosigkeit zeigt, dass dieses Thema die Achillesferse der SPD war. *Arbeit* war zwar Fahnenwort der SPD geblieben, aber sie konnte diese Fahne nur sehr halbherzig vorzeigen.

Auf der Plakatwand der CDU war die sog. "Herausforderin" Merkel zu sehen, wie sie, offenbar in einem Mediengespräch, engagiert und sendungsbewusst, Erläuterungen abgab. "Mehr Wachstum. Mehr Arbeit." war in großen Lettern auf dem Plakat zu lesen, wobei die Schlagwörter *Wachstum* und *Arbeit* noch zusätzlich durch größere Buchstaben hervorgehoben waren. Diesen Slogan kann man ebenfalls in eine partielle syllogistische Präsupposition übersetzen:

Wer mehr Wachstum schafft, schafft mehr Arbeit.
Die CDU/CSU schafft mehr Wachstum.
 Die CDU/CSU schafft mehr Arbeit.

Weil allen bekannt ist, dass das Wirtschaftswachstum unter der amtierenden Regierung sehr gering war, ist damit zugleich präsupponiert:

Die rot-grüne Bundesregierung schafft zuwenig Wachstum und infolgedessen auch zuwenig Arbeit.

Implizit behauptet ist nur der Kausalzusammenhang zwischen Wachstum und Arbeit, wobei suggeriert wird, dass die CDU/CSU in der Lage wäre, Wachstum zu bewirken. Es wird aber natürlich in dem kurzen Slogan nichts darüber gesagt, auf welche Weise ein für die Entstehung neuer Arbeitsplätze notwendiges Wirtschaftswachstum erreicht werden könnte.

Die beiden Plakatwände sind für mich gleichsam eine semiotische Miniatur des gesamten, ungewöhnlich kurzen Wahlkampfes 2005: Weil der Wahlkampf– nicht nur durch den gemeinsamen TV-Auftritt - sehr stark

als Duell zwischen Kanzler und Kandidatin personalisiert wurde, fand er in seiner Endphase innerhalb und außerhalb der Medien im wesentlichen nur noch als Zweikampf zwischen den beiden großen Volksparteien statt. Die CDU/CSU, repräsentiert durch Angela Merkel, war in der Angreifer-, die SPD, repräsentiert durch Gerhard Schröder, in der Verteidigungsposition. Durch Zuspitzung auf diese Zweier-Konstellation sollte das Klima einer "Richtungswahl" erzeugt werden, von der die Kandidatin sagte, sie sei mit der 1. Bundestagswahl von 1949 vergleichbar. Die kleineren Parteien, die gleichwohl als Koalitionspartner fest eingeplant waren, schienen im medialen Wahlkampfkonzert kaum noch wahrgenommen zu werden. Doch am Wahltag haben sich viele an sie erinnert und vermehrt ihnen ihre Stimme gegeben. Obwohl andere Regierungsbildungen möglich gewesen wären (die jedoch größtenteils von vornherein durch entsprechende Wahlkampfaußagen ausgeschlossen worden waren), haben die beiden großen Volksparteien daraufhin ihre Polarisierung während des Wahlkampfes vergessen und sich zur Großen Koalition zusammengeschlossen.

Im Folgenden soll zunächst (2.) die Wahlkampfssprache der CDU etwas genauer beleuchtet und dabei gezeigt werden, dass sie auf drei und einer halben Säule beruhte. Dies soll auf der Grundlage der vier wohl öffentlichkeitswirksamsten Textsorten des Wahlkampfes geschehen, nämlich der Plakate, der Fernseh- bzw. Radiowerbespots, des TV-Duells vom 4.9.2005 [2] sowie ihrer Bundestagsrede am 7.9.2005 [3]. Nebenbei ist zu fragen, inwieweit sich das gemeinsame Regierungsprogramm von CDU und CSU [5] in ihren werbewirksamsten Texten widerspiegelt.

In einem weiteren Schritt (3.) soll am Beispiel der Kandidatin Merkel der (auto)intertextuelle Charakter von Reden und Redebeiträgen im Wahlkampfreden verdeutlicht werden.

2. Wahlkampfssprache der CDU: dreieinhalb Säulen

2.1. Die erste Säule: *Arbeit*

Weil die nicht nur nicht reduzierte, sondern sogar deutlich angestiegene Arbeitslosigkeit in Deutschland gewissermaßen die Achillesferse der SPD war, aber natürlich auch, weil es sich dabei um ein die gesamte Gesellschaft bedrückendes Problem handelt, lag es für die CDU/CSU nahe,

ihren Wahlkampf auf das Thema Arbeit zu fokussieren. Hier stand die Regierungskoalition von Anfang an unter Druck und reagierte auch entsprechend defensiv, indem sie sich nur den Mut zu Reformen, nicht aber den schon erkennbaren Erfolg beim Abbau der Arbeitslosigkeit zuschreiben konnte. Die CDU/CSU machte daher *Arbeit* zu ihrem zentralen Fahnenwort und stützte es zugleich durch das abstrakte Hochwertwort *Wachstum* (das nur im Regierungsprogramm als *Wirtschafts-, Gerechtigkeits- und Innovationswachstum* ein wenig konkretisiert wird). Sie unternahm damit einen klassischen Versuch der Begriffsbesetzung, indem sie gleichsam das Monopol der SPD auf den Begriff *Arbeit* durchbrach und ihn zugleich öffentlich mit eigenen Konzepten in Verbindung brachte. Angesichts der Lage auf dem Arbeitsmarkt war die politische Situation für eine solche Begriffsbesetzung außerordentlich günstig. Und weil das Thema Arbeit bzw. Arbeitslosigkeit die meisten Wähler bewegte und die wichtigste Schwachstelle der sozialdemokratisch geführten Regierung bildete, war es nicht überraschend, dass es von der CDU/CSU zu ihrem zentralen Wahlkampfthema gemacht wurde, das in zahlreichen Variationen auftrat und dem alle anderen untergeordnet waren.

Nicht nur auf Plakaten, sondern auch in Werbespots und Wahlkampfreden versuchte die CDU nach der klassischen Begriffsbesetzungsstrategie, wie sie von Kurt Biedenkopf 1973 beim CDU-Parteitag in Hamburg entwickelt worden war, der früheren Arbeiterpartei eines ihrer zentralen Fahnenwörter zu entwenden und für sich zu vereinnahmen. Dies zeigen auch folgende Beispiele, deren arbeitsmarktpolitische Horror-Zahlen als Argumentationshilfe bereits im Regierungsprogramm von CDU und CSU verankert waren:

(1a) PLAKATE:

Die Bilanz von Rot-Grün: 5 Mio. Menschen ohne Arbeit.

Dafür steht Rot-Grün: 5 Mio. Menschen ohne Arbeit.

Die Bilanz von Rot-Grün: 1.000 Arbeitsplätze weniger pro Tag.

(1b) FERNSEHSPOT "Die Kugel"1:

Was wird aus unserem Land? Nie waren mehr Menschen ohne Arbeit. 1000 Arbeitsplätze verliert Deutschland jeden Tag. Rot-Grün hat viel versprochen und viel verspielt.

(1c) TV-DUELL am 4.8.2005:

Sie können doch nicht wirklich zufrieden sein mit der Lage im Lande. Wir haben fünf Millionen Arbeitslose. Wir verlieren jeden Tag, auch aufs letzte Jahr bezogen, da können Sie nicht von April bis Juni rechnen, da geht die Sonne auf, da nehmen die Arbeitsplätze zu - - - Im letzten Jahr, das hat die Bundesagentur uns jetzt noch mal gesagt, sind wieder jeden Tag 1100 Arbeitsplätze verloren gegangen, sozialversicherungspflichtige Arbeitsplätze. Und wenn Sie auf die Frage keine Antwort finden - - -

(1d) BUNDESTAGREDE von Angela Merkel am 7.9.2005:

Meine Damen und Herren, das, was die Menschen draußen im Lande interessiert, sind doch ganz andere Fragen. Das ist die Frage: Gibt es heute weniger Arbeitslose als vor sieben Jahren, als Rot-Grün begann, meine Damen und Herren?

Die Antwort heißt: Nein, es gibt nicht weniger Arbeitslose. Es gibt fast 5 Millionen Arbeitslose. Darüber kommen Sie auch nicht hinweg. Das ist einfach so; das weisen Ihre Statistiken aus.

Es gibt 1,3 Millionen Menschen in arbeitsmarktpolitischen Maßnahmen und es gibt, von der Bundesagentur vor wenigen Tagen noch einmal verdeutlicht, im Jahresdurchschnitt des letzten Jahres mehr als 1 000, genau: 1 100 sozialversicherungspflichtige Beschäftigungsverhältnisse weniger.

Die Strategie ist also, das Hochwertwort *Arbeit* im öffentlichen Bewusstsein als Fahnenwort mit der CDU/CSU zu verbinden, während der SPD – insbesondere auch durch die Wiederholung plakativer Schreckenszahlen - das Unwertwort *Arbeitslosigkeit* zugewiesen wird. Dies geschieht vor allem durch das Schüren von Existenzängsten durch den Hinweis auf den fortschreitenden Abbau von *Arbeitsplätzen* ("Was wird aus unserem Land? Nie waren mehr Menschen ohne Arbeit", "1000 Arbeitsplätze verliert Deutschland jeden Tag") und durch die stets präsupponierte Schuldzuweisung an den politischen Gegner ("Die Bilanz von Rot-Grün", "Rot-Grün hat viel versprochen und viel verspielt"); auch der rhetorischen Frage "Gibt es heute weniger Arbeitslose als vor sieben Jahren, als Rot-Grün begann, meine Damen und Herren?" aus der Bundestagsrede liegt diese Präsupposition zurunde.

Besonders plakativ war in diesem Zusammenhang die schon im Regierungsprogramm deutlich hervorgehobene Metapher von der "Vorfahrt für Arbeit", die zugleich (pragmatisch) präsupponiert, dass der Verbesserung des Arbeitsmarktes von der bisherigen Regierung nicht der Vorrang eingeräumt worden sei, und von der Kandidatin bei jeder sich bietenden Gelegenheit gebetsmühlenartig wiederholt wurde:

(1e) BUNDESTAGSREDE vom 7.9.2005:

Erstens. Wir brauchen Vorfahrt für Arbeit.

(Wilhelm Schmidt (Salzgitter) (SPD): Das ist doch eine Plattitüde!)

Richtig ist: Sozial ist, was Arbeit schafft. Diesen Weg werden wir konsequent verfolgen.

(Beifall bei der CDU/CSU und der FDP – Wilhelm Schmidt (Salzgitter) (SPD): Sie sagen aber nicht, wie!)

Wir brauchen die rechtliche Grundlage für betriebliche Bündnisse für Arbeit, um Arbeitsplätze in Deutschland zu erhalten und ihre Abwanderung zu verhindern. Das Ziel ist: Vorfahrt für Arbeit!

(Beifall bei der CDU/CSU und der FDP – Dr. Uwe Küster (SPD): Vorwärts in die Vergangenheit!)

Wir streben ein Bündnis mit den Bürgerinnen und Bürgern erstens mit der Zielsetzung "Vorfahrt für Arbeit" und zweitens mit der Zielsetzung "Zukunft für Familie" an.

Meine Damen und Herren, es geht um Vorfahrt für Arbeit, eine bessere Zukunft für Familien (Zuruf von der SPD: Blabla!)

(1f) TV-DUELL vom 4.9.2005:

Wir haben fast fünf Millionen Arbeitslose und wir müssen alles unternehmen, um zu sagen: Vorfahrt für Arbeit.

Wir wollen nach innen, dass wir Vorfahrt für Arbeit haben, dass wir sagen, sozial ist, was Arbeit schafft und unsere Kinder eine bessere Zukunft haben.

Zugleich stützt die Metapher von der "Vorfahrt" für Arbeit natürlich von vornherein schon selbst die These, dass Arbeit bzw. Arbeitsmarktpolitik die tragende Hauptsäule des CDU-Wahlkampfes gewesen ist.

Die Frage, die sich die Bürger an diesem Punkt stellen mussten (und anscheinend auch gestellt haben), war die nach den konkreten Maßnahmen, durch die die abstrakte Forderung nach Vorfahrt für Arbeit nach der Wahl in die Praxis umgesetzt werden sollte. Hier blieben die öffentlich wahrgenommenen Antworten der Kandidatin und ihrer Partei vermutlich deswegen ohne die gewünschte Wirkung, weil sie, wo sie konkret wurden, verschreckten, ohne zu überzeugen, und zum anderen Teil im Abstrakten steckenblieben.

Als konkrete wirtschaftspolitische Maßnahmen wurden immer wieder genannt:

- die Einschränkung des Kündigungsschutzes
- die Einführung einer "solidarischen Gesundheitsprämie"
- die Abschaffung der Steuerfreiheit mehr für Sonn- und Feiertagszuschläge
- die Abschaffung der Pendlerpauschale
- eine Erhöhung der Mehrwertsteuer um 2 Prozent und

- die Senkung des Spitzensteuersatzes

Diesen Vorschlägen mangelte es nicht an Konkretion, das Problem war nur, dass von ihrer Umsetzung fast jeder betroffen gewesen wäre, ohne dass sie eine klar erkennbare Antwort auf die Frage nach der Schaffung von mehr Arbeitsplätzen gegeben hätten.

Für die Einschränkung des Kündigungsschutzes bei Neueinstellungen hatte das Regierungsprogramm noch den Euphemismus vom "flexiblen Kündigungsschutz" gefunden, der aber in den zentralen Texten der Kandidatin seltsamerweise nicht erscheint. Das Modell der "solidarischen Gesundheitsprämie" war die im öffentlichen Diskurs frühzeitig als *Kopfpauschale* (die an *Kopfgeld* erinnert) stigmatisiert worden. Die Abschaffung der Steuerfreiheit für Sonn- und Feiertagszuschläge sowie der Pendlerpauschale und die Erhöhung der Mehrwertsteuer dürften als arbeitsmarktpolitische Maßnahmen nicht überzeugt haben, wobei zudem sozialpolitische Reizwörter im Spiel waren. Und das in der letzten Phase des Wahlkampfs propagierte (und z.T. dann wieder dementierte) Kirchhofsche Steuermodell mit seinem Einheitssteuersatz von nur 25 Prozent ab einem zu versteuernden Einkommen von 18.000 Euro konterkarierte – jedenfalls in seiner öffentlichen Wahrnehmung - das im Regierungsprogramm der CDU/CSU festgeschriebene Konzept einer Senkung des Eingangssteuersatzes auf 12 % und des Spitzensteuersatzes auf 39 % und dürfte nicht unerheblich zur Verunsicherung potentieller CDU-Wähler beigetragen haben (vgl. dazu auch Spreng 2006).

Auf der anderen Seite blieben viele Wahlkampfaussagen zum Thema Arbeit abstrakt und knüpften sich v.a. an die Hochwertwörter *Ideen*, *Innovation* und *Chancen*:

Die Formulierung von Deutschland als dem "Land der Ideen", die im Zusammenhang mit geplanter Forschungsförderung auch im Regierungsprogramm der CDU/CSU erscheint, ist aus der Antrittsrede von Bundespräsident Köhler (vom 1.7.2004) übernommen. Die Kandidatin hat diese abstrakte Formel fleißig wiederholt, so z.B. in ihrer Rede vor dem Deutschen Bundestag am 7.9.2005:

Ein Land der Ideen, in dem nicht die Bürokratie Triumphe feiert, sondern die Menschen im Vordergrund stehen ? das wird eine solidarische Gesellschaft. Dafür werden wir uns einsetzen.

Die Forderung nach Ideen allein ist jedoch ohne Überzeugungskraft.

Auch das Hochwertwort "Innovation" spielt schon im Regierungsprogramm eine wichtige Rolle, bleibt aber, selbst im Kontext der Forschungsförderung, in der öffentlichen Darstellung durch die Kandidatin ebenfalls relativ abstrakt. Ohne Hinweis auf ein konkretes Förderungskonzept werden v.a. die positiven Konnotationen des Schlagworts genutzt:

(1g) TV-DUELL vom 4.9.2005

Wir werden immer teurer sein, wenn wir unseren Wohlstand erhalten wollen. Deshalb liegt der Schlüssel bei Innovationen.

Wir brauchen auch den Niedriglohnsektor, aber mit dem Niedriglohnsektor werden wir unseren Wohlstand nicht erhalten. Deshalb: Innovation stärker fördern, vor allen Dingen auch die Rahmenbedingungen für Technologien.

(1h) BUNDESTAGSREDE vom 7.9.2005:

Deshalb ist der Schlüssel zu allem: Innovation, Forschung, Kreativität und Ideenreichtum unseres Landes. Darauf setzen wir; das ist unser Schwerpunkt.

Wir sind stolz darauf, dass wir in den Verhandlungen erreicht haben, dass die Leistungsstärksten und nicht die politisch am meisten Gewollten an der Innovation teilnehmen können und das Geld dafür bekommen.

Per Präsupposition wird zugleich implizit dem politischen Gegner die Innovationsfähigkeit abgesprochen. Auch das *Hochwertwort* Innovation ersetzt aber keinen arbeitsmarktpolitischen Maßnahmenkatalog.

Schon im Regierungsprogramm erscheint die Formulierung "Deutschlands Chancen nutzen" im Einleitungssatz des nur 8 Sätze umfassenden Schlussabschnitts und damit an exponierter Stelle. Zugleich war sie der zentrale Wahlkampfeslogan, der auf den Plakaten zu lesen war und auch von der Kandidatin verwendet wird:

(1i) PLAKATE:

Deutschlands Chancen nutzen. CDU

(1k) TV-DUELL:

Und ich bin überzeugt, in Deutschland steckt mehr. Die Menschen in diesem Lande können mehr. Wir müssen unsere Chancen nutzen. Dafür bitte ich um ihr Vertrauen.

Präsupponiert ist natürlich jedesmal, dass diese Chancen in der Tat bestehen und von der bisherigen Regierung nicht genutzt werden. Um was für Chancen in welcher Hinsicht es sich handelt, wird aber nicht gesagt, so dass auch hier ein eklatanter Mangel an Konkretion sichtbar wird, der sich

negativ auf die Wahlentscheidung ausgewirkt haben könnte, denn, so Spreng in seiner Wahlkampfanalyse: "Wähler (bis auf junge Aufsteiger, die ohnehin FDP wählen) wollen nicht mit Parteien "Chancen nutzen", sondern erwarten von Parteien Antworten auf ihre Sorgen und existenziellen Ängste" [7].

2.2. Die zweite Säule: *Politikwechsel*

Die zweite Säule, auf der Wahlkampf der CDU ruhte, war der Begriff *Politikwechsel* bzw. die Forderung nach dem Wechsel. Diese fand sich als zusätzlicher Text auf fast jedem Wahlplakat der Partei, erschien aber auch z.B. im Radiospot und im TV-Duell:

(2a) PLAKAT:

Deutschland braucht den Wechsel. Jetzt CDU

(2b) RADIOSPOT1:

Männerstimme aus dem Off: Genau. Am 18. September CDU wählen. CDU. Deutschland braucht den Wechsel.

(2c) TV-DUELL am 4.9.2005

Aber wenn es um Koalitionen geht, dann kann ich nur sagen, wir arbeiten für einen Wechsel und zwar für einen vollkommenen, kompletten Politikwechsel in Deutschland von CDU und CSU, gemeinsam mit der FDP. Wir haben ganz reale Chancen, dass wir das schaffen können. Und dann werden die Weichen auch wieder aufwärts gestellt, damit es Deutschland besser geht. Und das ist meine Option und ich glaube, dass wir sehr, sehr gute Chancen haben, die Wähler zu überzeugen.

Da die Schlagwörter "Politikwechsel" bzw. "Wechsel" auch von der F.D.P. verwendet wurden, können sie als gemeinsame Fahnenwörter einer designierten Koalition bezeichnet werden. Als Fahnenwörter einer an die Macht strebenden neuen Parteienverbindung sollen sie gleichsam zu abstrakten Hochwertwörtern aller Unzufriedenen werden und stellen die positiv emotionalisierenden, zugleich deontisch (mit der Forderung nach Einlösung) aufgeladenen Pendanten zum angstbesetzten Begriff *Arbeit* dar. Den entsprechenden Äußerungen liegt, da ja die Konklusion jeweils ausdrücklich genannt wird, stets die folgende partielle syllogistische Präsupposition zugrunde:

Wer eine Regierung hat, die 5 Mio. Arbeitslose, die Vernichtung von 1000 Arbeitsplätzen pro Tag usw. zu verantworten hat, der braucht den Wechsel.

Deutschland hat eine Regierung, die 5 Mio. Arbeitslose, die Vernichtung von 1000 Arbeitsplätzen pro Tag usw. zu verantworten hat

□ Deutschland braucht den Wechsel.

Pragmatisch präsupponiert wird in den entsprechenden Äußerungen und Wahlkampftexten beider Parteien auch: Nach einer Abwahl der bisherigen Bundesregierung werden mehr Arbeitsplätze entstehen und die Arbeitslosigkeit wird sinken. Da aber die konkreten Maßnahmen nach einer Übernahme der Regierungsverantwortung in den Wahlkampftexten zu einem Großteil ungenau oder gar nicht genannt (mit den o.g. Ausnahmen) bzw. nur in stark vereinfachten Modellen (s. Kirchhofs Steuermodell) dargeboten werden, so dass grundsätzliche Unterschiede zur bisherigen Regierungspolitik kaum hervortreten, muss die bloße Forderung nach einem bloßen "Wechsel" bei näherem Hinsehen ziemlich substanzlos erscheinen.

Angesichts günstiger Umfragewerte wurde dennoch nicht nur, wie allseits üblich, Siegesgewissheit verbreitet, sondern der Wahlkampf gleichsam mit resultativer Überheblichkeit geführt, denn anders sind bisher in Wahlkämpfen nie dagewesene Äußerungen wie "Deshalb sind Sie Vergangenheit, Herr Bundeskanzler, [...]" in der Bundestagsrede der Kandidatin wohl nicht zu verstehen. Der Salzgitteraner SPD-Abgeordnete reagiert denn auch an dieser Stelle mit dem Zwischenruf "Ziemlich arrogant!". Und der SPD-Vorsitzende Müntefering nutzt diese Formulierung später zu dem Vorwurf:

Der Hochmut, der eben bei Ihnen wieder durchbrach, als Sie so taten, als ob die Entscheidung schon gefällt sei, macht eines deutlich: Ihnen fehlt der Respekt vor den Menschen, die zu entscheiden haben.

Gegen Ende des Wahlkampfs zeigten große Plakatwände mit dem Konterfei Angela Merkels den Slogan *Ein neuer Anfang* – eine abstrakte emphatische Tautologie anstelle des Modells einer positiv in die Zukunftweisenden Politik.¹

2.3. Die dritte Säule: *Rot-Grün*

¹ Nicht zu Unrecht hat daher Spreng (2006) diesen Schluß-Slogan als "völlig inhaltslos" bezeichnet und hingefügt, in ihm seien "Schlüsselbegriffe nicht erkennbar".

Gegenstand der Schuldzuweisung wie des geforderten Wechsels war aus der Sicht der CDU/CSU die gegenwärtige Regierung, die konsequent als "Rot-Grün" bezeichnet wurde.

(3a) PLAKAT:

7 Jahre Rot-Grün. Deutschland braucht den Wechsel.

(3b) RADIOSPOT 1:

(Nachrichten-Jingle eines fiktiven Hörfunksenders, Fahrgeräusche) Radiosprecher: Es folgen Nachrichten. Fast 5 Millionen Menschen in Deutschland sind ohne Arbeit. Eine Trendwende ist nicht in Sicht. Experten rechnen in diesem Jahr mit etwa 40000 Firmenpleiten. Ein trauriger Rekord in der Geschichte der Bundesrepublik.

Mann: Oh, ich kann es nicht mehr hören.

Frau: Dann mach doch den Sender weg.

Mann: den Sender, den Sender. Rot-Grün muss weg.

Männerstimme aus dem Off: Genau. Am 18. September CDU wählen. CDU. Deutschland braucht den Wechsel.

(3c) FERNSEHSPOT "Die Kugel" 2:

Stimme aus dem Off (während sie spricht, wird eine Kugel gezeigt, die über einen großen Tisch rollt und verschiedene Gegenstände an- und umstößt, bevor sie schließlich kurz vor der Tischkante von der Hand Angela Merkels gestoppt wird): Was wird aus unserem Land? Nach sieben Jahren hinterlässt Rot-Grün eine erschreckende Bilanz: Wir haben das geringste Wachstum in ganz Europa, und das seit Jahren. Nie waren mehr Menschen ohne Arbeit. 1000 Arbeitsplätze verliert Deutschland jeden Tag. Jede Stunden kommen 6 Millionen Euro neue Schulden dazu. Rot-Grün hat viel versprochen und viel verspielt. Die Menschen sehnen sich nach Perspektive.

(3d) TV-DUELL vom 4.9.2005

Und selbst der heutige Bundeskanzler hat 1997 gesagt, dass er für die Senkung von Lohnzusatzkosten über die Mehrwertsteuer mit sich reden lassen würde. Das ist jetzt alles vergessen. Aber wir wissen ja, wie es ist mit den Ankündigungen und wie es dann nachher gemacht wird. Versprochen, gebrochen - das ist das Markenzeichen leider von sieben Jahren Rot-Grün.

Die sieben Jahre rot-grüner Regierungszeit bescheren uns jetzt 4,7 Millionen Arbeitslose. Warum sollen die Wähler Ihnen beiden glauben, dass Sie das Problem der Arbeitslosigkeit beheben können?

(3e) BUNDESTAGSREDE am 7.9.2005

Sie haben sieben Jahre lang entweder leere Versprechungen gemacht, die falsche Politik verfolgt oder Sie konnten sich nicht durchsetzen. Das ist der Dreiklang des rot-grünen Scheiterns.

Die Zuversicht in die Zukunft ist den Menschen in sieben Jahren Rot-Grün ein ganzes Stück abhanden gekommen. Das muss sich wieder ändern. Es muss wieder Licht am Ende des Tunnels scheinen, damit die Menschen verstehen, was Sache ist.

Während "Rot-Grün" von der Regierungskoalition als positive Selbstbezeichnung und insofern als Fahnenwort verwendet wurde, erschien diese Bezeichnung im Wahlkampf der CDU stets in negativ bewerteten Kontexten ("40000 Firmenpleiten", "viel versprochen und viel verspielt", "Versprochen – gebrochen", "rot-grünes Scheitern") und sollte dadurch auch im Bewusstsein der Öffentlichkeit eine stigmatisierende Bedeutung erhalten. Ziel war, das Schlagwort "Rot-Grün" in seiner nunmehr negativ konnotierten Bedeutung als übliche Bezeichnung für die bisherige Bundesregierung durchzusetzen und diese dadurch im Bewusstsein der Wähler zu desavouieren. Der hier wiederum sichtbare Versuch einer Begriffsbesetzung kann als die dritte Säule der Wahlkampfsprache der CDU/CSU bezeichnet werden.

2.4. Die "dreieinhalbte" Säule: *Abbau der Bürokratie*

Eine weitere, besonders schwache und insofern nur "halbe" Säule des CDU-Wahlkampfes bildete die Forderung nach Abbau der Bürokratie, die in Reden und Fernsehauftritten unablässig wiederholt wurde, allerdings auf Wahlplakaten nicht erschien. In ihrer Abstraktheit war diese Forderung wohlfeil, weil ihr allgemeine Zustimmung gewiss war, ohne dass sie durch Nennung konkreter Maßnahmen unterfüttert werden musste:

(4a) TV-DUELL vom 4.9.2005:

Wir machen in einem ersten Schritt wachstumsfördernde Maßnahmen. Dazu gehört Bürokratieabbau, dazu gehört Flexibilisierung des Arbeitsrechts.

Auch das ist eine vernünftige Maßnahme. Bürokratie abbauen. Der Wirtschaftsminister Clement ist massiv gescheitert bei all seinen Versuchen, das zu machen, weil - wie immer - die sozialdemokratische Fraktion und die Grünen nicht gefolgt sind. Das sind die Dinge, die Deutschland noch weiter nach vorne bringen würden.

Wir wollen die "Riester-Rente" entbürokratisieren, damit Menschen einfacher noch die kapitalgedeckte Vorsorge machen können.

(4b) BUNDESTAGSREDE vom 7.9.2005:

Die Frage, die die Menschen interessiert, ist: Gibt es weniger Bürokratie? Da ist die Bilanz ganz eindeutig: 700 neue Gesetze und mehr als 1 000 neue Verordnungen. Wer da behauptet, es gebe weniger Bürokratie, und darauf verweisen sollte, dass Herr Clement 44 Regelwerke abgeschafft hat, dem kann ich nur sagen: Grandios gescheitert. Alles ist komplizierter geworden. – Das ist die Bilanz von Rot-Grün.

Drittens. Wir werden Bürokratieabbau ganz vorne ansetzen. In der jetzigen Situation des Haushaltes gibt es nur eine Möglichkeit: Wachstum schaffen vor allen Dingen durch Maßnahmen, die nichts kosten. Deshalb ist Bürokratieabbau ein Schlüsselpunkt in unserem Programm.

(Wilhelm Schmidt (Salzgitter) (SPD): Was heißt das denn?)

– Das heißt, dass wir uns noch einmal vergegenwärtigen müssen, dass kleine und mittlere Unternehmen heute 4 bis 6 Prozent ihres Umsatzes für Bürokratiekosten ausgeben. Da ist es vielleicht einmal einen Gedanken wert, zu überlegen: Wie halbieren wir die Bürokratiekosten, um so den Mittelstand mit mehr Eigenkapital auszustatten und es ihm zu ermöglichen, Kredite aufzunehmen und damit in die Zukunft zu investieren und dann auch wieder mehr junge Leute auszubilden?

In den beiden Texten wird die Entbürokratisierung jeweils mit dem zum Abbau der Arbeitslosigkeit notwendigen Wachstum in Verbindung gebracht. Dass der Bürokratieabbau, der ja von der Kandidatin sogar als "Schlüsselpunkt in unserem Programm" bezeichnet wird, als solcher zur Wachstumsförderung beiträgt, leuchtet jedoch ohne weitere Begründung nicht ein und dürfte eher mit der Furcht vor Personalabbau in den Verwaltungen verbunden worden sein. Während im Regierungsprogramm ausdrücklich von der "Entlastung der Wirtschaft von Bürokratiekosten" die Rede war, führte die vereinfachende Übersetzung in "Bürokratieabbau" zu einer semantischen Verdunkelung der tatsächlich gemeinten Maßnahmen. Nur in der Bundestagsrede wird die Frage der Bürokratiekosten am Rande sichtbar.

3. Textbausteine als (auto)intertextuelle Bezüge in Reden und Redebeiträgen der Kandidatin

Der Wahlkampf einer Partei ist eine Phase koordinierter Werbeanstrengungen, die Zeit des "Schulterschlusses", in der auch konkurrierende Gruppen zumindest versuchen, am selben Strang zu ziehen und mit derselben Zunge zu sprechen. Nichts kommt beim Wähler schlechter an als mangelnde "Geschlossenheit", die dem Vertrauen in die spätere Einhaltung von Wahlversprechen naturgemäß wenig zuträglich ist. Der Ort, an dem der "Schulterschluss" (manchmal sogar symbolisch) vollzogen wird, ist der Wahl(kampf)parteitag. Hier wird zugleich das Wahlprogramm beschlossen, das dann die Basis abgibt, von der aus im Wahlkampf argumentiert werden wird. Ein solches Wahlprogramm ist in wesentlichen Teilen ein Kompromisspapier, in dessen Aussagen sich

möglichst alle relevanten Flügel einer Partei wiederfinden sollen. Es enthält die Thesen, Forderungen und Formeln, auf die man sich geeinigt hat. Um den erzielten Konsens – und damit den "Schulterschluss" – nicht zu gefährden, müssen sich die Wahlkampftexte und die Wahlkampfredner weitestgehend an Geist und Buchstaben des Wahlprogramms halten. Auch die von der Wahlkampfkommission und Präsidium abgesegneten Wahlkampflogos auf den Plakaten und in den Werbespots spiegeln die wesentlichen Aussagen des Wahlprogramms wider. Wie alle anderen Wahlkampfaussagen sind sie Teil einer großangelegten Kampagne, die dem Prinzip der "medialen Distribution" folgt und in der die Wähler "wenigen, durchgängig herausgestellten 'Aussagen'" immer wieder begegnen sollen [4]. Kein Wunder also, dass die Repräsentanten der Parteien bei ihren Wahlkampfauftritten immer wieder auf die programmatischen Formeln und die plakativen Slogans zurückgreifen, die, wie Klein gezeigt hat, über ihre jeweiligen Wirtstexte hinausverweisen, indem sie sie – als entsprechende Symptome - (über)deutlich in die betreffende Kampagne integrieren. Und wer im Wahlkampf mehrmals am Tag vor dem Wahlvolk auftritt, kann nicht nur nicht jedesmal mit gehöriger Kreativität zu Werke gehen, sondern darf dies auch gar nicht tun, um a) die Geltung der parteiinternen Kompromisse und b) die Werbewirksamkeit der erarbeiteten Slogans nicht zu gefährden. Beides muss zwangsläufig dazu führen, dass Reden und Redebeiträge zu einem Großteil aus vorfabrizierten Versatzstücken zusammengefügt werden, die den routiniert auftretenden Politikern als gleichsam auswendig gelerntes Repertoire an Kommunikationsbausteinen zur Verfügung stehen. Stellvertretend für alle Wahlkämpfer, die unter ähnlichem situationsbedingtem Wiederholungszwang leiden, soll dies an den Reden von Angela Merkel am 10. August 2005 in Köln [6] und am 7. September im Deutschen Bundestag sowie an ihren Redebeiträgen während des sogenannten TV-Duells am 4. September 2005¹ gezeigt werden. Dieses Phänomen der fast oder ganz wörtlichen und nicht als Zitat gekennzeichneten Wiederholung eigener Äußerungen in öffentlichen Redesequenzen desselben Diskurses möchte ich als "Auto-Intertextualität" bezeichnen.

¹ Zur besseren Identifikation sind im Folgenden Auszüge aus der Kölner Rede in der Schriftart New York, wiedergegebene Passagen aus der Bundestagsrede in Arial und Zitate aus dem TV-Duell in Times New Roman gesetzt. Inhaltsgleiche oder wörtliche Wiederholungen sind unterstrichen.

Da angesichts zahlreicher Insolvenzen und hoher Arbeitslosigkeit Arbeit das zentrale Wahlkampfthema ist (s.o.), müssen zunächst einmal die auch auf den Plakaten und in den Werbespots genannten Horrorzahlen bei jeder Redegelegenheit wiederholt werden:

(1a) Fünf Millionen fast Arbeitslose. Wenn alle sich melden würden, die gerne Arbeit hätten, sind es weitaus mehr. [...] Fast 5 Millionen - da können Sie pfeifen oder nicht – das ist die Realität, man muss ja wenigsten noch die Wahrheit sagen können, meine Damen und Herren, in Deutschland, das Mindeste, was man braucht. [...] Heute nach drei Jahren ist die Realität, dass 1,5 Millionen Arbeitsplätze in drei Jahren verloren gegangen sind, meine Damen und Herren. 1,5 Millionen sozialversicherungspflichtige Arbeitsplätze sind verloren gegangen, und das muss sich ändern. (Rede v. 10.8.2005)

(1b) Das ist die Frage: Gibt es heute weniger Arbeitslose als vor sieben Jahren, als Rot-Grün begann, meine Damen und Herren?

(Ludwig Stiegler (SPD): Ja, es gibt weniger! Sie können nur nicht zählen! Plus und Minus können Sie nicht unterscheiden!)

Die Antwort heißt: Nein, es gibt nicht weniger Arbeitslose. Es gibt fast 5 Millionen Arbeitslose. Darüber kommen Sie auch nicht hinweg. Das ist einfach so; das weisen Ihre Statistiken aus.

(Ludwig Stiegler (SPD): Sie sind eine Fälscherin!)

Es gibt 1,3 Millionen Menschen in arbeitsmarktpolitischen Maßnahmen und es gibt, von der Bundesagentur vor wenigen Tagen noch einmal verdeutlicht, im Jahresdurchschnitt des letzten Jahres mehr als 1 000, genau: 1 100 sozialversicherungspflichtige Beschäftigungsverhältnisse weniger. (Bundestagsrede vom 7.9.2005)

(1c) Geht es unserem Land heute besser als vor sieben Jahren als Rot-Grün antrat? Ist das Wachstum höher? Ist die Arbeitslosigkeit niedriger und haben wir weniger Bürokratie?

Wir haben fünf Millionen Arbeitslose. Wir verlieren jeden Tag, auch aufs letzte Jahr bezogen, da können Sie nicht von April bis Juni rechnen, da geht die Sonne auf, da nehmen die Arbeitsplätze zu - - Im letzten Jahr, das hat die Bundesagentur uns jetzt noch mal gesagt, sind wieder jeden Tag 1100 Arbeitsplätze verloren gegangen, sozialversicherungspflichtige Arbeitsplätze. (TV-Duell v. 4.9.2005)

Implizit, insbesondere in den rhetorischen Fragen am Anfang von (1b) und (1c), wird die Schuld für die Arbeitsmarktmisere der bisherigen Regierung ("Rot-Grün") zugeschrieben. Zugleich wird die sich in diesem Zusammenhang anbietende Möglichkeit ergriffen, an das vollmundige Wahlversprechen des 2002 wiedergewählten Bundeskanzlers (bzw. seines damaligen Vertrauten Peter Hartz) zu erinnern, die Arbeitslosigkeit durch seine Politik drastisch zu reduzieren, und dies durch ironische Verwendung des entsprechenden (Fremd)zitats zu untermauern:

(2a) [...] damals hat er gesagt vor drei Jahren, "Ich werde innerhalb von drei Jahren 1,5 Millionen Arbeitsplätze mindestens neu schaffen." Heute nach drei Jahren ist die Realität, dass 1,5 Millionen Arbeitsplätze in drei Jahren verloren gegangen sind, meine Damen und Herren. 1,5 Millionen sozialversicherungspflichtige Arbeitsplätze sind verloren gegangen, und das muss sich ändern. Es hat sich nichts von all den Prophezeiungen erfüllt. Und das muss beim Namen genannt werden, wenn wir unser Land wieder nach vorne bringen wollen. (Beifall)
Das ist die Hinterlassenschaft von sieben Jahren Rot-Grün. (Rede v. 10.8.2005)

(2b) Wir müssen Sie einfach wieder an Ihre Worte erinnern, Herr Bundeskanzler – Sie haben damals richtigerweise die Arbeitslosigkeit zum zentralen Maßstab Ihres Erfolgs gemacht –: Wenn es uns nicht gelingt, die Arbeitslosigkeit signifikant zu senken, dann sind wir es nicht wert, wieder gewählt

zu werden. – Wo Sie Recht haben, haben Sie Recht; genau das wird passieren. (Bundestagsrede vom 7.9.2005)

(2c) Herr Schröder ist angetreten 1998 mit der Maßgabe ”Wenn ich es nicht schaffe, die Zahl der Arbeitslosen signifikant zu reduzieren, dann bin ich es nicht wert, wiedergewählt zu werden”. Jetzt sind sieben Jahre Rot-Grün vorbei und die Zahl im Juli war höher als die Zahl unter der Regierung Helmut Kohl. (TV-Duell v. 4.9.2005)

Indem die Rednerin das Fremdzitat mehr oder weniger wörtlich wiederholt, wird es zum Zitat eines Zitats aus einem früheren Eigenbeitrag und erhält dadurch auto-intertextuelle Qualität.

Um der (auto)intertextuellen Konsistenz der Kampagne und des Wiedererkennungswertes bei den Adressaten willen müssen des weiteren einige zentrale, auch die Plakate zierende Schlagwörter bzw. Metaphern oder Slogans wiederholt werden; dies gilt erst recht für den für den Wahlkampf der CDU zentralen metaphorischen Slogan ”Vorfahrt für Arbeit”:

(3a) [...] wichtiger und deshalb sagen wir in unserem Programm auch: Vorfahrt für Arbeit. Arbeit hat erst einmal die allerhöchste Priorität, weil Arbeitsplätze das sind, was Deutschland wieder im Wachstum nach vorne bringt und was wir dann noch schaffen müssen, meine Damen und Herren. (Beifall) [...]

Meine Damen und Herren, deshalb sagen wir: ”Vorfahrt für Arbeit” heißt an dieser Stelle eben auch leider, Ihnen zu sagen: Wir müssen die Mehrwertsteuer um zwei Prozent erhöhen.(Beifall) [...]

Deshalb wird sich jeder entscheiden müssen am 18. September, ob er mit uns die Einschätzung teilt: Vorfahrt für Arbeit und als zweiten Schwerpunkt Zukunft für unsere Familien. (Rede v. 10.8.2005)

(3b) Erstens. Wir brauchen Vorfahrt für Arbeit.

(Wilhelm Schmidt (Salzgitter) (SPD): Das ist doch eine Plattitüde!) [...]

Wir brauchen die rechtliche Grundlage für betriebliche Bündnisse für Arbeit, um Arbeitsplätze in Deutschland zu erhalten und ihre Abwanderung zu verhindern. Das Ziel ist: Vorfahrt für Arbeit! [...]

Meine Damen und Herren, es geht um Vorfahrt für Arbeit, eine bessere Zukunft für Familien (Zuruf von der SPD: Blabla!) (Bundestagsrede vom 7.9.2005)

(3c) Wir haben fast fünf Millionen Arbeitslose und wir müssen alles unternehmen, um zu sagen: Vorfahrt für Arbeit. (TV-Duell v. 4.9.2005)

Indem solche Vorfahrt für die eigene Politik beansprucht wird, ist sie derjenigen des Gegners per praesuppositionem zugleich abgesprochen. Zugleich wird das auto-intertextuelle Zitat in den größeren intertextuellen Zusammenhang des CDU-Regierungsprogramms, dem die Formel entnommen ist, im Besonderen und der Wahlkampagne im Allgemeinen eingebettet.

Ähnliches gilt z.B. für das Fahnenwort *Politikwechsel*, das immerhin in zwei der drei Texte erscheint:

(4a) Und deshalb müssen wir einen Wechsel vollziehen und zwar einen vollkommenen Politikwechsel. Deshalb brauchen wir eine Koalition von Union und FDP mit einer starken CDU. (Rede v. 10.8.2005)

(4b) Aber wenn es um Koalitionen geht, dann kann ich nur sagen, wir arbeiten für einen Wechsel und zwar für einen vollkommenen, kompletten Politikwechsel in Deutschland von CDU und CSU, gemeinsam mit der FDP. (TV-Duell v. 4.9.2005)

Wegen der größeren zeitlichen Nähe zueinander und der Bezugnahme auf Ereignisse und Wahlkampfangen des Redners, die zum Zeitpunkt der Kölner Rede noch nicht bekannt sein konnten, ist der Grad der auto-intertextuellen Übereinstimmung zwischen TV-Duell und Bundestagsrede natürlich viel größer und geht bis in einzelne Formulierungen:

(5a) Wenn Sie durchs Land gehen und den Menschen sagen, sieben Jahre Rot-Grün seien gute Jahre für das Land gewesen.

(Beifall bei der SPD sowie bei Abgeordneten des BÜNDNISSES 90/DIE GRÜNEN)

dann ist das Hohn in den Augen derer, die heute Angst um ihren Arbeitsplatz haben, die keinen Arbeitsplatz haben, die Pleite gehen, die sich mit Bürokratie herumschlagen. Das ist blanker Hohn! (Beifall bei der CDU/CSU und der FDP) (Bundestagsrede vom 7.9.2005)

(5b) Also, Herr Schröder läuft durchs Land und sagt: Sieben Jahre Rot-Grün, das waren sieben gute Jahre für Deutschland. Nun muss ich ganz ehrlich sagen: Das ist in den Ohren vieler, vieler Menschen wirklich der blanke Hohn. (TV-Duell v. 4.9.2005)

Oder mit teilweise dementierendem Bezug auf das Kirchhofsche Steuermodell und die diesbezüglichen Polemiken des Gegners:

(6a) Wir werden ein Programm auflegen, mit dem wir den Eingangssteuersatz auf 12 Prozent und den Spitzensteuersatz auf 39 Prozent senken und im Gegenzug eine Vielzahl von Ausnahmen abschaffen.

(Zurufe von der SPD: Welche? – Gernot Erler (SPD): Her mit der Liste!)

- Die stehen alle in unserem Regierungsprogramm und sind sehr gut nachlesbar. – Dann wird ein Stück mehr Gerechtigkeit in die gesamte Steuerdebatte kommen. [...]

- Ich kann das eigentlich nur mit permanenten historischen Irrtümern erklären. Auch Kurt Schumacher – erinnern wir uns – hat im Wahlkampf 1949 immer ganz deutlich von einem Professor aus Nürnberg gesprochen, der ein Werbeluftballon sei, der ein Agitator sei, der ein Ideologe sei. Meine Damen und Herren, es war Ludwig Erhard, der Vater der sozialen Marktwirtschaft. Sie haben bis Anfang der 60er-Jahre gebraucht, um zu verstehen, was dieser Mann für Deutschland bedeutet hat. (Bundestagsrede vom 7.9.2005)

(6b) Zweitens, es gilt unser Regierungsprogramm: Eingangssteuersatz für die, die wenig verdienen 12 Prozent, Spitzensteuersatz 39 Prozent; 8.000 Euro für jedes Kind und jeden Erwachsenen Steuerfreibetrag. [...]

Und deshalb kann ich nur sagen, wir müssen hier auf Gerechtigkeit achten, wie wir insgesamt im Steuersystem auf Gerechtigkeit achten müssen. Und zweitens, ich kann Ihnen nur sagen, Sie sagen immer "der Professor aus Heidelberg" zu Herrn Professor Kirchhof - - - Ich kann nur sagen, es gab mal einen Mann namens Kurt Schumacher, der hat immer von dem Professor aus Nürnberg gesprochen, als Werbeluftballon, als Ideologe, als Agitator wurde er bezeichnet. Das war der Vater der sozialen Marktwirtschaft: Ludwig Erhard. (TV-Duell v. 4.9.2005)

Ein letztes Paar von Beispielen bezieht sich auf die Ökosteuer. Neben überwiegend gleicher Lexik und gleichen Formulierungen kulminiert die

betreffende Passage jeweils in einem Vorwurf an die alte Bundesregierung, der die Gestalt eines in Reimform gegossenen Wahlkampflogans hat:

(7a) Wahr ist auch, dass Sie, Herr Bundeskanzler, 1998 den Menschen versprochen haben, es gebe nicht mehr als 6 Pfennig – das sind ungefähr 3 Cent – Mineralölsteuererhöhung. Mehr sei mit Ihnen nicht zu machen. Das sei das Ende der Fahnenstange, haben Sie hinzugefügt. Dann haben Sie gesagt: Mein Wort gilt. – Gucken Sie sich die "Bild am Sonntag" an: Mein Wort gilt. (Unruhe bei der CDU/CSU)

Heute sind wir bei 15 Cent und die Bürgerinnen und Bürger können sich einen Eindruck davon verschaffen, wie das Wort des Bundeskanzlers gegolten hat: versprochen, gebrochen. Alles Schall und Rauch, meine Damen und Herren.

(Beifall bei der CDU/CSU und der FDP) (Bundestagsrede vom 7.9.2005)

(7b) Herr Bundeskanzler: Sie haben '98 den Wählerinnen und Wählern versprochen, sechs Pfennig - darüber ist mit mir zu reden, aber das ist dann das Ende der Fahnenstange. Wenn wir da heute wären, wären wir ungefähr bei drei Cent, dann wäre alles ganz prima. Und in der Regierungserklärung haben Sie dann '98 gesagt, dass dieses Geld, was über die Ökosteuer eingenommen wird, voll der Rente zufließt. Auch das ist nicht der Fall.

Aber wir wissen ja, wie es ist mit den Ankündigungen und wie es dann nachher gemacht wird. Versprochen, gebrochen - das ist das Markenzeichen leider von sieben Jahren Rot-Grün. (TV-Duell v. 4.9.2005)

Das argumentative Gerüst der Bundestagsrede der Kandidatin bildet eine Sequenz von Fragen zur Politik der rot-grünen Regierung, die zugleich als Leitfragen für die Wähler bei ihrer späteren Wahlentscheidung gedacht sind und jeweils in die Proposition zurückweisender Art beantwortet werden. Es handelt sich um Fragen die zugleich rhetorische und Problematisierungsfragen sind:

Gibt es heute weniger Arbeitslose als vor sieben Jahren, als Rot-Grün begann, meine Damen und Herren?

Geht es unserem Land heute besser als vor sieben Jahren als Rot-Grün antrat?

Die Frage, die die Menschen interessiert, ist: Gibt es weniger Bürokratie?

Ist die Arbeitslosigkeit niedriger und haben wir weniger Bürokratie?

Gibt es heute mehr Wachstum als vor sieben Jahren?

Ist das Wachstum höher? Ist die Arbeitslosigkeit niedriger und haben wir weniger Bürokratie?

Sind unsere sozialen Sicherungssysteme sicherer geworden?

Sind unsere Rente, Pflege und Gesundheit sicherer?

Die Beispiele zeigen, dass die auto-intertextuelle Wiederholung nur selten und nur bei kürzeren Versatzstücken wirklich wörtlich erfolgt, weil das Zitieren aus dem Gedächtnis – wie insbesondere beim Vergleich der Redebeiträge des TV-Duells mit dem Text der Bundestagsrede deutlich wird – in der Regel nur eine Quasi-Wörtlichkeit erlaubt. Dabei ist natürlich klar, dass in allen Reden und Medienauftritten der Wahlkampfzeit die

zentralen Argumente, Schlagwörter und Slogans wiederholt werden müssen, weil Situation und Textsorte dies so verlangen. Vergleicht man jedoch Bundestagsreden und Turns im TV-Duell der beiden Kontrahenten Schröder und Merkel in Bezug auf ihre Wiederholungsquote, so zeigt sich, dass der damals noch amtierende Bundeskanzler wesentlich spontaner und origineller zu reagieren versteht als seine Gegenkandidatin (s. Liebeserklärung an seine Frau), obwohl natürlich auch er nicht umhin kommt, die wesentlichen Wahlkampfaußsagen seiner Partei erneut vorzutragen. Insofern ist Schröders Punktsieg im TV-Duell sicher v.a. der Art seines Auftretens geschuldet. Der Vorteil der Wiederholung besteht jedoch auf der anderen Seite ganz sicher darin, dass der durch sie erzeugte Wiedererkennungswert für die Wähler höher ist und es so besser gelingen mag, die Partei und sympathisierende Wähler hinter sich zu scharen. Schließlich wird von der Eigengruppe erwartet, dass ihr Repräsentant bei jedem intra- oder extra-medialen öffentlichen Auftritt dasjenige vorbringt, was sie sich – zumindest für dem Wahlkampf – auf ihre Fahnen geschrieben hat.

4. Schlussbemerkung

Wahlkampf heute ist nicht der Ort der Originalität, sondern der gebetsmühlenartigen (auto)intertextuellen Wiederholung abstrakter Begriffe und Wertvorstellungen. Er besteht zum Großteil aus Versatzstücken, die sich am Wahl- oder Regierungsprogramm und an früheren Eigenbeiträgen der Kandidaten orientieren. Seine wesentlichen sprachlichen Mittel sind: der lexikalisch-semantische Schlag(wort)abtausch und die – den Gegner BEZICHTIGENDE, sich selbst dagegen AUFWERTENDE - Präsupposition. Wahlkampfreden und -diskussionen leben – zumindest auf die Dauer – von der Repetition auswendig gelernter Argumente und Formulierungen. Das macht sie auch gegen Ende eines Wahlkampfes hin so schwer erträglich. Besonders deutlich zeigt sich dies bei der CDU-Vorsitzenden, die in ihrer Bundestagsrede vieles von dem mehr oder weniger wörtlich wiederholte, was sie zuvor im TV-Duell gesagt hatte, und dabei sogar ihre Fragen an die Wähler wiederholt, die sie ohnehin schon im Kern bei Ronald Reagan abgekupfert hatte.

Angesichts der hohen Arbeitslosigkeit und der Ansehenskrise der amtierenden Regierung war die Lage für einen deutlichen Wahlsieg der

CDU/CSU, wie er von den Meinungsforschungsinstituten auch vorausgesagt worden war, außerordentlich günstig. Wieso aber war dann der Wahlkampf trotz der Dominanz eines die Menschen hautnah angehenden Themas, bei dem die Regierung nicht auf Erfolge verweisen konnte, für die CDU dennoch bei weitem nicht so erfolgreich wie kurz vor dem Wahltag noch prognostiziert? Wer immer wieder auf die extreme Höhe der Arbeitslosenzahlen und die galoppierende Vernichtung von Arbeitsplätzen hinweist und der amtierenden Regierung dafür die Verantwortung zuschreibt, mag zwar den politischen Gegner desavouieren. Wenn er dann aber selbst keine überzeugenden eigenen Konzepte vorlegen kann und/oder in abstrakte Hochwertwörter ausweicht, wirkt seine Kampagne v.a. als Schwarzmalerei. Der Wähler kann sich dann fragen, warum er bei der Stimmabgabe wechseln sollte, wenn unter einer neuen Koalition massive Einschnitte befürchten muss, obwohl er bei den sie anstrebenden Parteien keine überzeugende alternativen Konzepte erkennen kann. Insofern ist Sprengs Auffassung richtig, dass die CDU im Wahlkampf 2005 kaum positive Botschaften vermittelt hat, denn entweder nannte sie konkrete Maßnahmen, die von der Bevölkerung als wirtschaftspolitische Folterwerkzeuge empfunden wurden (Kopfpauschale, Mehrwertsteuererhöhung), ohne sie als Arbeitsmarkt- und sozialpolitisch effektive Instrumente zu verstehen, oder sie blieb in abstrakten Forderungen nach neuen Ideen, Innovation und dem Nutzen von Chancen stecken. Es scheint daher, als wäre hier der "bekannte Mechanismus" wirksam geworden, "dass der positive Teil einer Botschaft nicht durchdringt, wenn der negative zu stark ist" [7].

So bleibt nur der Wille zum Wechsel und zur Übernahme der Kanzlerschaft selbst als zentrale Message. Sie kam aber beim Wähler offenbar nicht in der erwünschten Weise an, denn bei aller Polarisierung im Wahlkampf waren die Programme der beiden großen Volksparteien in ihren Grundlinien kaum voneinander zu unterscheiden. Das Wahlergebnis und das weitgehend problemlose Zustandekommen einer Großen Koalition sind daraus eigentlich nur die logische Konsequenz.

Literatur

1. Burkhardt A. Das Parlament und seine Sprache. Studien zu Theorie und Geschichte parlamentarischer Kommunikation. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2003 (= Reihe Germanistische Linguistik 241).

2. Das TV-Duell. REGIERUNGonline/Julia Fassbender. Angela Merkel und Bundeskanzler Schröder // REGIERUNGonline: <http://www.bundesregierung.de>
3. Deutscher Bundestag. Plenarprotokoll. 15. Wahlperiode, 186. Sitzung v. 7. September 2005.
4. Klein J. Politische Textsorten // Klaus Brinker (Hrsg.): Aspekte der Textlinguistik. Hildesheim, 1991 (Germanistische Linguistik 106–107). S. 245–278.
5. Regierungsprogramm von CDU und CSU: <http://www.regierungsprogramm.cdu.de>.
6. Merkel A. Rede vom 10.8.05 in Köln (Domplatte).
7. Spreng M.H. Wahlkampf als eiskalte Polarexpedition // Forschungsjournal Neue Soziale Bewegungen. 2006: <http://www.fjnsb.de>

Сведения об авторе

Армин Буркхардт
доктор наук, профессор
Институт германистики
Магдебургского университета, Германия

Prof. Dr. Dr. h.c. Armin Burkhardt
Otto-von-Guericke-Universität Magdeburg
Institut für Germanistik
Lehrbereich Sprachwissenschaft
E-mail: armin.burkhardt@ovgu.de

ГИПЕРАКТ СООБЩЕНИЯ В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ И ОБЪЕДИНЯЕМЫЕ ИМ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ

А.М. Горлатов

*Минский государственный лингвистический университет,
Минск, Беларусь*

В статье рассматриваются особенности процесса информирования в немецкоязычных рекламных текстах. Гиперакт сообщения предстает здесь как комплекс речевых актов, ряд которых содержит дополнительный смысл, призванный оказывать запланированное воздействие на потенциальных получателей рекламной информации

Ключевые слова: гиперакт, дискурс, кванторная лексика, смысловый инвариант.

Information as a Hyper Speech Act in German Advertising Discourse and Associated Speech Acts Anatoly Gorlatov

The article deals with specific features of information process in German advertising texts. Information appears as a hyper speech act which is a complex of other speech acts. Some of them contain additional meanings connotations aimed at producing a certain impact on the potential recipients of advertising information

Key words: hyper acts, discourse, quantifying words, meaning invariants.

Сообщение служит смысловым инвариантом, вбирающим множество актов – вариантов реализации сообщения. Среди них по направленности и содержанию текстов можно выделить *инициативные и реактивные* акты. В инициативных актах не прослеживается, а в реактивных присутствует дополнительный смысл, создающий в целом более усложненную смысловую палитру.

Инициативные речевые акты выступают как сообщения в узком смысле слова с установкой на деловое, т.е. серьезное восприятие их содержания, в виде уведомлений. Они строятся продуцентами рекламных текстов так, чтобы достигалась убедительность, и об этом позволяет судить нижеследующий пример:

Im Geschäftsjahr 1992 erwirtschaftete die Datax eG – bei einem Zuwachs gegenüber 1991 um 24% — einen Umsatz von DM 9,0 Mio und erzielte einen Gewinn vor Steuern von DM 1,9 Mio. Nach Steuern weist die Datax eG einen

Jahresabschluß in Höhe von TDM 748,8 aus. Diese positive Ertragslage ermöglicht der Verwaltung, ihren Mitgliedern in der Vertreterversammlung am 23. September 1993 – wie im Vorjahr – eine Verzinsung der Geschäftsguthaben von 7,5% p.a. nebst einer Dividende von 5,0% (zzgl. Körperschaftsteuergutschrift) vorzuschlagen. Die sich hieraus ergebende Gesamtbeteiligungsrendite für die Mitglieder, deren Anzahl sich 1992 von 4.433 auf 8.191 erhöht hat, beläuft sich somit auf 15,3% p.a. Den darüber hinaus der Gesellschaft verbleibenden Bilanzgewinn (TDM 615,3) stellt die Datax eG in die Rücklagen ein bzw. trägt ihn auf neue Rechnung vor.

*Datax eG – Ihr Partner für neuzeitliche Datenverarbeitungs-
lösungen mit leistungsfähigem Rechenzentrum.*

*DIE GÖTTINGER GRUPPE
NEUE WERTE FÜR IHR GELD.
(Handelsblatt)*

Рекламный характер подобных сообщений маскируется объективной информацией, и в подкрепление ее снабжается, как правило, цифровыми данными, т.е. *кванторными словами*, усиливающими деловую аргументацию и представляющими имплицитно девиз адресанта.

В реактивные речевые акты сообщения имплицированы смысловые компоненты констатаций, основанные на общей предварительной (пропозициональной) информации о рекламируемом объекте. Вместе с тем адресат должен не просто воспринимать информацию, но содержанием текстов побуждаться к положительному восприятию рекламы.

Анализ текстового воплощения гиперакта сообщения позволяет выделить в его структуре речевой акт сообщения со значением *прямого одобрения*. Его суть состоит в том, что он содержит в плане выражения эксплицитно-перформативные формы, однозначно репрезентирующие содержание, чему, в частности, способствуют глагольные конструкции в презенсе – сигнал приближенной к восприятию адресатом реализации. Иллюстрацией может служить следующий пример:

*UC 5 Hi — Verwacklungssichere Videoaufnahmen ohne den Verlust an Hi 8 Bildqualität **sind** mit dem neuen Optical Image Stabilizer von Canon **kein Problem**. Dieses optisch-mechanische System **gleich** eine unruhige Bildführung unter fast allen Bedingungen **perfekt aus**.*

CANON — DIE NEUE SICHT DER DINGE
(Handelsblatt)

Как показывает анализ, в таких речевых актах обычно присутствуют усилительные частицы *natürlich, ja, aber ja, selbstverständlich, genug, einfach, ganz* и др., призванные акцентировать все положительное – основу для одобрения, например:

Mit sparen kommt man ganz schön weit.

Ob Sie für die nächste Weltreise sparen, oder ob Sie fürs Alter etwas auf die hohe Kante legen wollen, der Sparkassen-Vermögensplan bietet Ihnen genau die richtige Sparform. Individuell und ganz nach Ihren Wünschen. Neben Zins und Zinseszins erhalten Sie natürlich die jährliche Sparkassenprämie, die – wenn Sie lange genug sparen – bis zu 50 Prozent Ihrer Jahresleistungen ausmachen kann.

Fragen Sie einfach Ihren Sparkassenberater.

SPARKASSE

*Unternehmen der Sparkassenfinanzgruppe
(Frankfurter Allgemeine Zeitung)*

В качестве разновидности гиперакта сообщения с позитивно утверждающим содержанием выступают *речевые акты отвержения*. В свое время А.Е.Супрун постулировал в «Лекциях по лингвистике» (1980) в качестве разновидности собственно сообщений *акты отрицания*. Такие речевые акты используются, когда необходимо «информировать о ложности, неприемлемости чего-то, отказе от предложенного в предшествующих речевых актах и т.п.» [1. С. 24]. В рекламных актах отвержения, как позволяет заметить текстовой фон, имеет место лишь имитация отрицания, через которую достигается более выпуклая подача преимуществ того, что рекламируется. Если же в таком речевом акте реализуется неприятие замысла, т.е. того, что предполагается иллокуцией, то тогда как раз и происходит действительное отвержение. При несогласии с исходной базой сообщения, с его пропозицией, может реализоваться не отвержение, а *противоречие* (в том числе и искусственно смоделированное).

В подвергшихся анализу рекламных текстах эти две стороны проявления одного и того же речевого акта просчитано «вплетаются» в общую канву информирования, как показывает, например, следующий текст:

DWS Deutschland.

Der neue deutsche Aktienfonds.

*An der Börse wird zum Einsteigen bekanntlich nicht geklingelt. **Wir möchten heute mit dieser alten Regel brechen.** Denn jetzt mit guten Erfolgsaussichten in deutsche Aktien einzusteigen empfiehlt sich schon aus folgenden Gründen: weiter sinkende Zinsen, nachhaltige Kostensenkungsprogramme der Unternehmen sowie eine absehbare Belebung der Weltkonjunktur bieten gute Aussichten für eine deutliche Ertragsverbesserung in den nächsten Jahren. Gute Gründe somit für deutsche Anleger, **auf den heimischen Aktienmarkt zu setzen.** Denn erfahrene Börsianer wissen, daß Zeiten sinkender Zinsen und noch schwacher Konjunktur günstig für Aktienanlagen sind. Mit dem DWS Deutschland Fonds haben Sie das geeignete Instrument für eine auf langfristige Wertsteigerung und Substanzsicherung ausgerichtete Anlage.*

*Die Auswahl der Papiere erledigen dabei die erfahrenen Börsenprofis der DWS für Sie. Über die Details sprechen Sie am besten mit unseren Anlagenberatern. **Den Verkaufsprospekt, die allein verbindliche Grundlage für den Erwerb unserer Fondsanteile, bekommen Sie direkt von uns:***

DWS, Postfach 10006 20 60006 Frankfurt.

*DWS Deutsche Gesellschaft für Wertpapiersparen,
Frankfurt am Main.*

Investmentgruppe Deutsche Bank.

(Wirtschaftswoche)

Значение отвержения реализуется в приведенном рекламном тексте за счет подчеркивания преимуществ капиталовложений в создающийся фонд, отличающийся якобы стабильностью на фоне конъюнктурных тенденций в экономике. При этом фразой *Wir möchten mit dieser alten Regel brechen* 'мы хотели бы порвать с этим старым правилом' проводится идея отвержения прошлой практики, хотя подлинная интенция отправителя сообщения состоит в том, чтобы побудить потенциальных адресатов к сотрудничеству. Проступающая искусственность указанного отвержения маскируется имплицированием противоречия, призванного поставить под сомнение пропозицию высказывания. Реализация значения противоречия происходит, во-первых, за счет призыва не иметь дела с посредниками и опираться на рекламный проспект фонда; во-вторых, за счет подчеркивания преимуществ отечественного фонда перед зарубежными, не подвластными контролю со стороны национальных

инстанций; и, наконец, за счет указания на то, что лишь проспект может служить основой для заключения договора. В итоге реализации указанных особенностей – отвержения, противоречия – вся рекламная информация вместо того, чтобы быть противоречивой и тем самым неубедительной, приобретает несравненно большую степень убедительности.

В проанализированных рекламных текстах и в рамках гиперакта сообщения выявлена разновидность и более конкретных проявлений речевых актов сообщения – *речевые акты интенсификации*. С их помощью происходит подключение к предметной информации ссылок на определенные аналогичные предметы, но уступающие рекламируемому по целому ряду параметров. Акцентированию этого момента, кроме однозначных слов, способствуют такие языковые средства, как союзы, предлоги, наречия или частицы. Примеры:

(1) *Sicherheit statt heißer Finger*

***Selbst wenn** im Backofen ein knuspriger Braten oder der Lieblingskuchen duftet, können sich die kleinen Küche außen nicht mehr die Finger verbrennen. Denn der Neff Herd Elegance hat ein Hitzeschild, die Backofenfront aus Lexan.*

(2) *Das gibt es **nur** bei Neff.*

*Erwarten Sie **alles**.*

Nur kein normales Fahrwerk.

*Primera ist Primera, sicher ist sicher. In unsere Familien-Limousine haben wir einige Rafinessen eingebracht. Zum Beispiel die Multilenker Vorderachse. Weshalb Sie auch und **gerade in Sachen Handling** einiges erwartet. **Gerade dann**, wenn Sie plötzlich einem Hindernis ausweichen müssen. **Erwarten Sie auch jetzt** mehr Fahrsicherheit. Und Stabilität. **Erwarten Sie, daß Sie den Primera immer noch gut** lenken können. Und freuen Sie sich auf weitere Sicherheiten.*

Auf die serienmäßige Servolenkung. Auf ABS (welches nur in der 1,6 LX-Version Aufpreis kostet). Auf Fahrerairbag. Auf drei wirtschaftliche Benzinmotoren mit elektrischem Management. Mit einer Leistung von 66 kw (90 PS) aus 1,6 Liter.

*Freuen Sie sich **einfach** auf eine gute Fahrt. Über 900 Nissan-Händler in Deutschland erwarten Sie.*

Nissan Motor Deutschland GmbH

41456 Neuss

(Stern)

В диапазоне интенсификации положительных характеристик рекламируемого объекта осуществляется реализация значений отвержения и противоречия – призыва к отказу от предыдущей практики производства. В итоге происходит усиление компонента убеждения на точно рассчитанном эмоционально-психологическом фоне (беззаботные малыши в первом контексте и «безопасная, умная машина» во втором случае). Весомым фактором становится ссылка в концовке текста на умеренную цену нового объекта рекламы. Вообще, кванторные слова усиливают здесь интенсификацию, и этот участок информации значительно предопределяет прагматику всего рекламного текста – расчет на ответное действие адресата.

В общей массе проанализированного материала выделена далее группа употреблений, по смыслу позволяющих обозначить их как *речевые акты генерализации* внутри гиперакта сообщения. Это также разновидность сообщения, но с обобщением отдельных моментов информации, многократно подытоживающейся через лексемы *generell, ohnehin, also, nun, sowieso, überhaupt* и другие обобщающие конструкции. Несколько примеров:

- 1) *Bausparen klingt vielleicht etwas konservativ.
Ist Miete zahlen etwa fortschrittlich?*

*Was auch immer Sie mal vorhaben: wohnen gehört dazu. Miete auch?
Nicht unbedingt.*

Denn das bewährte Bauspar-System mit dem LBS-Vario bringt Ihnen klare Vorteile. Sogar kombinierbar mit VL, Ihren vermögenswirksamen Leistungen.

Also: wir sollten uns jetzt kennenlernen.

LBS und Sparkasse:

*Unternehmen der Sparkassen-Finanzgruppe.
(Düsseldorfer Express)*

- 2) *Gesundheit ist keine Massenware*

Gesundheit ist heute zum Massentrend geworden. Jogging, Walking, Salat, No smoking. Endlich mal ein vernünftiger Trend. Nur leider auch ein Trend, bei dem sich die meisten Ungesundes massenweise für gesund verkaufen lassen.

Horchen Sie nicht erst wieder beim nächsten Skandal auf. Sicher, gesünder und dazu noch viel genießlicher kaufen Sie dort ein, wo Gemüse- und Fruchtsäfte rein natürlich sind oder die reiche Auswahl an Müslis nur naturbelassene Vollwert-Zutaten enthält.

Verlassen Sie sich nun nicht auf die Gesundheitsschlagworte des Handels, sondern auf das Reformhaus. Sie haben nur eine Gesundheit.

Reformhaus

Treffen Sie eine gesunde Entscheidung.

(Badische Anzeigenzeitung)

Гиперакт сообщения может включать и комментирование, выступающее в основном как оценка изложенной информации самим автором. Такой комментарий соотносится как с содержанием, так и с замыслом высказывания, т.е. с его иллокутивной силой. Комментирование в рекламном тексте также призвано «работать» на общую цель убеждения с побуждением адресата рекламы к действию (приобретению рекламируемого). Вместе с тем за счет комментирования могут быть особо выделены существенные характеристики того, что рекламируется. Форма выражения комментария при этом предстает в виде объективного заключения, без указаний на рекламодателя. Например:

Bandscheiben mögen Sport und Steifensand.

80 000 Stunden – das ist die Lebens-Sitzzeit eines Büromenschen. Tendenz steigend. Haltungsschäden sind da vorprogrammiert. Umso wichtiger ist Vorbeugung durch Sport und richtiges Sitzen.

In Steifensand-Bürostühlen steckt ein ausgeklügeltes System von orthopädischen Formelementen für ergonomisch richtiges Sitzen. Wirbelsäule und Bandscheiben werden entlastet. Der Rücken bleibt gesund.

Steifensand Bandscheiben-Stühle sind das Ergebnis jahrzehntelanger Erfahrung und kontinuierlicher Weiterentwicklung.

Alle Steifensand Stuhl-Collectionen sind garantiert wartungsfrei kurzfristig frei Haus direkt ab Werk lieferbar.

STEIFENSAND

Wir halten die Bandscheiben fit.

(Wirtschaftswoche)

Комментирующую функцию выполняет во многих примерах синтаксико-стилистическое явление парантезы, одной из функций которой является выделение наиболее существенного в изложении:

Gelassenheit ist Selbstbewußtsein in höherer Form.

Audi S4 4.2.

Audi: ein Markenzeichen für die, die den Unterschied zwischen anspruchsvoll und anspruchsbetont kennen.

Ein unverzichtbarer Bestandteil des technisch Besten: Audi quattro.

*Im Audi S4 4.2 ermöglicht der permanente Allradantrieb nicht nur eine exzellente Fahrdynamik, sondern – was **mitunter noch wichtiger ist** – hohe Fahrsicherheit.*

*Audi. Vorsprung durch Technik.
(Wirtschaftswoche)*

По мере расширения анализа выясняется далее, что при передаче информации о рекламируемых объектах в речевых актах сообщения возможна реализация и значения *ограничения*. Отправитель информации соотносит ее содержание с прежними представлениями, но характеризует их ограниченными по сравнению с представлением о предлагаемом новшестве. Типично в таких сообщениях употребление ограничительных частиц *schon* или *zwar*, как и модальных компонентов *allerdings*, *wenigstens*, *doch*, *immerhin* и *durchaus* – своеобразных кванторных слов. Но, как показывают тексты, *wenigstens*, оттеняя ограничительный характер высказывания, в то же время выделяет какой-либо негативный компонент содержания, а *durchaus*, не будучи связан изначально со значением ограничения, используется преимущественно в первой части сообщения как указание на ограничительный характер последующей его части.

Следующие примеры содержат оговоренный смысл:

*Die zweitbeste Methode,
Insulin zu produzieren*

*Der beste Insulin-Produzent ist zweifellos unser eigener Körper. Genauer gesagt, unsere Bauchspeicheldrüse. Produziert sie **allerdings** zu wenig oder gar kein Insulin, so führt dies zu der lebensbedrohlichen Krankheit Diabetes.*

***Doch** mit Diabetes kann man heute leben, wenn dem Körper auf andere Weise Insulin zugeführt wird. 1923 gelang es Höchst Forschern, Insulin aus Bauchspeicheldrüsen von Schweinen und Rindern herzustellen. Im Laufe der Jahrzehnte konnte wiederholt die Verträglichkeit des Insulins verbessert werden.*

*Um **jedoch** eine mögliche Verknappung bei der Versorgung mit Insulin zu vermeiden, suchte man nach neuen Methoden, wie man ohne tierische Drüsen auskommen könnte. Der Durchbruch gelang mit Hilfe der Gentechnik. Die*

Erbanlagen der Bakterien werden so programmiert, daß sie Stoffe produzieren können, die normalerweise in ihrem Stoffwechsel nicht vorkommen – beispielsweise Human-Insulin.

Gerne senden wir Ihnen weitere Informationen. Rufen Sie uns an: 0130 - 3065.

*Höchst AG InfoService, 65926 Frankfurt am Main.
(Wirtschaftswoche)*

Интересной разновидностью гиперакта сообщения в рекламных текстах предстают речевые акты, перефразирующие через иные обороты речи содержание предыдущей части или всего предшествующего высказывания. Тексты позволяют судить, что налицо более редкое, сопутствующее значение, но попадает оно в «программу» авторов текста не случайно, выполняя функцию эффекта убеждения. На это же ориентировано и расширение рекламной информации, создающее в ней языковую избыточность при общем действии фактора экономии в этой коммуникативной сфере. Языковым сигналом указанных перифраз служат словосочетания типа *zum Beispiel, genauer gesagt, mit anderen Worten, besser gesagt, nämlich* и др. Ниже следуют подтверждающие текстовые фрагменты:

Alles okay in Bad und WC?

Man kennt das ja: Der Hahn tropft vor sich hin, der Duschkopf ist verkalkt, der Spülkasten läßt laufend Wasser, die Abflüsse leiden häufig an Verstopfung, der Waschtisch hat einen Sprung in der Schüssel, und das warme Wasser läßt auch immer länger auf sich warten. Macht nichts, sagt man sich.

Solange, bis eines Tages aus einer kleinen Sache ein ziemlich großer Schaden geworden ist. Das kostet dann Zeit und Geld und Nerven. Und das kann man sich durchaus ersparen.

Zum Beispiel, indem man bestimmte Stellen im Bad regelmäßig überprüfen läßt. Vom Fachmann. Warten Sie also nicht zu lange: Vereinbaren Sie einen Termin mit Ihrem Sanitär-Installateur, der auch mit Ihnen in die Fachausstellung Bad geht. Oder schreiben Sie an die Vereinigung Deutsche Sanitärwirtschaft, Abt. 7, Postfach 38 40, 58038 Hagen.

Wir helfen Ihnen gern.

Ihr Bad vom Fachmann.

(Stern)

Mehr Kontrast, mehr Schärfe, mehr Farbe.

Sind Sie anspruchsvoll genug für einen Matchline mit Blackline-S-Röhre?

Diese Spitzenfernseher liefern Bilder von begeisternder Qualität. Und das bei allen Lichtverhältnissen, zu allen Tages- und Nachtzeiten. 35% mehr Kontrast, mehr Schärfe, mehr Farbe. Mit anderen Worten: brillante, leuchtende, naturgetreue Fernsehbilder – besonders an den delikaten Hauttönen können Sie's erkennen. Eine günstige Gelegenheit, das zu testen, bietet sich Ihnen Sonntag abend — z.B. bei "Playboy-Late-Night" mit viel, viel Haut.

*Philips Consumer Electronics
(Spiegel)*

Рассмотренные разновидности речевых актов в рамках гиперакта сообщения показывают некую собственную диспозицию, хотя каждая из них используется в комплексе с другими. Характерным можно считать сразу несколько видов проявления сообщения – взаимодействия в нем нескольких смысловых заданий, что вписывается в принцип *экономии*.

Библиографический список

1. Супрун А.Е. Лекции по лингвистике. Минск: БГУ им. В.И.Ленина, 1980. 143 с.

Сведения об авторе

Горлатов Анатолий Михайлович
доктор филологических наук, профессор,
проректор по научной работе
Минского государственного
лингвистического университета, Минск, Беларусь
E-mail: gorlatov@tut.by

ВЕРБАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК СПОСОБ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: КУЛЬТУРНЫЕ КОДЫ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ

Е.С. Гриценко

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье анализируется коммуникативное поведение как способ конструирования социальной (гендерной) идентичности. С опорой на тезис о количественной неопределенности субъязыков в языке обосновывается существование наряду со стереотипно постулируемой дихотомией «мужского» и «женского» стилей потенциально открытого числа вербальных манифестаций гендера. Показано, что узнаваемость гендерно значимых элементов стиля в различных контекстах обеспечивается соотнесением языковых форм с их социально и культурно обусловленным значением.

Ключевые слова: социальная идентичность, субъязык, стиль, коммуникация, гендер, культура.

Verbal Behavior as a Means of Constructing Social Identity: Cultural Codes and Stylistic Models Elena Gritsenko

The article focuses on speech behaviour as a means of constructing social (gender) identity. Based on the assumption of the infinite number of sublanguagues within a national language, it shows that alongside with the stereotypical opposition of women's and men's speech styles, there are a potentially unlimited number of verbal manifestations of gender. Gender relevant stylistic elements are 'recognized' by correlating language forms with their social and cultural meanings.

Key words: social identity, sublanguague, style, communication, gender, culture.

Лингвостилистическое моделирование коммуникативного поведения проводится с учетом таких параметров социальной идентичности, как возраст, статус, этничность, профессия, гендер и т.п. Хотя за основу обычно берется один из параметров, по умолчанию признается их взаимодействие в процессе коммуникации, что будет показано ниже на примере анализа гендерных аспектов вербального стиля.

Как известно, еще Р. Лакофф сформулировала концепцию «женского языка» – регистра или стиля, характеризующегося употреблением аффективных прилагательных, восходящего тона в повествовательных предложениях, разделительных вопросов и форм

выражения неуверенности и т.д. [15]. Результаты последующих экспериментальных проверок «гипотезы Лакофф» сводились к тому, что не все женщины используют женский язык и не все пользователи женского языка – женщины. Данное обстоятельство, однако, не остановило исследователей, которые продолжали выдвигать альтернативные идеи относительно особенностей женского коммуникативного стиля и его отличий от стиля мужчин. Ярким примером служит гипотеза, что женщины более склонны к сотрудничеству в коммуникации и более внимательны к потребностям лица адресата [14], [18], которая использовалась для объяснения таких экспериментально выявленных дискурсивных особенностей женской речи, как смягчающие речевые формулы, фасилитативные вопросы, минимальные реплики, выражающие заинтересованность и внимание, синхронная речь как сигнал солидарности и поддержки и др. Таким образом, на основе традиционных стереотипов и не без влияния научных трудов и популярной психологической литературы в быденном сознании сложилось определенное представление о женском и мужском стилях общения, используемых как эталон при оценке соответствия речи индивида культурным представлениям о мужественности и женственности. По аналогии с термином «социолект» был даже создан термин «гендерлект» (единый обусловленный полом вариант языка), однако уход от глобальной категории «женщина» (перенос акцентов на уникальный опыт различных групп женщин) и осознание нецелесообразности универсализации в гендерных исследованиях (обращение к изучению локальных гендерных практик) привели к тому, что от данного термина отказались. Вместе с тем, большинство ученых считают возможным говорить о стилистических особенностях мужской и женской речи, а многие исследования языкового конструирования гендерной идентичности фактически ведутся в рамках стилистической парадигмы.

Понятие стиля в различных лингвистических школах трактуется по-разному. В зарубежной лингвистике в сопоставимых значениях используются термины «вариант», «стиль» и «регистр». Единства в их определении не существует, хотя чаще всего «вариант» определяется как нейтральный или включающий понятия «регистр» и «стиль», которые, в свою очередь, либо трактуются как кореферентные, либо разводятся по признаку применимости:

например, «регистр» определяется как вариант языка, обусловленный сферой употребления и социолингвистическими параметрами, в то время как «стиль» акцентирует функциональную направленность на шкале официальное – неофициальное.

В последние годы (с развитием теории коммуникации и когнитивной лингвистики) наметилась тенденция к более многомерной трактовке стиля. Например, А. Белл [5] полагает, что стиль определяется ориентацией на адресата (*audience design*), а стилистический выбор мотивирован в основном оценкой того эффекта, который определенные языковые формы произведут на определенную аудиторию (*responsive styleshift*). Наряду с этим возможны и инициативные стилевые переключения, когда индивид творчески использует языковые ресурсы вне зависимости от характера аудитории (*initiative styleshift*). Характерным примером такого использования языка, привлекающим в последние годы повышенное внимание лингвистов, является *crossing* – присваивание говорящим языковых форм, сигнализирующих об идентичности Другого [17]. По сути речь здесь идет о том, что М. Бахтин называл стилизацией, т.е. о принятии/присвоении голоса, явно отличного от обычного или ожидаемого.

Пример манипулятивного использования элементов женского языка в коммерческих целях дается в статье Киры Холл, которая акцентирует перформативную природу гендера и вносит существенные коррективы в понятие власти в языке [13]. Анализируя лингвистические особенности сексуально-романтических бесед с клиентами по телефону (выбор слов, интонаций и т.п.), Холл последовательно избегает термина «стиль», предпочитая говорить о «сексуальном языке», «медоточивой речи» (*sweet talk*), «вокальной» и «вербальной женственности» и т.п.

Пенелопа Экерт, напротив, связывает индивидуальные и групповые особенности речи как элемент конструирования социальной идентичности, частью которой является гендер, с понятием стиля, сравнивая его с составлением коллажа: стилистический агент «присваивает» разнообразные ресурсы широкого социолингвистического ландшафта, по-новому комбинируя их, чтобы представить желаемый образ. В ее понимании стиль – это часть персоны, которой говорящий хочет быть. При этом стиль не статичен, он возникает в социальной практике и связан с ней.

Девочка-подросток, которая сквернословит в школе, может выражать протест против навязываемых норм поведения, демонстрировать солидарность с матерью (имитируя ее речевую манеру) или пытаться отгородиться от «примерных» одноклассников [10].

С точки зрения Экерт, говоря о стиле, мы соотносим элементы вербального поведения с их социальным значением. В ее понимании «каждый речевой акт есть, по определению, стилистический акт» (с чем не всегда можно согласиться). Гендер и другие параметры социальной идентичности – это ограничения, накладываемые на стилистический выбор, а понятие стилистического варьирования напрямую соотносится с перформативностью, ср: «стиль – это то, что мы делаем и как мы это делаем. Это не фасад, за которым стоит настоящее “я”, а манифестация, посредством которой человек представляет себя миру» [11. С. 306]. При таком подходе стиль становится своего рода метафорой самопозиционирования и покрывает всю речевую деятельность индивида.

Таким образом, на сегодняшний день в лингвистике сложилось положение, когда исследования одного и того же феномена – специфики вербального поведения как способа конструирования социальной (гендерной) идентичности – получают различное терминологическое осмысление. Представители вариационистской лингвистики (П. Экерт, Д. Таннен, Дж. Коутс и др.) используют для этой цели понятие «стиль», а ученые, связанные с антропологической традицией и этнографией речи (К. Холл, М. Бухолц, С. Галл, Дж. Пуджолар, С. Кислинг и др.), предпочитают альтернативные терминологические формулы¹. Причиной отчасти является многомерность самого понятия «стиль», размывающая его сущностные характеристики. Встает вопрос о гибкой лингвистической теории стиля, санкционирующей существующую де факто взаимозаменяемость терминов «стиль» и «язык» при изучении гендерных особенностей вербального поведения, в рамках которой было бы правомерно:

¹ Термин «стиль» в гендерной лингвистике до некоторой степени скомпрометирован длительной традицией эссенциалистского употребления в рамках теории «двух культур», и многие современные исследователи, стоящие на конструктивистских позициях, предпочитают говорить о «языковых формах манифестации гендерных предпочтений» (Дж. Пуджолар), «лингвистических практиках гендерных групп» (М. Бухолц), «гендерно-уместном использовании языка» (С. Галл) и пр.

- обсуждать индивидуальные и групповые особенности речи, а также рекуррентные языковые манифестации, детерминированные параметрами ситуации общения;

- наряду с традиционными критериями выделения стилей предусмотреть возможность членения неоднородной «субстанции» языка по признаку пола;

- учесть, что гендер является параметром переменной релевантности и, как причина языковой вариативности, обычно «работает» в совокупности с рядом других социолингвистических переменных (статус, возраст, этничность и др.);

- обосновать существование наряду со стереотипно постулируемой дихотомией мужского и женского стилей потенциально открытого числа языковых манифестаций гендера (перформативность стиля как элемента конструирования идентичности);

- принять во внимание, что лингвистические единицы, модели и стратегии, приписываемые «мужскому» и «женскому» языку, недискретны и обладают свойством пересекаемости (полифункциональность языковых форм).

Оптимальной для данных целей представляется теория стилистики как лингвистики субъязыков [3]. В данной теории стиль есть понятие, производное от понятия субъязык, который определяется как подсистема языка, обслуживающая потребности конкретной речевой сферы и/или ситуации общения, т.е. определенным образом упорядоченная и соотнесенная с внеязыковой (социальной) реальностью совокупность языковых единиц и форм/моделей их употребления. Тот факт, что сфера (ситуация) общения является основой для выделения субъязыка (и, соответственно, стиля), обеспечивает необходимую «привязку» речевого поведения к конкретному социальному контексту.

Любой субъязык с необходимостью включает единицы трех типов: неспецифические – те, что встречаются во всех субъязыках; относительно специфические – те, что встречаются в двух или нескольких субъязыках; и абсолютно специфические – те, что встречаются только в нем и не присущи иным регистрам. Стиль – это абсолютно специфическая область субъязыка или то, что отличает данный субъязык от всех других. Отсюда следует полезный с точки зрения исследовательской практики вывод, что под вербальным

стилем понимается не все, что говорит индивид, а лишь отличительные особенности его/ее речи.

То, что субъязык обслуживает потребности определенной сферы/ситуации общения, не может препятствовать выделению мужского/женского языков как гипотетических культурных конструкторов, поскольку в прагматике адресат/адресант рассматриваются как основные компоненты ситуации общения. Более того, по Ю.М. Скребневу, количество субъязыков (как объектов лингвистического анализа) ничем не ограничено и определяется научными приоритетами самого исследователя (разумеется, в рамках прагматической целесообразности: гипостазируемые сферы должны обладать как социальной, так и собственно лингвистической ценностью).

Следует подчеркнуть, что концепция субъязыков как арбитральных установлений не только не противоречит традиционной концепции стилей, но и мотивирует нередко наблюдаемое выделение системы стилей по логически несовместимым наборам признаков (ср. несоотнесенность таких понятий как мужской/женский стиль, разговорный стиль, стиль Пушкина и т.д.).

Тезис о количественной неопределенности субъязыков в языке, в рамках которого фактически признается право исследователя на собственное членение языковой материи в соответствии с поставленной научной задачей, особенно актуален на современном этапе развития гендерных исследований, когда признается, что гендер конструируется по-разному в разных контекстах. Он создает методологическую основу для активно ведущегося зарубежными и отечественными учеными поиска лингвистических манифестаций не «мужественности» или «женственности» в единственном числе, а «мужественностей» и «женственностей» во множественном.

Важно, что выделение субъязыков не предполагает их непересекаемости. Напротив, подчеркивается, что субъязыки не дискретны, они накладываются друг на друга в своих неспецифических и относительно специфических областях, что ни в коей мере не отменяет правомерности выделения субъязыка как категории лингвистического анализа. При таком подходе полифункциональность лингвистических форм/моделей и возможность их использования как женщинами, так и мужчинами не

отменяют правомерности анализа их гендерной специфики в конкретной ситуации (контексте).

Еще одним важным положением теории субъязыков и стилей является тезис о множественности нормы в языке, выдвинутый в противовес пониманию стиля как отклонения от нормы. Напомним, что к феномену нормы неоднократно обращались те, кто критиковал Р. Лакофф, утверждая, что описание женской речи как слабой и безвластной имплицировало трактовку мужского языка как нормы, а женского как девиантного, т.е. отклонения от нормы.

Трактовка гендера как социального конструкта исходит из понимания языковой нормы, согласно которому в любой специфической сфере применения языка (в науке, политике, уголовном мире, беседах с детьми, в молодежной среде и т.п.) есть свои нормы, которых придерживаются. Речь идет о лингвистических практиках, включенных в нормативное конструирование гендера [2], поскольку гендерная специфика речевых практик связана с конвенциональными представлениями о том, какое вербальное поведение уместно для мужчины или женщины в той или иной ситуации или культуре.

Изложенные принципы дают возможность четче определить сущность стиля и обосновать множественность его проявлений. Они позволяют использовать единую модель как для анализа взаимодействия языка и гендера в каждодневных социальных практиках, так и для описания языкового конструирования гендера в речевых действиях конкретного индивида. Объектом рассмотрения при этом могут быть черты, стереотипно соотносимые с «мужским» и «женским» языками, и то, что реально говорят конкретные мужчины и женщины или, в терминологии Д. Камерон, «эмпирические» и «символические» конструкты мужественности и женственности [5].

Идет ли речь об индивидуальных или групповых гендерно значимых стилистических практиках, важно, чтобы конституирующие элементы стиля были «узнаваемы» и понятны, т.е. опирались на известные или использованные ранее элементы (повторяемость/цитатность, по Ж. Дерриде и Дж. Батлер) и культурные коды¹ (по Р. Барту).

¹ Под культурными кодами понимают идеологические пропозиции данной культуры – констатации, с которыми, как ожидается, читатель согласится, или то, что в рамках данной культуры признается самоочевидным. Термин «пропозиция» в данном

Покажем практическое применение данной модели. М. Бухолц рассматривает новые типы женственности на примере калифорнийских старшеклассниц, которых объединяет «мужское» увлечение компьютерами [6]. Стремясь отстраниться от традиционных интересов сверстниц и патриархальных стереотипов женственности в пользу интеллектуальных занятий, они гордятся своими академическими успехами и независимыми взглядами и конструируют новый тип идентичности – компьютерных фанаток (*female geek identity*) – важной частью которого является язык. В частности, на фонетическом уровне девушки последовательно избегают произносительных особенностей «крутого калифорнийского» стиля, который используют их «правильные» сверстники, и произносят с придыханием звук [t] в конечной [ju nu^h] и в интервокальной позиции [bu^h e], где согласно нормам американского английского произносится звонкое [d]. Придыхательная артикуляция [t], стереотипно ассоциируемая с британским английским, становится важным стилистическим ресурсом – маркером «взрослой» речи. Консервативные престижные черты британского английского используются девушками сознательно – не столько для того, чтобы обозначить свой особый статус в подростковой среде, сколько затем, чтобы вообще отмежеваться от подросткового мира с его тривиальными увлечениями и потребностями.

Объектом исследования Кин Зан является речь «китайских яппи» – служащих иностранных коммерческих фирм, для которых характерен более космополитичный (отличный от местных диалектов) вариант китайского [2. С. 162-164]. У мужчин и женщин яппи дистинктивные признаки нового стиля проявляются в разной степени, и гендерные особенности развития карьеры (мужчины начинают в основном с работы в сфере продаж, а женщины – в делопроизводстве и представительской сфере) играют в этом не последнюю роль. Одно из фонетических расхождений касается ротацизации фрикативных согласных в интервокальной позиции и

контексте используется как синоним термина «пресуппозиция», при этом мы исходим из того, что «пропозиция является пресуппозицией в прагматическом смысле, если говорящий считает ее истинность само собой разумеющейся и исходит из того, что другие участники контекста считают так же» [4. С. 427].

добавлением *r* после гласных в конце слова. Эта черта ассоциируется с речевой манерой полумифической фигуры типичного пекинца, непотопляемого бойкого говоруна, который убедит кого угодно и в чем угодно. Она является общей для речи служащих обоего пола в государственных коммерческих корпорациях. У мужчин-яппи эта местная фонетическая особенность сохраняется в меньшей мере, тогда как женщины-яппи ее избегают. Причиной является то, что если ассоциация с образом непотопляемого говоруна может оказаться полезной для имиджа делового мужчины, для женщины, стремящейся сделать карьеру в глобальной экономике, они рискованны и нежелательны. Деловая женщина-яппи может быть разговорчивой, но авантюризм и напористость, ассоциируемые с фигурой пекинского говоруна, в ее позиции воспринимаются как неуместные.

Мужчины и женщины яппи импортируют в свою речь тоновую особенность неконтинентальных диалектов китайского в Сингапуре, Гонконге и на Тайване – регионах, лидирующих на глобальном рынке. В пекинском диалекте неударные слоги теряют дистинктивный тон, становясь нейтральными; в неконтинентальных диалектах эти слоги сохраняют свой тон, придавая речи ритм стаккато. Эта черта в китайском языке стойко ассоциируется с глобальным рынком. Женщины-яппи используют ее намного чаще, чем мужчины, и в целом их произношение более четкое. Такой стиль речи акцентирует образ новой деловой женщины.

Речевые стили пекинских яппи – часть социальных изменений, поскольку избирательное использование ими местных и неместных языковых особенностей является инструментом конструирования гендерно ненейтральной персоны, занявшей новую социальную нишу. При этом эффект использования тех или иных языковых форм определяется историей этих элементов и социальными типами/фигурами, с которыми они ассоциируются.

С позиций, более близких к идеям У. Лабова, подходит к вопросам стилистического моделирования Дебора Камерон, рассматривая социолингвистические характеристики коммуникативного стиля, предписанного работникам телефонной справочной службы в Англии для разговора с клиентами в рабочее время [7]. Его характерные особенности представлены двумя основными группами. Во-первых, это суперсегментные характеристики – такие, как качество голоса (сотрудникам

рекомендуют всегда говорить с улыбкой: хотя клиент ее не видит, но чувствует по общему тону) и экспрессивная интонация, подчеркивающая интерес и внимание. Во-вторых, – различные способы управления интерактивным речевым взаимодействием: операторам рекомендуют избегать прерываний (наложения речевых фрагментов), часто употреблять минимальные реплики выражения заинтересованности и внимания («*вот как*», «*да*», «*понятно*»), задавать открытые вопросы (в том числе разделительные), выдерживать паузу, чтобы дать клиенту собраться с мыслями и т.д. Как справедливо указывает Д. Камерон, эти особенности соответствуют стереотипным символическим маркерам «женской» речи.

Данный стиль характерен для профессиональной коммуникации персонала с клиентами и в других секторах сферы обслуживания, что подтверждают приводимые в статье фрагменты из корпоративных пособий и профессиональных должностных инструкций, требующих, чтобы речь сотрудников была ориентирована на проявление «эмоциональной искренности, сочувствия и тепла» [7. С. 323 – 347].

Эмоциональность дискурсивно конструируется как женская сфера. Мысль Камерон заключается в том, что стилистические особенности профессиональной речи в сфере услуг конструируют сотрудника как квазифеминную персону, хотя гендерная маркированность данного стиля нигде/никогда не эксплицируется: официально он обозначает «хорошее обслуживание», а не женственность. В этой связи Камерон считает возможным говорить о «скрытых гендерных смыслах» (*covertly gendered meanings*) и подчеркивает, что выявленная стилистическая аналогия не случайна: присвоение норм женского языка в секторе услуг глобальной экономики связано с социальной ролью женщины (заботиться, помогать, обслуживать). Любопытным подтверждением идеи о скрытой гендерной маркированности стиля общения с клиентами в сфере услуг является жалоба группы женщин-служащих сети супермаркетов *Safeway* в Калифорнии по поводу программы «супер-обслуживание», внедряемой их руководством. Они отмечают, что проявление дружелюбия, искренней заинтересованности и стремления идти навстречу желаниям клиента воспринималось многими клиентами-мужчинами как «сигнал романтического

интереса» и провоцировало соответствующее поведение с их стороны [11].

Осознание гендера как социального конструкта, допускающего множество различных проявлений, создало базу для его интерпретации вне рамок жесткой дихотомии. Бонни МкИлхинни, наблюдая за работой женщин-полицейских (выполняющих традиционно «мужскую» работу), обнаружила, что у них формируется особый бесстрастный стиль общения, специфику которого определяет эмоциональная отстраненность и избегание форм выражения сочувствия (*economy of affect*). Хотя данный стиль явно не подпадает под категорию «женский», сами участницы исследования не классифицировали его как «мужской», предпочитая термин «профессиональный» [15]. Этот тип дискурсивных стратегий МкИлхинни определила через понятие «лица» (по Гоффману) как *facelessness in face-to-face interaction* («обезличенное межличностное общение»). Данный коммуникативный стиль направлен, в частности, на предотвращение неуместных апелляций к полицейскому не как к представителю закона, а как к мужчине или женщине. Аналогичный стиль используют и более молодые мужчины-полицейские, тогда как их старшие по возрасту и менее образованные коллеги придерживаются традиционно «мужского» типа поведения, ориентированного на проявление физической силы и большей эмоциональной агрессии в общении. Лишь единицы женщин-полицейских характеризовались коллегами (мужчинами и женщинами) как маскулинизированные, причем причиной этому служила не их внешность, а вербальное поведение: слишком вспыльчивы, некорректно ведут себя с людьми, употребляют в речи много вульгаризмов. Таким образом, лица с вполне женственной внешностью не воспринимались как таковые из-за несоответствующего стиля общения.

Разумеется, изучение гендера и других параметров социальной идентичности в лингвостилистике не ограничивается лишь вербальной коммуникацией. В последние десятилетия отмечается тенденция к контекстуализации стилистических исследований — установлению связей между текстами и идеологиями, которые продуцируют их и продуцируются ими. В то же время сближение литературной критики с критикой культуры существенно расширяет спектр текстов, становящихся объектом стилистического анализа,

куда включаются фрагменты из фильмов, телепрограмм, тексты популярных лирических песен, рекламных объявлений, газетных и журнальных статей и пр. В изучении гендера, например, стилистика все больше сближается с дискурс-анализом: в обоих случаях обращается внимание на то, как циркулируют и (вос)производятся в текстах культуры гендерные идеологии (дискурсы, по Фуко) и как лингвистические стратегии позиционируют читателя в данных дискурсах.

Библиографический список

1. Гриценко Е.С. Гендер и лингвистика субъязыков // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи: Межвуз. сб. науч. тр. Нижний Новгород, 2002. Вып. 22. С. 47-57.
2. Гриценко Е.С. Язык как средство конструирования гендера: Дис. ... докт. филол. наук. Нижний Новгород, 2005. 405 с.
3. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Институт социологии РАН, 1999. 189 с.
4. Скребнев Ю.М. Основы стилистики английского языка. М.: Высш. школа, 1994. 238 с.
5. Столнейкер Р.С. Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. С. 419-438.
6. Bell A. Style as audience design // *Sociolinguistics: A Reader and Coursebook* / Coupland N., Javorski A. London: McMillan, 1997. P. 240-247.
7. Bucholtz M. Geek the girl: language, femininity and female nerds // *Gender and Belief Systems: Proceedings of Berkeley Women and Language Conference* / Warner N, Ahlers J., Bilmes L., Oliver M., Wertheim S., and Chen M. Berkeley: Berkeley Women and Language Group, 1996. P. 119-131.
8. Cameron D. Gender, Language and Discourse: A Review Essay // *Signs: Journal of Women in Culture and Society* 1998. Vol. 23. № 4. P. 945-971.
9. Cameron D. Styling the worker: Gender and the commodification of language in the globalized service economy // *Journal of Sociolinguistics*. 2000. № 4/3. P. 323-347.
10. Code L. *Encyclopedia of Feminist Theories*. Routledge, 2000. 529p.
11. Eckert P. Vowels and nailpolish: The emergence of linguistics style in the preadolescent heterosexual marketplace // *Gender and Belief Systems: Proceedings of the Fourth Berkeley Women and Language Conference* / Warner

N., Ahlers J., Blimes L., Oliver M., Wertheim S., Chen M. Berkeley: Berkeley Women and Language Group, 1996. P. 183-190.

12. Eckert P., McConnell-Ginet S. *Language and Gender*. Cambridge University Press, 2003. 366 p.

13. Grimsley K.D. Service with a forced smile: Safeway's courtesy campaign also elicit some frowns // *The Washington Post*. 1998. 18 October.

14. Hall K. Lip service on the fantasy line // *Gender Articulated: Language and the Socially Constructed Self* / Hall K. Bucholtz M. New York and London: Oxford University Press, 1995. P. 186-216.

15. Holmes J. *Women, Men and Politeness*. London: Longman, 1995. 254 p.

16. Lakoff R. *Language and Women's Place*. New York: Harper and Row, 1975. 83 p.

17. McElhinny B. Challenging hegemonic masculinities: female and male police officers handling domestic violence // *Gender Articulated: Language and the Socially Constructed Self* / Hall K. Bucholtz M. New York and London: Oxford University Press, 1995. P. 217-244.

18. Rampton B. *Crossing: Language and Ethnicity Among Adolescents* / B. Rampton. London, New York: Longman, 1995. 384 p.

19. Tannen D. *You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation*. New York: William Morrow, 1990. 319 p.

Сведения об авторе

Гриценко Елена Сергеевна
доктор филологических наук,
профессор кафедры английской филологии
проректор по научно-исследовательской работе
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: egritsenko@lunn.ru

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВ ПРИЗЫВОВ, ВЫПОЛНЯЮЩИХ ИНФОРМАТИВНО-РЕГУЛЯТИВНУЮ ФУНКЦИЮ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Н.И. Иванюк

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Тексты призывов, выполняющие информативно-регулятивную функцию в современном немецком языке, имеют ряд характерных языковых особенностей, обусловленных категориально-грамматическим потенциалом текстов данного типа. Он связан, в свою очередь, с экстралингвистическими факторами, отражающими уровень социокультуры современного немецкого общества.

Ключевые слова: лингвокультурология, информативно-регулятивные тексты, призывы, средства выражения побуждения.

Language Features of Texts of Appeals with Informative-Regulating Function in Modern German Nikita Ivanyuk

The texts of appeals which perform the informative-regulating function in the modern German language have a number of characteristic lingual features generated by the grammatical potential of this type of texts. It is connected, in turn, with the extralinguistic factors reflecting the cultural features of modern German society.

Key words: cultural linguistic studies, informative-regulating texts, appeals, means of expression of prompting.

В лингвистической литературе последних лет всё чаще обсуждаются проблемы лингвокультурологии. Языковеды, разрабатывающие эти проблемы, изучают «...воплощенные в живой национальный язык материальную культуру и менталитет и проявляющуюся в языковых процессах...корреспонденцию языка и культуры в синхронном их взаимодействии» [1]. Именно через язык человек усваивает представления, оценки, ценности – все то, что определяет его картину мира: «язык служит руководством к восприятию социальной действительности» [2].

В основу исследования культурно-специфических языковых факторов заложена кумулятивная функция языка, его способность отражать, фиксировать и сохранять в своих единицах информацию об опознанной действительности. Однако, помимо информации общечеловеческой, каждый язык сохраняет в себе информацию

культурно-специфическую, характерную только для конкретного народа. В каждой культуре поведение людей регулируется сложившимися представлениями о том, что человеку полагается делать в типичных ситуациях: как ведет себя пешеход, пассажир, врач, пациент, гость, хозяин, продавец, покупатель и т.д. Социальные стереотипы поведения зачастую не только не отражаются в языке, но и во многом определяются словами и текстами, окружающими человека в его повседневной жизни. Бесчисленные объявления, указатели, призывы, инструкции, постеры, плакаты являются для нас «словесными правилами, которые говорят нам, что надо и что не надо делать в данном месте, в данное время» [3. С. 12]. Данные словесные правила представляют собой особый лингвистический феномен (М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова, С.Г. Тер-Минасова и др.) и описываются в современной лингвистике как информативно-регулятивные тексты, в полной мере отражающие мир людей, их быт, традиции и культуру в целом.

Общая специфика информативно-регулятивных текстов обусловлена сферой их функционирования, которая определяется следующими факторами: 1) спецификой информационно-содержательного аспекта информативно-регулятивных текстов, выражающейся в необходимости быстрого усвоения информации, содержащейся в тексте, а также в компрессии этой информации, сжатость которой достигается лаконизмом, четкостью формулировок и использованием пиктограмм и поясняющих знаков; 2) спецификой функции воздействия, выступающей в тексте в форме императивности и предписывающего значения и состоящей в том, что паралингвистические средства помогают созданию воздействующего эффекта текста, чаще всего синтактико-стилистическая организация текста приобретает особый, эмоциональный характер за счет графических средств (более крупный и жирный шрифт, курсив, красный цвет и т.д.); 3) спецификой восприятия информативно-регулятивных текстов, рассчитанной на целостность зрительного охвата всего текста; 4) спецификой культурных норм и правил поведения языкового сообщества. Чем более развито общество, тем живее и разнообразнее формы словесного воздействия в этой сфере прямого и открытого общения с народом, имеющего целью определить его социальное поведение, социальный имидж [3. С. 33].

Именно поэтому информативно-регулятивные тексты очень часто используются исследователями в качестве доказательства характерных черт той или иной социокультуры. Так, например, в лингвистической литературе находим указание на то, что для немецкоязычных стран с точки зрения американского наблюдателя характерно необычайно частое использование указателей и запретов: «Везде расставлены знаки с инструкциями и запретами; «запрещено» - одно из первых слов, которое узнает иностранец, оказавшийся в Германии. Многоквартирные дома снабжены вывесками с указаниями для жильцов и посетителей, поведение в парках и на рабочих местах строго регламентировано. Даже на огороженных детских площадках имеются ограничения, касающиеся возраста детей, игр, времени, когда дети могут играть на этих площадках... Куда бы ни пошел человек в Германии, там непременно уже кто-то побывал и повесил знак» [4. С. 270].

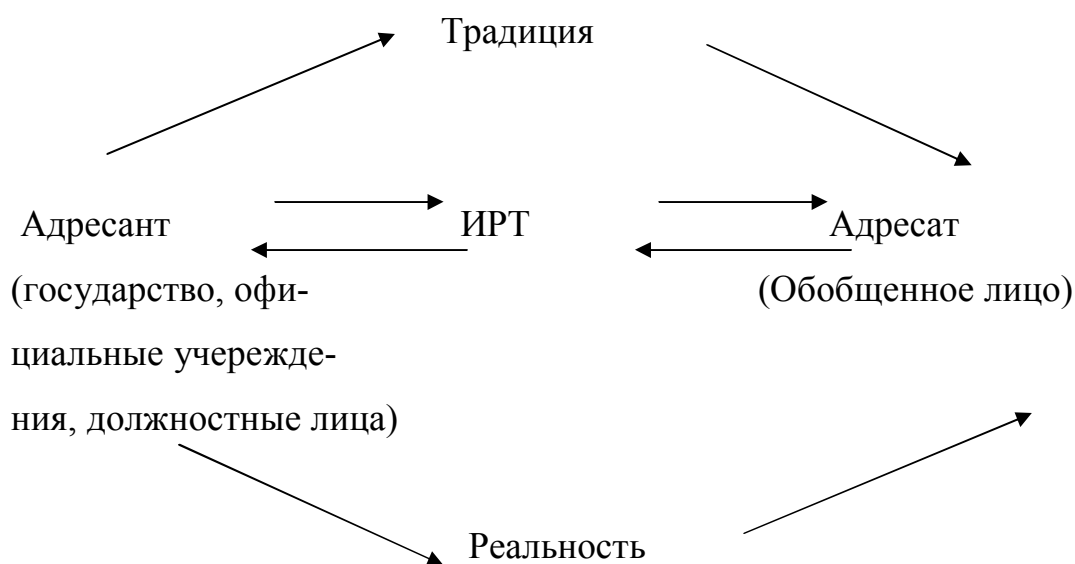
Такое обилие общественных знаков может рассматриваться как отражение ключевой немецкой ценности - «порядок» [5]. По мнению А. Вежбицкой, материал современных вывесок и объявлений в Германии показывает, что такие традиционные для немцев ценности, как социальная дисциплина и порядок, основанный на законной власти, не устарели [4. С. 234].

Полностью разделяя это мнение Анны Вежбицкой, высказанное ею в конце XX века, хотелось бы, тем не менее, обратить внимание на тот факт, что языковые особенности информативно-регулятивных текстов в современном немецком языке претерпели существенные изменения.

Особый интерес представляют в данной связи тексты призывов, выполняющих информативно-регулятивную функцию в современном немецком языке. В германистике языковые особенности таких текстов остаются неосвещенными, хотя результаты их лингвистического анализа являются значимыми для развития целого ряда гуманитарных наук – лингвокультурологии, лингвистической прагматики и межкультурной коммуникации.

Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на тот факт, что информативно-регулятивный текст призыва как документ в сфере правового общения составлен, как правило, от лица государства, учреждения, должностных лиц, которые информируют и регулируют поведение отдельного гражданина, призывая его к определенному

поступку. Коммуницирующие субъекты в этом виде текстовой деятельности лишены индивидуальности и создают тем самым предпосылки одномерности передачи информации, которая носит неличный, неэмоциональный характер.

Одномерность передачи информации, специфика информативно-регулятивной функции текстов призывов в сфере массовой коммуникации и predetermined этим стилевые черты обуславливают и лингвистические параметры данных текстов. К ним относятся содержательная и формальная компрессия, отсутствие второстепенной информации, неличный характер речи, шаблонность, отсутствие экспрессии, и, конечно же, значение категоричного побуждения, свойственного всем информативно-регулятивным текстам в немецком языке, и на которое так настойчиво указывают многие исследователи.

Однако анализ примеров позволяет говорить о том, что категория побуждения имеет в информативно-регулятивных текстах призывов нетипичные для неё формы выражения в немецком языке. Это обусловлено тем, что динамичность и неустойчивость процессов, представленных на вышеуказанной схеме коммуникативного взаимодействия с использованием информативно-регулятивных текстов призывов, приводит к изменению стандартности и шаблонности анализируемых текстов. Они приобретают новые формы и способы выражения, которые наиболее эффективно

воздействуют на адресата, учитывая особенности культурных традиций и норм поведения немецкоязычных стран.

Анализ языкового материала показывает, что директивность, свойственная информативно-регулятивным текстам, выражается в современных текстах призывов, в основном, косвенно: (1) *Sehr geehrter Fahrgast!* (2) *60 Euro sind viel Geld...* (3) *Nach den allgemeinen Beförderungsbedingungen müssen wir diesen Beitrag von Ihnen erheben, wenn Sie öffentliche Verkehrsmittel ohne gültigen Fahrausweis benutzen.* (4) *Kaufen Sie lieber etwas Schönes dafür!* (5) *Sie tun sich einen Gefallen und ersparen uns unangenehme Arbeit.*

Значение побуждения в призыве передается при этом не шаблонными выражениями в форме побудительного предложения типа *Bezahlen Sie Ihre Fahrt!*, а небольшим текстом, отдельные высказывания которого имеют разные коммуникативные цели и играют свою роль в создании общей композиции и реализации информативно-регулятивной функции текста.

Форма обращения (1) нарушает в приведенном примере стандартный неличный характер призыва. Оно как бы сужает акт общения до автора и адресата, придает ему личный, доверительный характер, помогает адресанту установить контакт с адресатом. Констатируя истинный для многих факт (2) и общеизвестное требование (3), адресант предлагает адресату сделать выбор в пользу альтернативного варианта (4), в котором подчеркивается преимущество этого выбора для адресата по сравнению с другим вариантом поведения - нарушить указанное требование. Завершает текст призыва констатация мнения адресанта (5), оба варианта возможного поведения адресата получают эмоциональную оценку. Положительная оценка связана с тем вариантом поведения адресата, который можно назвать правильным, отрицательная же оценка опять выражается косвенно. В тексте указывается на отрицательные эмоции, которые возникнут у него от действий адресанта в случае неправильного выбора и, тем самым, даётся отрицательная оценка нежелательного поведения адресата. В целом, текст имеет коммуникативную интенцию призыва сделать нужное, правильное действие, совершив правильный выбор.

Лингвистические средства, употребленные в тексте для реализации заданной коммуникативной интенции, свидетельствуют о том, что отдельный член общества, к которому адресован призыв,

воспринимается адресантом не просто как законопослушный гражданин, а как человек, способный реализовать самое главное в демократическом обществе право – право выбора. Он не просто часть общей массы граждан, он – личность, к которой обращаются непосредственно и уважительно: личный характер текста, использование формы обращения, эмоциональность.

В качестве доказательства служат и языковые средства, выявленные в других примерах информативно-регулятивных текстов призывов:

1) использование формы «вопрос – ответ» для создания обстановки непосредственного контакта. Например, вместо *Telefon - Haben Sie Fragen?*;

2) прием дисконтинуума текста с целью повышения эмоционального воздействия, например: *Warum sich und andere Gefährten oder den Führerschein riskieren? Es gibt doch Busse & Bahnen, mit denen Sie auch nach feuchtfreundlichen Feiern sicher fahren. Nutzen Sie diesen Service. Für Sie selbst und Ihre Gäste;*

3) рифмовка, вносящая непринужденность и ненавязчивость воздействия:

*Bei Festen und Feiern aller Art
Sind Busse & Bahnen sichere Fahrt.
Sicher fahren gut ankommen;*

4) повторения с различными вариациями: *Es gibt doch Busse & Bahnen...;*

5) использование омофонов: *Die neue Kurzstrecke in Essen: 3 Stationen 2 Euro 1 fach VRR EVAG;*

6) персонификация: *Wir müssen hier bleiben; Vorsicht ich beiße (с изображением собаки);*

7) эвфемизмы: *Bitte überlassen Sie Ihren Sitzplatz dem? Der ihn nötiger hat. Vielen Dank;*

8) смягчение посредством *bitte, vielen Dank* (что вносит ноту личной заинтересованности: *Bitte zuerst lesen!*).

Данные примеры являются подтверждением того, что информативно-регулятивные тексты призывов в современном немецком языке ориентированы на личный характер коммуникации, предполагающий такие его свойства как эмоциональность и экспрессивность.

Тем не менее, даже самая демократичная форма текста призывает легко доносить необходимую информацию до реципиента. С точки зрения семантико-синтаксической структуры призыв всегда представляет собой одно сложное синтаксическое целое с высоким уровнем тематической компрессии. Воздействие на адресата, как показал материал исследования, происходит на всех языковых уровнях – графическом, лексическом, грамматическом и синтаксическом – и нацелено на реализацию заданной информативно-регулятивной функции текста, форма которого в немецком языке отражает высокий уровень культуры взаимоотношения государства и его граждан.

Таким образом, категориально-грамматический потенциал современных информативно-регулятивных текстов призывов в немецком языке тесно связан с экстралингвистическими факторами, обусловленными уровнем социокультуры носителей немецкого языка. Значение категоричного побуждения, присущее анализируемым текстам, исходя из их общей коммуникативной направленности и реализуемой ими информативно-регулятивной функции, выражается в них косвенно и часто приобретает личный характер. Имея цель упорядочить и регламентировать поведение своих граждан в общественных местах, немецкое государство, тем не менее, уважает их личность. Все проанализированные в процессе исследования тексты призывов, как правило, не имеют жесткой категоричности, не унижают личности реципиента. Это становится возможным благодаря использованию в анализируемых текстах таких языковых средств как обращение, смена коммуникативного типа предложения, использование средств эмоциональной экспрессии и оценки.

Библиографический список

1. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 216-217.
2. Звегинцев В.А. Теоретико-лингвистические предпосылки гипотезы Сепира-Уорфа // Новое в лингвистике. М.: Иностранная литература, 1960. Вып.1. С. 112.
3. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учебное пособие. М.: Слово/Slovo, 2000.

4. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А.Д. Шмелёва, под ред. Т.В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999.
5. Шубарт В. Европа и душа Востока. М: Русская идея, 2000. С. 25.

Сведения об авторе

Иванюк Никита Иванович
кандидат филологических наук,
доцент кафедры зарубежной литературы и
теории межкультурной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: zarub@lunn.ru

ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА АКАДЕМИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ: ИССЛЕДОВАНИЯ В РУСИСТИКЕ И ГЕРМАНИСТИКЕ

А.В. Кирилина

Московский институт лингвистики, Москва

Статья посвящена сравнительному анализу данных, полученных при изучении гендерных аспектов академической коммуникации в немецкой и русской научной среде. Устанавливаются сходства и различия в коммуникативных стратегиях и тактиках выражения согласия и несогласия в устной научной дискуссии. Обсуждаются методологические вопросы и перспективы исследования гендерной специфики устной научной коммуникации.

Ключевые слова: гендер, научная коммуникация, речевое поведение, институциональный дискурс.

Gender Research of Academic Communication in Russian and German Philology Alla Kirilina

The paper compares the data obtained by studying gender aspects of academic communication in German and Russian. The study was conducted to determine similarities and differences of gender style preferences in the expression of consent/dissent in academic discussion at conferences and their pragmatic effects. Some methodological problems of the research on gender and communication are also discussed.

Key words: gender, scientific communication, verbal behavior, institutional discourse.

Несмотря на свою более чем полувековую историю, исследование роли гендера в коммуникации все еще страдает от недостатка эмпирических исследований [1; 2]. Обращение к гендерным аспектам профессиональной коммуникации, в частности, к дискуссиям в академической среде, обнаруживает еще более сложную картину, поскольку академическая среда в целом представляет собой весьма «закрытое общество» [3; 4]. Тем не менее, исследования постепенно продвигаются вперед, и сегодня появилась возможность сравнить результаты, полученные в 90-е годы XX века немецкими учеными в ходе выполнения проекта «*Kommunikative Konfliktpotentiale zwischen Frauen und Männern*» (Потенциальные коммуникативные конфликты между мужчинами и женщинами. *Перевод наш.* - А.К.) [3; 4; 5; 6], и результаты изучения гендерной специфики согласия/несогласия в устной научной дискуссии, полученные в первом десятилетии XXI века при реализации

руководимого автором статьи проекта «Научные основы профессиональной институциональной коммуникации» [7; 8; 9; 10].

Все исследования носят индуктивный, эмпирический характер, базируются на включенном наблюдении и общих социолингвистических принципах изучения коммуникативного поведения. Поскольку немецкий проект осуществлялся десятилетием раньше, в российском исследовании применены некоторые методологические положения, разработанные немецкими исследователями. Оба проекта, таким образом, построены на сходных **методологических основаниях**:

1. Гендер рассматривается в свете конструктивистских идей как категория социального, а не индивидуального порядка [11. С. 139].

2. В свете теории коммуникативной адаптации гендер признается параметром переменной интенсивности, действующим в совокупности с иными параметрами социальной идентичности: гендерно предпочтительные стилевые формы имеют вероятностный характер и встречаются лишь внутри определенного вида или жанра коммуникации, в рамках которого представители того или иного пола проявляют тенденцию к выбору определенного речевого действия. Поиск постоянной гендерной специфики коммуникативного поведения, распространяющейся на все контексты, не считается правомерным [3].

3. Признание контекстной обусловленности того или иного коммуникативного действия при анализе гендерной специфики институционального общения.

4. Проведение собственно гендерного анализа на завершающей стадии исследования. Необходимым предварительным этапом работы становится описание общих условий протекания коммуникации.

5. Признание правомерности и необходимости качественного (интерпретативного) анализа¹.

¹ Х. Коттхофф видит недостаток количественных исследований в том, что аналитические категории в таких работах остаются слишком широкими и неопределенными. Автор скептически относится и к исследованиям, не учитывающим специфику контекста при количественном анализе тех или иных дискурсивных феноменов [11. С. 142].

Институциональные особенности дискуссии

Объект и предмет исследования сходны в обоих рассматриваемых случаях. Немецкий проект исследует академическую коммуникацию в институциональном фрейме «университет», русский - в институциональном фрейме «научная конференция»¹. В фокусе внимания находится гендерная специфика выражения согласия/несогласия (С/НС) и ее коммуникативно-прагматическая значимость².

В характере и условиях протекания немецкого и русского институционального общения обнаруживается сходство:

1. Степень выраженности речевого поведения тесно связана с закрепленностью различных формальных/институциональных структур.

Типичная официальная профессиональная коммуникация часто укладывается в рамки модели: доклад – официальное открытие дискуссии – критика доклада – ответные возражения.

В российском исследовании обнаружена «асимметрия прав» докладчика и участника дискуссии: первый находится в более жестких рамках. Институциональность ситуации накладывает большое количество ограничений на поведение докладчика, однако зафиксированы нарушения институциональных рамок фрейма «научная конференция», что свидетельствует о его нежестких границах (подробнее о фактическом протекании научной дискуссии см. [8]).

2. В институциональном контексте несогласие не только служит деловому обсуждению темы, но и представляет собой инструмент создания и поддержания статуса/ социального престижа [3].

3. «Косвенность» критики, завуалированность истинных намерений критикующего является главной особенностью выражения несогласия в профессиональной академической среде. При общем доминировании стратегии неконфронтативности выявлен ряд тактик, служащих для ее реализации [7]:

¹ Поскольку российское научное сообщество на конференциях в значительной мере определяется именно академической средой, сравнение в целом представляется правомерным: изучены дискуссии на семи научных форумах гуманитарной направленности, проходивших в вузах г. Москвы в период с 2005 по 2006 гг.

² Феномен С/НС рассматривается широко и включает такие речевые акты, как полное и частичное, прямое и косвенное согласие, похвалу, совет, порицание, критику, ответ на критику и т.п.

1. Тактика маскировки и смягчения критики.

2. Тактика предвосхищения критики.

Тактика маскировки несогласия особенно актуальна для начальной фазы критического высказывания. Репертуар различных средств маскировки несогласия широк и во многом совпадает в немецкой и русской академической коммуникации. Отмечают:

1. Вопросительную форму конструкций [3] / Квазивопросы [7].

В отдельных случаях соблюдается только синтаксическая форма вопроса:

Vom u. меня такой вопрос// Вот все/ что вы говорили о русском языке на примере «Евгения Онегина»/ наверно можно сказать про любой другой язык//

Ich hab da nun mal `ne kurze Frage

2. Особенности интонирования (паузы, уверенный/неуверенный тон, частотность минимальных высказываний (*mmm, hm,*) (рассмотрены Б. Барон [3]).

В русской коммуникации интонирование помогает превратить маркеры неуверенности в противоположные (используется чаще мужчинами).

3. Определенный набор лексических и стилистических средств:

- инициальная похвала:

«Скажите, пожалуйста/я наверное чего-то не понял/ вот в вашем очень интересном выступлении/...»;

Also, ich fand ganz faszinierend, was Sie vorgetragen haben, Frau Kollegin/«Итак, я считаю Ваш доклад весьма увлекательным, уважаемая коллега»;

- демонстрация неуверенности [3]/применение модальных формул неуверенности [7]:

«Ich habe das Papier leider erst seit kurzem in der Hand, so dass ich mich vielleicht nicht ausreichend einlesen konnte» /«Я, к сожалению, только недавно получил/а текст, так что не смог/ла, вероятно, до конца вчитаться, но...»;

Д. Может быть/у меня другие информанты были//.

- ирония (отмечается только в немецком материале);

- несогласие под видом уточнения (отмечено только в русском материале);

- выражение совета (отмечено только в русском материале для лиц с высоким внешним статусом).

В российском академическом общении отмечается тактика предвосхищения критики, которая является превентивной мерой против ожидаемых возражений, т.е. несогласия. Так, выступление может начинаться словами:

Я прошу прощения// Я э-э не претендую ни на какую законченную концепцию/ заранее говорю//.

Приемами реализации этой тактики служат:

1) извинение как инициальная формула (причем извинение может не быть связанным с дальнейшим содержанием выступления);

2) перформативное высказывание с частицей *не* при глаголе, выражающем амбициозное желание: *я не претендую на..., я не обобщаю...* и т.п.;

3) предупреждение, выраженное наречием времени + глагол говорения: *заранее говорю / сообщаю / информирую* и т.п. [7. С.99].

Б. Барон говорит о самокритике и самоограничении, также не исключая их превентивного характера.

В обоих исследованиях используются понятия *внутреннего (ситуативного)* и *внешнего статуса* [11. С. 143], которые не всегда связаны напрямую.

Л.Н.Маслова предлагает также рассматривать относительно равностатусные ситуации, в которых ряд параметров нивелируется. О неравностатусных ситуациях исследовательница сообщает, что чем больше различия по какому-либо одному параметру, тем менее значимы другие: так, обнаружился низкий статус аспирантов, с которыми практически никто не желает вступать в полемику (им не задают вопросов). И наоборот, очень высокий внешний статус (признанное в науке имя) позволяет его обладателю более свободно нарушать институциональные рамки, например, обращаться к присутствующим по имени в его уменьшительной форме.

Как в немецком, так и в русском научном общении вербальные проявления целей индивидов сами по себе весьма разнообразны и с трудом поддаются формальной унификации.

В записях русских (да и, видимо, немецких) дискуссий использование разными коммуникантами абсолютно идентичных наборов языковых единиц является редкостью. И даже если они есть, общий контекст выступления, а также контекст окружения этих единиц часто делает их в мужском и женском варианте исполнения противоположными по значению. Так, формула *я не настаиваю на своей правоте* в одном случае может использоваться в рамках стратегии положительной самопрезентации, а в другом – в рамках противоположной стратегии.

То же относится к клише типа *с моей точки зрения, я думаю, я полагаю* и т.п., которые не всегда звучат как сигналы сомнения в объективности высказываемого мнения и субъективности предлагаемой точки зрения. Если докладчик оформляет такие формулы особой интонационной манерой, они интерпретируются слушателями как сигналы уверенности, знания, компетентности, а также собственной, отличной от других, позиции, в правильности которой говорящий, однако, абсолютно не сомневается. Так чаще поступают мужчины [7. С.142].

По этой причине также представляется логичным учитывать именно мотивы и интенции коммуникантов, т.е. так, как это было предложено в теории речевых актов, а не стремиться к поиску одинаковых единиц и подсчету их встречаемости. С нашей точки зрения, это еще одно подтверждение обоснованности качественного подхода к анализу.

Гендерно предпочтительные формы согласия/несогласия также обнаруживают совпадения.

В качестве гендерно специфических признаков, зафиксированных в выступлениях ученых-женщин, отмечаются:

- Самокритика: ...das sei jetzt "bestimmt überzogen, aber auch 'n bißchen provokativ" / «Сейчас это, конечно, натянуто, а также несколько провокационно...».

- Самоограничения, прежде всего содержательного и количественного параметров высказывания: Ich habe da nur einen ganz kleinen Abschnitt bearbeitet" / "я обработала лишь только небольшой фрагмент!", "Das kann sicher nicht alles erklären /«Это не может, конечно, все объяснить», [3. С.126; 4. С. 533; 7. С. 140-146].

- Предвосхищение критики: при обсуждении темы собственного исследования женщины часто признают, что гипотеза имеет не очень широкую область применения, что исследование не достигло определенных результатов, что тот или иной пункт остался без внимания, еще до того, как критикующий обратил на это внимание [3. С.126; 7. С. 140 и след.]:

Also, wie gesagt, ich hab das Gefühl gehabt, dass ich mein, äh, Versprechen nur zur Hälfte eingelöst hab, und... / Как я уже сказала, у меня такое чувство, что я свое ээ обещание только наполовину исполнила...;

Вот мне так кажется, конечно, не без доли субъективизма.

- Более быстрое согласие с точкой зрения критикующего, защита собственной точки зрения редко принимает форму конфронтации.

Кроме того, в немецком исследовании отмечается:

- Тезисы женщин в среднем ограничиваются частной точкой зрения; у женщин отмечаются более редкие ссылки на авторитет, цитаты, поучения, а также упоминание знакомств с видными людьми и замечания о значимости собственных достижений.

- Женщинам в большей степени свойственно задавать *истинные вопросы*, тогда как мужчины предпочитают не демонстрировать публично проблемы в знаниях.

- Женщины обнаруживают тенденцию чаще проявлять себя как говорящий субъект: они меньше подчеркивают свою институциональную роль и отказываются от характерных для научного языка «скрытых перформативов» [3. С.127, 4. С. 534; 7. С. 140-146].

- Менее развернутые и поучительные критические замечания. Ученые-мужчины в своих выступлениях, заявленных как вопрос или краткое замечание, часто переходят в формат доклада, совершая развернутые монологические высказывания.

- Редкое использование иронии женщинами при несогласии.

- Предпочтение *менее интенсивных тактик «косвенности» критики*: «амплитуда» между начальным комплиментом и заключительной критикой оказалась в высказываниях женщин-ученых в среднем меньше, чем у мужчин.

- Выбор прямых форм высказывания приводит не к прямой критике, а к тому, что противоположное мнение (только в контексте официальной коммуникации!) преподносится очень осторожно (заявленные «дополнение» или «переспрос» сохраняют свое прямое значение) [3. С.126 и след, 4. С. 533 и след].

В российской научной дискуссии также отмечаются специфические различия в конструировании гендера:

- Участницы дискуссии в большей степени, чем участники, предпочитают квазивопросительные конструкции, особенно ярко это проявляется в паре женщина-женщина.

- Несогласие под видом уточнения не обнаруживает влияния пола адресата, однако наблюдается зависимость данного вида высказываний от пола адресанта: женщины более чем в пять раз чаще мужчин делали подобные высказывания.

- Формулы выражения неуверенности чаще использовались участницами дискуссии; при обращении к докладчицам этот прием также применялся чаще.

- Инициальная похвала как прием маскировки и смягчения несогласия в два раза чаще использовалась участницами дискуссии, при этом наибольшее количество данных речевых актов обнаружено в паре женщина-женщина.

- Тактика предвосхищения критики используется почти исключительно женщинами.

Кроме того, в российской дискуссии установлена еще одна черта женских выступлений: в них весьма частотны формулы, выражающие их готовность строго соблюдать институциональные нормы коммуникации, особенно регламент:

*я понимаю/ что все уже устали, я постараюсь так сказать строго придерживаться регламента/ и даже может быть **раньше закончить** и т.п.*

Если регламент не удалось выдержать, как правило, следуют извинения. К примеру, после выступления, длившегося 14 минут (при регламенте 10), докладчица произносит: *Извините/ если я вас утомила//*. Мужчина, выступавший до нее с докладом на 23 минуты, перед аудиторией не извинился [7. С. 143].

В мужских репликах такие формулы, выражающие готовность выступающего соблюдать институциональные нормы коммуникации, в частности, регламент, встречаются значительно (в 2,5 раза) реже и, как правило, содержат иные импликации:

Ну коль скоро вы предоставили мне слово/ во-первых/ спасибо// Во-вторых/ я пока не знаю/ сколько буду говорить//<...> [Там же].

Различия в результатах немецкого и русского исследований

1. Различия в институциональном фрейме. Весьма значимым фактом мы считаем различное количественное соотношение мужчин и женщин в немецкой и русской академических средах. В германских университетах преобладают мужчины, женщины часто занимают подчиненные должности, а также, как подчеркивает Б. Барон,¹ в

¹ “Исследуя правомерность выделения типично “женского” речевого поведения при выражении несогласия, мы столкнулись с проблемой практического характера: даже в разнополых группах с высокой долей женщин они реже берут слово, так что было обнаружено значительно меньше случаев выражения несогласия относительно общего количества высказываний. Поэтому автор обращался к данным других ученых о профессиональных беседах среди женщин” [4. С. 531].

целом реже берут слово в дискуссиях даже в разнополых группах с преобладанием женщин. Ни одно из этих утверждений на русском материале не подтвердилось. В российской гуманитарной сфере, которая исследовалась, женщины преобладают, занимая, в том числе, и значительное число руководящих позиций (профессор, зав. кафедрой, декан, проректор, ректор и т.п.).

2. Б. Барон отмечает:

“Иногда наблюдается, что защиту точки зрения докладчицы, стоящей на средней или низшей ступени научной иерархии, берет на себя мужчина с более высоким социальным статусом, который вместо нее отвечает на критику” [4. С.532-533].

В отечественном же научном общении сходная ситуация с полом, как представляется, не связана. Руководитель аспиранта – независимо от пола – может выступить в его защиту, отреагировав на критику. Вероятно, на результат исследования Б. Барон в этом случае повлиял резкий количественный перевес мужчин в немецкой академической коммуникации.

3. Важным средством маскировки критики в немецкой академической коммуникации является ирония, а также, что это средство практически не используется женщинами. Б.Барон считает этот факт стабильным гендерно специфичным признаком. В русской академической коммуникации не выявлено расхождений по данному параметру. Более того, ирония практически не встречается в исследованном русском материале. Это позволяет с некоторой долей осторожности предположить, что, возможно, в академической среде Германии более развита традиция блистать остроумием и иронией, что и объясняет ее более высокую частотность¹.

4. В немецкой дискуссии, «заявляя о своем желании выступить, женщины-специалисты говорят гораздо короче, их выступления демонстрируют меньшую приверженность стандарту литературного языка, однако за рамками высказывания чаще дополняются самоэкспликациями» [3. С.126; 4. С. 533]. По материалам российских

¹ “По характеру высказанного замечания (тонкого, рафинированного, элегантного, остроумного или свехосторожного (или чрезмерно агрессивного), растерянного или банального) можно судить и о том, как член сообщества утверждает свое место в иерархии, и как он / она завоевывает “новую территорию”; реакция же аудитории позволяет предположить, насколько успешной она считает тактику коллеги. Несогласие в академическом контексте используется и как инструмент поддержания статуса и престижа” [4. С.525].

дискуссий можно, напротив, заключить, что от литературной нормы речь женщин не отклоняется. В остальном же – самоэкспликация, более субъективный характер высказывания и т.п. – результаты совпадают. В этой связи следует уточнить, что именно понимается в немецком исследовании под литературностью речи. Возможно, имеет место расхождение в определении понятий.

Вместе с тем в русском общении зафиксированы случаи (нечастые - всего 13 реплик от трех докладчиков-мужчин) серьезного нарушения институциональных норм (резкая отповедь, грубость в ответ на вежливо высказанное несогласие) [7. С. 101 и след.]:

...Оппонент (О): Нет/ после Сократа нужно

Докладчик (Д): Можно я все-таки буду говорить/

О: . Нет/ это не нужно вводить/ это после Сократа

Д: . Ну может вы помолчите хоть чуть-чуть/ хотя бы тридцать секунд//

Если не трудно// Э-э вот// <...>Вы не можете молчать/ я вижу// <...>

Коммуникативно-прагматическая значимость гендерных различий в устной научной дискуссии (конструирование «статуса эксперта»)

Исследование стратегии самопрезентации в научной дискуссии выявило гендерную специфику – для женского вербального поведения более характерна стратегия негативной самопрезентации, а для мужской – стратегия положительного преподнесения себя как знающего и авторитетного специалиста. Негативный образ недостаточно компетентного ученого конструирует тактика снижения значимости собственного исследования, получающая реализацию при помощи формул, указывающих на:

- незавершенность проводимого исследования:

я заранее извиняюсь/ что выводы неокончательны//;

Das kann sicher nicht alles erklären / Это конечно же не все объясняет

- недостаточную степень разработанности проблематики:

Мне показалось ... хотя в своем докладе я не претендую/ что мне удалось до конца исчислить этот набор признаков//

Es gibt ja nur kleine Fortschritte / Успехи весьма скромные

- сомнение в достоверности и обоснованности собственных рассуждений и выводов:

Но вот мне показалось/ что это возможный взгляд на проблему// То есть возможны и другие/ но мне показалось/ что можно обратиться к этому термину//

Was ich jetzt vortrag, is wirklich nur ein Vorschlag/ То, что я излагаю, это просто предложение

- ограниченный материал исследования:

у нас пока очень узкое исследование/ мы берем только две составляющих//;

Ich habe da nur einen ganz kleinen Ausschnitt bearbeitet / Я пока обработала лишь небольшой фрагмент

- узкий фокус исследования, и, следовательно, его общую незначительность:

Я постараюсь кратко/ тем более что мое сообщение по сути это просто комментарий к одной реплике Витгенштейна//;

- сомнение в объективности высказываемого мнения и подчеркивание субъективности предлагаемой точки зрения:

вот мне так кажется, конечно не без доли субъективизма; это мой взгляд/ я не настаиваю на такой трактовке// и т.п.¹

Формулы, эксплицирующие сомнение в объективности высказываемого мнения, появляются в речи женщин, возможно, под влиянием упомянутой выше тактики предвосхищения критики². В ситуации непонимания женщины склонны видеть свою вину, тогда как мужчины чаще обвиняют другого [7. С. 140-146].

Заключение

В заключение отметим, что предпочтение тем или иным полом некоторых стилей речи и типов речевых действий подтвердилось, однако оно строго обусловлено контекстом, видом и жанром коммуникации. У женщин и мужчин наблюдаются определенные различия в конструировании статуса эксперта. Соответствующие выводы согласуются с исследованиями речевого поведения в контексте СМИ [11]: именно в рамках высокоофициального общения и даже при симметричной иерархии в группе коммуникантов женщины часто выбирают речевые стратегии, вызывающие ассоциации с низким статусом говорящего, его профессиональной некомпетентностью.

Изложенные наблюдения приводят к выводу: конструирование гендера тесно связано с конструированием статуса компетентного лица и, по сути, происходит параллельно с ним, что позволяет

¹ Ср., как, используя ту же самую формулу, завершает ответ на критическое замечание мужчина: <...> *Я, конечно, не настаиваю на своей правоте/ но ссылаюсь на информацию/ огромные статьи которые есть/ посвящены этому вопросу//.*

² Возможно, используя эти приемы, говорящий не преследует цель показать незначительность результата исследования или свою некомпетентность. Скорее, мотив иной: забегая вперед, продемонстрировать свою способность видеть возможную проблему и понимать ее глубину. Использование этой тактики дает возможность опередить возражение собеседника, снижает, однако, статус говорящего как профессионала и компетентного специалиста.

говорить о коммуникативно-прагматической значимости гендерного конструкта, проявляющейся в результате коммуникации и ведущей к восприятию говорящего как более или менее компетентного профессионала. Так, например:

“насыщенный пассивными конструкциями, безличный, имитирующий “объективность” стиль речи традиционно ассоциируется с “компетенцией” и “серьезностью”, а несоблюдение этого стандарта (более свойственное женщинам) – с “некомпетентностью” [4. С.535].

И в немецкой, и в русской академической среде женщины-ученые в роли докладчиц, руководителей секций и участников дискуссий обнаруживают иные, нежели их коллеги-мужчины, тенденции к построению своих высказываний. Даже известные женщины-ученые сокращают продолжительность своей речи и преуменьшают значимость своих тезисов еще до того, как прозвучала критика, и с готовностью реагируют на критику согласием¹. Женщины не стремятся подкрепить свой статус ссылками на авторитетные мнения или свои прежние заслуги.

И хотя оба исследования убедительно показали, что не существует прямой зависимости между стилистическими средствами и целью высказывания, все же практически все названные речевые тактики, свойственные женщинам, имеют негативные последствия для их профессионального имиджа, так как ассоциируются с некомпетентностью и непрофессионализмом в данном типе коммуникативного пространства.

Сравнительный анализ позволяет констатировать, что и в немецком, и в русском материале подтверждаются результаты исследований контекстов СМИ [11], согласно которым женщины не всегда интенсивно участвуют в процессе конструирования статуса эксперта.

Мы считаем возможным согласиться с Б. Барон в том, что

“речь идет о столкновении различных стилей общения, кажущихся на первый взгляд нейтральными, при котором предпочитаемый женщинами стиль с точки зрения институциональной традиции и исторически обусловленных риторических требований приобретает такие коннотации, как «непрофессионализм» «недостаточная компетентность», что в итоге наносит имиджу женщин соответствующий ситуативный и социальный ущерб” [6. С. 198].

¹ Однако в русской академической коммуникации отмечается, что быстрое согласие с критикой может быть сугубо формальным, а за ним следует комментарий-пояснение, представляющий собой полемику с оппонентом.

Исследование гендерной специфики профессиональной коммуникации представляет чрезвычайный интерес, поскольку гендерно специфичные стилевые особенности влияют на восприятие коммуниканта как более или менее компетентного и авторитетного специалиста. Этот факт, однако, слабо осознается говорящими, как, впрочем, и наличие разных стилевых черт в общении лиц разного пола. Дальнейшее эмпирическое изучение вопроса необходимо. Требуется более крупный массив данных; необходим также более подробный гендерный анализ отдельных коммуникативных ситуаций, исследование взаимосвязи факторов «гендер», «статус», «возраст», «коммуникативная роль» с использованием определенных речевых действий и с ожиданиями аудитории, обусловленными традицией академического общения.

Не меньший интерес представляет и анализ отклонений от институциональных норм и поиск причин таких отклонений, изучение отдельных случаев дискуссий, их исхода, и коммуникативных средств достижения определенного результата.

Эмпирические исследования необходимы и потому, что на уровне теоретизирования многие вопросы решить весьма сложно, например, установить степень участия социального статуса и гендера в выборе той или иной коммуникативной тактики и языковых средств ее реализацию а также иных параметров коммуникантов. Обсуждаемый российский проект отчасти содержит первичные наблюдения над взаимодействием статуса, возраста, гендера, но они сделаны лишь в первом приближении и требуют дальнейшего изучения.

Библиографический список

1. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М: Институт социологии РАН, 1999. 189 с.
2. Гриценко Е.С. Язык. Гендер. Дискурс. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И.Лобачевского, 2005. 267 с.
3. Baron B. "Geschlossene Gesellschaft". Gibt es geschlechtsspezifische Unterschiede im universitären Fachgespräch? // Gender Studies an der Universität Konstanz. Vortragsreihe in Sommersemester 1996. Konstanz, 1996. S. 114-129.
4. Барон Б. «Закрытое общество»: существуют ли гендерные различия в академической профессиональной коммуникации? // Гендер и

язык / МГЛУ; лаборатория гендерных исследований. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 511-538.

5. Baron B. Die Inszenierung des Geschlechterverhältnisses im akademischen Streitgespräch. Zur Kontextabhängigkeit der Dissensformatierung // *Jahrbuch Arbeit. Bildung. Kultur* / Hrsg. vom Forschungsinstitut für Arbeiterbildung. Bd. 14. 1996. S. 69-80.

6. Baron B. „Freiwillige Selbstkontrolle“ im Fachgespräch: Selbstkritik und Skopuseinschränkung in Beiträgen von Wissenschaftlerinnen // *Zeitschrift für Germanistische Linguistik*. 1998. S.175-201.

7. Маслова Л.Н. Выражение согласия/несогласия в устной научной коммуникации (гендерный аспект): Дис. ... канд. филол.наук. М., 2007.

8. Кирилина А.В., Маслова Л.Н. Некоторые особенности устной научной дискуссии // *Языковое сознание: Парадигмы исследования* / под ред. Н.В. Уфимцевой и Т.Н. Ушаковой. М., Калуга, 2007. С. 255-276.

9. Кирилина А.В., Маслова Л.Н. Устная научная дискуссия: взаимосвязь конструирования гендера и статуса компетентного лица // *Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования* / Под ред. Э. Шоре, К. Хайдер, Г. Зверевой / *Sex. Gender. Kultur. Deutsche und russische Forschungen* / Hrsg von E. Cheaure, C. Heyder und G. Zvereva. М, 2009. С. 231-260.

10. Маслова Л.Н., Кирилина А.В. Гендерные аспекты авторитетности // *Авторитетность и коммуникация: Коллективная монография; серия «Аспекты языка и коммуникации»*. Вып. 4 / Под общ. ред. В.Б. Кашкина. Воронеж: Воронежский гос. университет; Издательский дом Алейниковых, 2008. С.52-74.

11. Kotthoff H. The interactional achievement of expert status: Creating asymmetries by “Teaching conversational lectures” in TV discussions // *Pragmatics and Beyond New Series. Vol. 42. Communicating Gender in Context*. H. Kotthoff and R. Wodak (eds). Amsterdam/Philadelphia, 1997. P. 139-178.

Сведения об авторе

Кирилина Алла Викторовна
доктор филологических наук, профессор,
проректор по научной работе Московского института лингвистики
E-mail: akirilina@inyaz-mil.ru

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Ж.В. Никонова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Система речевых актов представлена в языке совокупностью их лексических репрезентаций. Опыт фреймового анализа перформативов современного немецкого языка позволил выявить иерархическую структуру и этнокультурные особенности парадигматической организации лексических единиц, выступающих номинаторами речевых актов в немецком языке. Они заключаются, прежде всего, в ассиметричном характере номинации типов и видов перформативности и разветвленной системе коннотативных значений номинаторов отдельных речевых актов.

Ключевые слова: теория речевых актов, речевой акт, перформатив, номинатор речевого акта, фрейм речевого акта.

Ethno-Cultural Specificity of the Organization of Speech Acts System in Modern German Zhanna Nikonova

The system of speech acts is presented in the language by the system of performative verbs. Frame analysis of performatives in the modern German language reveals a complex of ethnocultural features of paradigmatic organisation of lexical units appearing as nominators of speech acts in German. They consist, first of all, in dissymmetric character of the nomination of types and sorts of performativity and the branched out system of connotative value of nominators of speech acts.

Key words: theory of speech acts, speech act, performative, the nominator of the speech act, frame of the speech act.

Описать систему речевых актов конкретного языка – значит выявить специфику установления ассоциативных связей в языковом сознании в процессах порождения и восприятия речевого акта [1]. Необходимость этой сложной исследовательской задачи, призванной решить самые насущные проблемы лингвистического анализа речевых актов в различных языках, доказана многими современными учеными (Т.А. ван Дейк, Е.С. Кубрякова, Н.И. Жинкин и др.).

Сложность лингвистического анализа речевого акта предопределена сложностью механизмов его порождения и функционирования, с одной стороны, и особенностями процессов

языковой концептуализации ситуаций общения в сознании носителей языка, с другой стороны. Анализ речевого произведения акта коммуникации должен проводиться, вследствие этого, с учетом указанных особенностей и опираться на объективные методы исследования. Таковым в применении к анализу речевых актов выступает фреймовый анализ, позволяющий «получить доступ» к когнитивному уровню формирования интенционального смысла и способствующий тем самым выявлению особенностей и структуры системы речевых актов в конкретном языке [2].

Фреймовый анализ перформативных глаголов как лексических единиц, выступающих номинаторами речевых актов, является в этом случае достаточно иллюстративным в плане освещения соотношения концептуальных смыслов фрейма и компонентов значения лексемы и показательным в плане освещения концептуального содержания фрейма речевого акта, стоящего за его лексической репрезентацией в национальном языке.

Опыт фреймирования перформативов на материале современного немецкого языка позволил не только выявить особенности парадигматической организации номинаторов речевых актов и, тем самым, этнокультурную специфику системы речевых актов в современном немецком языке, но и решить проблему выявления «полных» и «неполных» перформативов, остававшуюся до настоящего времени нерешенной.

Фреймовый анализ перформативов проводился на основе примеров, отобранных методом сплошной выборки из толковых словарей современного немецкого языка. Способность перформатива выступать номинатором перформативного действия и обозначать тот или иной вид и тип перформативности послужила отправной точкой для отнесения глагольной единицы к лексической репрезентации речевого акта в рамках суперфрейма «Перформативность». Все выявленные в немецком языке перформативы (основной корпус составил более 8000 примеров) распределялись по двум основным фреймам – «Иллокуция» и «Перлокуция». За критерий выявления вида речевого акта было взято наличие (у перлокутивных глаголов) или отсутствие (у иллокутивных глаголов) в семантической структуре семы перлокутивного эффекта, включающей каузацию перформативного действия.

В сфере каждого фрейма (терминала) с опорой на методы семасиологического и компонентного анализа значения лексем устанавливались лексико-семантические варианты перформативов, находящиеся в привативных оппозициях по номинации типа речевого акта. Рассмотрение лексико-семантических групп глаголов как привативных оппозиций отражает особенность организации языковых знаков в свете процесса порождения речевого акта, так как простое разбиение их на лексико-семантические группы не дает представления о пространственной структуре фрейма, стоящего за речевым актом. Гиперо-гипонимическая группа рассматривается при этом не адекватной синонимической группе, так как в синонимические группы включаются слова, несовпадающими семантическими признаками которых являются только такие признаки, которые могут устойчиво нейтрализовываться в определенных позициях. Доминантой (гиперонимом) такой группы лексем является перформатив, в значении которого отсутствуют дифференциальные семантические компоненты и имеется только один различительный признак интенциональности речевого акта, являющийся общим для всей группы значений. Например, лексико-семантическую группу «*melden*» структурируют глаголы *anmelden*, *abstatten*, *referieren*, *reportieren*, *abmelden*, *ankündigen*, *kommunizieren*. Сравнение значений данных перформативов показывает, что инвариантным для всех глаголов этой группы является значение «*zur Kenntnis bringen*». Другие перформативные глаголы (гипонимы) имеют в своей смысловой структуре, наряду с основным набором сем типа иллокутивного акта, различные дифференцирующие семантические компоненты, характеризующие особенности обозначаемого перформативного действия «сообщать» (*anmelden* – melden/ankündigen, *abstatten* – melden/offiziell, aus Pflichterfüllung, *referieren* – melden/zusammenfassend über etwas berichten, *reportieren* – über etw. melden/ berichten, *abmelden* – den Weggang ordnungsgemäß melden, *ankündigen* – melden/ in Aussicht stellen, jemanden wissen lassen, *kommunizieren* – melden/ mitteilen). Все эти глаголы обозначают один и тот же тип перформативности, и могут замещаться без изменения общего значения гиперонимом *melden*. Однако, гипонимы, напротив, не могут заменить гипероним, так как являются языковыми единицами, выражающими лишь какой-либо аспект свершающегося перформативного действия. Поэтому, например,

гипонимы *abmelden*, *reportieren*, *referieren* не могут заменить гипероним *melden*, не нарушая общего направления категориальной детерминации перформативности речевого акта. Этот факт можно проследить и на примере других лексико-семантических групп перформативов со значением:

1) «обещать» - *versprechen* (гипероним); *zusichern*, *ankündigen*, *versichern*, *beschwören*, *schwören*, *garantieren*, *bürgen*, *einstehen*, *gewährleisten*, *haften* – гипонимы, обозначающие различную степень протекания речевого действия «обещать»;

2) «наставлять» - *anweisen* (гипероним); перлокутивные глаголы (вернее, их отдельные ЛСВ) *anleiten*, *ermahnen*, *angeben*, *institulieren* называют различный характер протекания действия, а инфинитив *belehren*, имея аналогичное другим инфинитивам этой группы инвариантное значение гиперонима, обладает и эмоционально-экспрессивным значением;

3) различное эмоционально-экспрессивное значение имеют глаголы *schönfarben* (приукрашивать), *fabulieren* (придумывать), *dichten*, *hinzudichten* (сочинять), *breitretten* (раздувать), *aufbinden*, *aufschneiden*, *aufbauschen* (приукрашивать, врать, рассказывать небылицы), *anlügen*, *belügen*, *erlügen* (оболгать) в лексико-семантической группе инфинитивов с иллокутивным инвариантным значением «лгать», гиперонимом которой является инфинитив *lügen*.

Объединение вербальных единиц конечных терминалов гиперогипонимичного фрейма выбора типа речевого акта (то есть низших, конкретных субфреймов 1-го порядка) в привативные оппозиции и выделение гиперонима со значением типа речевого акта позволило, тем самым, определить более абстрактные лексические единицы, номинирующие субфреймы 2-го порядка. Поэтому количество терминальных узлов, соотносящихся с семами лексической единицы, уменьшается на один порядок при переходе на более высокий уровень гиперогипонимического фрейма. При этом, как показывают результаты практического анализа, наибольшая часть перформативных глаголов осталась за пределами дальнейшего рассмотрения. Номинаторы типа речевого акта оказываются в этой связи перформативными глаголами, имеющими в своей семантической структуре только те компоненты значения, которые показывают характер осуществления перформативного действия. Коннотативные компоненты значения остаются присущими при этом

только тем перформативным глаголам, которые способны лишь обозначать его в парадигматике немецкого языка и выступать в синтагматике лишь в нарративном режиме. При этом очевидным становится тот факт, что наличие коннотативных компонентов в структуре значения перформативного глагола является одним из критериев разграничения «полных» и «неполных» перформативов, т.е. тех, которые способны выступать номинаторами РА в глубинной структуре речевого произведения, и тех, которые могут появляться только в поверхностной структуре РА в нарративном употреблении.

Примечательными в этой связи становятся два факта, релевантные для характеристики этнокультурной специфики номинации речевого акта в немецком языке. Первый заключается в том, что некоторые обозначения речевого акта получают в немецком языке наиболее разнообразную лексическую репрезентацию с широким спектром коннотативных значений. Это, как правило, перформативы, обозначающие различные аспекты бытового межличностного речевого взаимодействия, например:

Schimpfen: beschimpfen, anschreien, anfahren, anwüten, ausgeifern, abkanzeln, heruntermachen, herunterputzen, schelten, beschelten, angeifern, anherrschen, anlassen, andonnern, anpfeifen, anschnauzen, ausschmieren, auszanken, schmähen, schnauzen, beschmähen, schlechtmachen.

Spotten: bespotten, bespöten, ausspotten, erspotten, auslachen, foppen, sticheln, anpflaumen, necken, hänseln, bewitzeln, veralbern, hochnehmen.

Ermuntern: anfeuern, anfrischen, aufmuntern, anpeitschen, zuraten, raten, bekräftigen, begeistern, anfeuern, aufrütteln, auffordern, aktivieren, anraten, anregen, anreizen, anspornen, anstacheln, beflügeln и мн. др.

Многие из них характеризуются наличием в структуре их значения образных понятийных компонентов, демонстрирующих этнокультурную специфику концептуализации референтной ситуации общения в языковом сознании носителей немецкого языка и поэтому передаваемых средствами другого языка - в частности, русского - только через семантический эквивалент или доминанту той ЛСГ, в рамках которой он идентифицируется как перформативный глагол: *anschnauzen* – mit groben Worten anfahren, schimpfen (ugs.) (наорать (фам.), накричать; ср.: Schnauz – усатый человек, пинчер, нагоняй);

anpflaumen - jemanden verspotten, necken, hänseln, spotten (ugs.) (высмеивать, дразнить (фам.), подтрунивать; ср.: Pflaume – слива / шпилька, колкость / недотёпа);

anstacheln – anfeuern, anspornen, ermuntern (ugs.) (побуждать, подхлестывать, подстрекать; ср.: Stachel - жало, колючка, игла, острота (обиды)).

Второй факт, на который хотелось бы обратить внимание при освещении этнокультурной специфики номинации речевых актов в немецком языке, касается некоторых типов речевых актов, которые, по сравнению, например, с русским языком, не получают отдельную номинацию в немецком языке, а, значит, не считаются прагматически значимыми для его носителей. Например, тип РА в русском языке «попрекать» соотносится по выражению перформативного смысла в немецком языке только с глаголом (*sich*) *meckern* (ugs., *abwertend – an einer Sache etw. auszusetzen haben u. ärgerlich seiner Unzufriedenheit Ausdruck geben*), функционирующим в немецкоязычном дискурсе только в нарративном режиме. Номинатором типа перформативного акта выступает в немецком языке глагол *vorwerfen*, соответствующий по семантике русскому глаголу «упрекать». Этот языковой факт свидетельствует о том, что коммуникативная интенция «попрекать» не является для носителей немецкого языка смыслоразличительной в плане субкатегоризации перформативности речевого акта, что свидетельствует об этнокультурной специфике концептуализации данного фрагмента реальной действительности в языковом сознании немцев и об их отрицательном отношении к осуществлению речевых актов такого рода.

В процессе фреймирования перформативов были отмечены и такие типы РА, которые, по сравнению, например, с русским языком соотносятся более чем с одним перформативным глаголом в качестве доминанты ЛГС для выражения анализируемого типа перформативности. В частности, на роль номинаторов одного типа речевого акта претендуют в немецком языке *gratulieren/ beglückwünschen* и *ansprechen/ sich wenden*. Словарные дефиниции не дают в таких случаях достаточного основания для их разграничения: *gratulieren* – *seine Glückwünsche aussprechen, Glück wünschen, beglückwünschen*; *beglückwünschen* – *jemandem zu etwas gratulieren*; *ansprechen* – *Worte an jemanden richten, mit jemandem ein Gespräch beginnen*; *sich wenden* – *Worte, eine Frage, Bitte an jemanden richten*.

Лишь обращение к широкому культурологическому контексту и анализу парадигматического фрейма РА, стоящего за языковым знаком, позволяет в дальнейшем решить вопрос о том, какая из названных лексических единиц действительно является номинатором типа перформативности в конкретной ЛСГ. Очевидно, что асимметричный характер номинации определенных прагматических сценариев речевого взаимодействия обусловлен, прежде всего, этнокультурной спецификой их концептуализации в языковом сознании носителей немецкого языка. Наличие в парадигматике языка семантических дублетов свидетельствует о том, что какой-либо фрагмент референтной ситуации общения признается со стороны носителей языка особо значимым и подвергается дополнительной номинации, вскрыть причины которой без анализа фреймов речевых актов в статичном и динамичном аспектах невозможно.

Последующие этапы анализа семантической структуры выявленных в свете динамичного фрейма «Перформативность» перформативных глаголов подтверждают этот вывод. При анализе перформативов субфрейма 3-го порядка было выявлено, что некоторые номинаторы типов речевых актов, образующих субфрейм 2-го порядка, не имеют инвариантного значения с подобными им лексемами – номинаторами типа иллокутивного/перлокутивного акта, например: *adressieren* (в сфере фрейма «Перлокуция»), *versprechen, erzählen, beschreiben* (в сфере фрейма «Иллокуция»). Минуя третий уровень в иерархической структуре гипонимического фрейма выбора тестора типа речевого акта, они включаются в субфрейм 4-го порядка. На данном уровне суперфрейма «Перформативность» зафиксированы видовые характеристики осуществления речевого действия: у иллокутивных глаголов – *Äußern*, у перлокутивных глаголов – *Beeinflußen*. Данные номинаторы фреймов «Иллокуция» и «Перлокуция» также имеют инвариантное значение речевого действия, выражаемое в немецком языке лексемой *sprechen (schreiben)*, которая может выступить номинатором суперфрейма «Перформативность».

Таким образом, инвариантное значение каждого уровня гипонимического фрейма выбора номинатора вида, подвида и типа речевого акта, представленное определенным набором слотов, увеличение количества которых на каждом термине фрейма приводит к большей дифференциации и определению типа речевого

акта, выступает ведущим принципом иерархического включения субфреймов более низкого порядка (т.е. отдельных терминалов фрейма) в субфреймы более высокого порядка, которые, в свою очередь, структурируют субфреймы высшего порядка и т.д. до вершинного узла исследуемого фрейма. Установленные принципы отношений между перформативами, структурирующими тот или иной фрейм, основываются на инвариантных значениях инфинитивов и их семантических различиях. Это предопределяет распределение инфинитивов по горизонтальной и вертикальной осям иерархической структуры каждого фрейма. Как элементы горизонтальной структуры на уровне каждого терминала фрейма (или субфрейма) инфинитивы имеют в ней фиксированное положение. Устойчивость элементов на парадигматическом уровне - обязательное условие структуры, залог существования и успешного функционирования всей системы языка в целом, частью которого и являются рассматриваемые фреймы речевых актов. Проведенное исследование показало, что многие перформативы немецкого языка могут входить в состав нескольких субфреймов одного или нескольких уровней. Это возможно благодаря наличию у каждого лексико-семантического варианта глагола различных парадигматических связей, которые, не совмещая и не расщепляя элемент в горизонтальной структуре, позволяют ему проявлять себя в соответствии с его семантическими структурными свойствами. Закрепление за тем или иным перформативом в современном немецком языке определенного места в иерархической структуре фрейма выбора номинатора типа речевого акта по горизонтальной и вертикальной осям происходит в зависимости от функционального потенциала каждого инфинитива: его семантики, категориально-грамматического и коммуникативного потенциала. Совокупность данных характеристик также предопределяет этнокультурную специфику системы речевых актов в современном немецком языке и требует отдельного исследования, что указывает на перспективы научного поиска по анализируемой проблеме.

Представленный в настоящей статье опыт фреймового анализа перформативов расширяет имеющееся в германистике представление о системе речевых актов в современном немецком языке, иллюстрируя этнокультурные особенности её организации. Результаты проведенного исследования значимы также для развития современной лингвистической прагматики и межкультурной

коммуникации и могут являться основой для дальнейшего анализа системы речевых актов в немецком и других языках.

Библиографический список

1. Якобсон Р. Речевая коммуникация // Избранные работы. М.: Наука, 1985. С. 314.
2. Никонова Ж.В. Фреймовый анализ речевых актов (на материале современного немецкого языка): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Нижний Новгород, 2009. 41 с.

Сведения об авторе

Никонова Жанна Викторовна
кандидат филологических наук,
профессор кафедры немецкой филологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: nikonova@lunn.ru

ИНФЛЕКТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

О.А. Орлова

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород*

В данной статье рассматривается одна из синтаксических тенденций в современном немецком языке – регулярное употребление инфлективных конструкций в сфере онлайн-коммуникации. Особое внимание уделяется их языковому статусу и структуре.

Ключевые слова: инфлективы, инфлективные конструкции, онлайн-коммуникация.

Inflective Construction in Modern German **Olga Orlova**

There is a syntactic tendency in modern German which is discussed in the article, specifically, the regular use of inflective constructions in the field of online communication. Their language status and structure are in the focus of attention.

Key words: inflectiv, inflectiv construction, on-line communication.

Интернет как особая коммуникативная среда и как ранее не существовавшая сфера реализации языка обусловил возникновение новых форм общения, новых стереотипов речевого поведения, новых форм существования языка. В настоящее время лингвисты все больше внимания уделяют исследованию различных языковых явлений, характерных для электронных коммуникационных сервисов.

Одной из особенностей немецкоязычной онлайн-коммуникации является регулярное употребление инфлективов и инфлективных конструкций. Инфлективы активно употреблялись в комиксах (*poch*, *schluchz*) [1]. Появление электронных средств коммуникации, в особенности систем условно-синхронного общения, таких, как чаты и клиенты быстрых сообщений (ICQ, QIP, текстовый клиент Skype и др.), послужило новым толчком к распространению и развитию инфлективов [2], [3]. В настоящее время инфлектив считается равноправным членом глагольной парадигмы (*guck*, *herspring*, *auffang*) [4]. (Подробнее о грамматическом статусе и функциях инфлективов см. [5]).

В настоящей статье описывается относительно новое, но уже довольно распространенное явление в немецком языке, а именно,

инфлексивные конструкции (ИК), а также ряд проблем, связанных с функционированием данных единиц. Сфера их употребления может быть четко обозначена - коммуникационные сервисы сети Интернет, прежде всего, ICR-чат, а также электронная почта, форумы, блоги и мобильная связь SMS. Несмотря на это ограничение, исследователи рассматривают ИК не как единичные случаи, но как одну из «синтаксических тенденций (syntaktische Tendenz) в современном немецком языке» [6].

Под инфлексивной конструкцией, как правило, понимается *инкорпорация* нескольких слов, связанных между собой синтаксически и по смыслу, причем инфлексив в них, за редким исключением (*sendmail*, *winkwild*), занимает конечную позицию (*aufdieforumscouchleg*, *maulaufreiss*) [7]. Действительно, слитное написание может служить индикатором инкорпорации, однако К.Дюршайд считает слишком поспешным «делать вывод о грамматической структуре, исходя из написания». Необходимым условием процесса инкорпорации, по ее мнению, является тот факт, что инкорпорированный элемент при слиянии с глаголом-модификатором утрачивает референтное отношение (staubsaugen, radfahren). При образовании же инфлексивных конструкций этого в большинстве случаев не происходит. Например, предложная группа «mitdenarmen» в составе ИК *wildmitdenarmenwink* сохраняет свое референтное отношение [8].

В любом случае сложно говорить об ИК как об инкорпоративном комплексе, поскольку условие слитного написания выполняется также не всегда. Так, в исследованном нами корпусе (186 единиц) 83 конструкции (44,6%) раздельнооформлены, причем компоненты-существительные могут писаться с большой буквы (*mit den Schultern zu elise zuck*), 5 ИК (2,7%) написаны через дефис, а также зафиксирован один случай смешанного «слитно-раздельного» написания инфлексивной конструкции (*riesenblumenstraussfüralleher einschlepp*).

Ни длина ИК, ни состав (о чем речь пойдет ниже), ни их семантическое наполнение не влияют на орфографию. Следующий пример иллюстрирует вариативность написания ИК:

NickName1: *inschranksatz*

NickName2: *tür verriegel*

NickName1: *luft aus schrank raussaug*

NickName2: *sauerstoffgerätaufsetz*

NickName1: *schranktüraufmach*

Как отмечалось выше, порядок слов в ИК фиксирован. Глагольная форма занимает конечную позицию. Тем не менее, в ряде случаев (4,3%) инфлексив стоит в начале конструкции (*strahl begeistert*, *kraulmalzwischenendenöhrchen*, *kreisch wie ein Mädchen*). Подлежащее чаще всего отсутствует, что объясняется постоянной отнесенностью инфлексивной конструкции к пишущему и делает употребление подлежащего избыточным. Лишь в одном случае нами был зафиксирован субъект, выраженный личным местоимением «ich» - *ichlachmichwech*, и еще один случай употребления подлежащего, выраженного именем собственным (сетевым именем) *domainschautbetroffen*. В обоих случаях ИК обнаруживают порядок слов, характерный для повествовательного предложения, причем во второй конструкции вместо инфлексива употреблена форма глагола в 3-м л. ед. ч.

Таким образом, вопрос, является ли ИК *цельнооформленным* или *раздельнооформленным инкорпоративным комплексом*, либо представляет собой «группу» слов, вершиной которой является глагольная форма – так называемую *клаузу* [9], – остается по-прежнему открытым.

На наш взгляд, ИК представляет собой особый вид клаузы, в которой инфлексив выступает в роли вершины, элементы сохраняют лексико-семантическую расчлененность, а отношения между элементами соответствуют двум основным типам синтаксических отношений, характерных для группы глагола – объектным и обстоятельством [10].

В соответствии с количеством компонентов в составе ИК все конструкции можно поделить на двух-, трех- и четырехсоставные. Двусоставные ИК образуются прежде всего по следующим моделям:

- (1) Obj. + Infl.;
- (2) Adv. + Infl.

В первой группе может стоять как прямое (Akk.-Obj.), так и косвенное дополнение (Dat.-Obj.), а также предложное дополнение (Präp.-Obj.). Среди рассмотренных нами примеров преобладают ИК с прямым дополнением - 53 единицы (28,5%) (*grüßle schick*, *zunge

ausfaaaaaahhhhr*, *knicksmach*, *dasnasenbeinzertrümmer*, *wort nicht find*, *dich beneid*, *preis verleih*). Тип ИК с предложным дополнением представлен одним примером (*mit-uni-schimpf*). Объектные отношения могут быть осложнены атрибутивными - (Obj.+ Attr.) + Infl. (*und die Flügel von MD kraul*).

Вторая группа ИК, являющаяся самой многочисленной (67 единиц, 36,0% от общего количества примеров), в свою очередь может быть разбита на подгруппы в соответствии с разрядами обстоятельств. Так, обстоятельство образа действия в инфлективных конструкциях выражено преимущественно наречиями (*liebstups*, *strahl begeistert*, *unheimlich arrogant guck*, *vorsichtigfrag*). Конкретный качественный признак дан и в распространенной предложной группе (*mitverlockendemangebotwink*). В двух примерах в функции обстоятельства образа действия выступили причастные обороты (*entschuldigungsuchendschau*, *freudigerwartendrüberreich*). Для обстоятельства места наиболее характерной формой выражения являются предложная конструкция (*zum See sprint*, *auffe uhr guck*, *indereckesitz*, *hintercouchversteck*) и местоименное наречие (*dahinschweb*, *draufhetz*). Предложной группой выражено также и обстоятельство причины в ИК *vor lachen wegschmeiß*.

Гораздо реже встречаются третья и четвертая модель двусоставных ИК, чья структура полностью воспроизводит составное (именное и глагольное) сказуемое:

(3) Prädikativ + Infl. – 3 ИК – Первую позицию в ИК данного типа занимает предикативное существительное (*guterschauspielersei*) или предикативное прилагательное (*rotwerd*, *neugierigbin*).

(4) Inf. + Infl. – 3 ИК – (*saugengeh*, *denknmach*, *abprallenlass*).

Трехсоставные ИК представлены следующими моделями:

(5) Obj.+Obj.+Infl.-1ИК - *NickNameletzterippevonmilkaschen* - дополнение в дательном падеже выражено сетевым именем, прямое дополнение имеет два определения, выраженных соответственно прилагательным и предложной группой.

(6) Adv. + Adv. + Infl. - 11 ИК - Все зафиксированные нами конструкции имеют аналогичную структуру – Modalbestimmung + Lokalbestimmung (*traurig indieeckeguck*, *nachdenklich am Kinn kratz*, *schnell zu dir renn*).

(7) Obj. + Adv. + Infl. - 24 ИК – Это одна из распространенных моделей ИК, в которой на первой позиции стоит прямое дополнение, а на второй – обстоятельство образа действия или обстоятельство места, выраженное либо наречием (*sunny herzlich begrüß*, *dich ganz fest kitzel*, *rincheftigerschreck*), либо предложной группой (*fingerausmfensterhalt*, *feli mit nem Fisch bewerf*, *papierkugelnachpointsmundwerf*, *schweißvonderstirnwisch*). Вариантом данной модели является модель (7a) Adv. + Obj. + Infl., представленная следующими единицами: *zurbegrüßungeinwinzigkleinesflämmchenhüstel*, *am camillente die hände wärm*, *mit den Schultern zu elise zuck*.

(8) Obj. + Inf. + Infl. - 1 ИК - (*fotosehenwill*).

(9) Adv. + Inf. + Infl. - 1 ИК - (*am boden liegen seh*).

Из рассмотренных 3 четырехсоставных ИК две образованы по модели (10) Adv. + Adv. + Adv. + Infl (*locker mit einer hand auf abstand halt*, *letzesjahr initalienaufurlaubgewesenbin*) и одна по модели (11) Obj. + Obj. + Adv. + Infl. (*bill mal feuer unterm hintern mach*). Безусловно, четырехсоставные ИК теоретически могут быть образованы по целому ряду других моделей, однако, ИК редко имеют в своем составе более трех компонентов. Понимание содержания инфлективной конструкции происходит не только на базе семантической мотивации конститuentов, но и за счет осознания взаимоотношений между ними. Идеально обозримыми являются двух- и трехсоставные ИК.

Более сложные по своему составу ИК часто являются «двухвершинными», то есть содержат инфлективную конструкцию и инфлексив, либо две инфлективных конструкции, связанных между собой сочинительным союзом «und». Их предлагается рассматривать как комплекс, состоящий из описанных выше простых моделей:

klappeaufreissundhandvorhab -

- (Obj. + Infl.)+und+(Obj. + Infl.) – (1) + (1)

die Kinderschokolade auspack und in handliche Stücke teil -

- (Obj. + Infl.)+und+(Adv. + Infl.) – (1) + (2)

- *ankuschel und dich überall streichel* -
- Infl. +und+ (Obj. + Adv. + Infl.) – Infl. + (7)
- *amkreuztanzundpfeif* -
- (Adv. + Infl.) +und+ Infl. – (2) + Infl.

Ряд ИК характеризуется наличием подчинительной связи - например, придаточного предложения причины (*reknuddel, weil ein baer bin* - Infl. + Nebensatz) или придаточного предложения места (*maus auf die bühne schubs, wo tausend gaffer davorstehen* - (5) + Nebensatz).

В дальнейшем возможно образование ИК по новым моделям. Во всяком случае, частотность употребления данной формы, а также отсутствие строгих ограничений свидетельствуют о том, что сила тенденции к образованию инфлективных конструкций в немецкоязычных коммуникационных сервисах отнюдь не ослабевает.

Библиографический список

1. Teuber O. fasel beschreib erwähn. Der Inflektiv als Wortform des Deutschen // Germanistische Linguistik 141-142. 1998. S.6-26.
2. Schlobinski P. *knuddel - zurückknuddel - dichganzdollknuddel*, Inflektive und Inflektivkonstruktionen im Deutschen // ZGL 29. 2001. S.206-216.
3. Pankow C. Zur Darstellung nonverbalen Verhaltens in deutschen und schwedischen ICR-Chats. Eine Korpusuntersuchung // Электронный ресурс Интернет: Linguistik online 3/03. www.linguistik-online.de//15_03/pankow.html.
4. Bredel U., Töpler C. C24 Verb // Handbuch der deutschen Wortarten (Hrsg.) Ludger Hoffman. 2009. S.824.
5. Орлова О.А. Некоторые особенности онлайн-коммуникации – инфлективы и инфлективные конструкции // Вестник НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. Вып. 8. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2009. С. 27-35.
6. Dürscheid Ch. Syntaktische Tendenzen im heutigen Deutsch. Manuskript zur Antrittsvorlesung // Электронный ресурс Интернет: www.ds.uzh.ch/lehrestuhlduerscheid/docs/Antrittsrede.pdf. - S.2.
7. Schlobinski P. *knuddel - zurückknuddel - dichganzdollknuddel*, Inflektive und Inflektivkonstruktionen im Deutschen // ZGL 29. 2001. S.207.

8. Dürscheid Ch. Syntaktische Tendenzen im heutigen Deutsch. Manuskript zur Antrittsvorlesung // Электронный ресурс Интернет: www.ds.uzh.ch/lehrstuhlduerscheid/docs/Antrittsrede.pdf. - S.3.

9. Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. Москва: РГГУ, 2001.

10. Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка. Л.: Наука, 1973.

Сведения об авторе

Орлова Ольга Алексеевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры зарубежной лингвистики
ННГУ им. Н.И. Лобачевского
E-mail: o-orlowa@yandex.ru

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА РЕЛИГИОЗНОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Е.В. Плисов

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматриваются различные вопросы этноконфессиональной специфики использования евангельских текстов в богослужении в условиях поликонфессионального немецкоязычного мира, анализируются различные традиции употребления и переводы отдельных текстов.

Ключевые слова: литургический (богослужебный) текст, национально-культурная специфика, диаспора, конфессия, перевод.

Ethno Confessional Specificity of Religious Texts in the German Language Evgeny Plissov

The article tackles upon the questions of ethno-confessional specificity of the use of gospel texts in liturgy in the polyconfessional German-speaking world, and analyses different traditions of the usage and translations of some texts.

Key words: liturgical (service) text, cultural specificity, diaspora, confession, translation.

В последние годы обозначился устойчивый интерес лингвистов, в том числе германистов, к изучению религиозных текстов. При этом наибольшее предпочтение отдается проповедническому жанру. В меньшей степени отечественными и западными германистами изучаются богослужебные тексты, которые наряду с текстами Священного Писания относятся к смысловому и стилистическому ядру религиозной сферы коммуникации. Этноконфессиональная специфика немецкого богослужебного дискурса заключается в его неоднородности: христианство представлено в Германии тремя основными деноминациями – католичеством, протестантизмом и православием. Исторически немецкоязычное текстовое пространство сферы религиозной коммуникации начало складываться благодаря переводческим трудам М.Лютера (1483-1546) и его последователей, только несколько веков спустя появляется одобренный Католической церковью перевод Священного Писания на немецкий язык, а активное богослужебное использование немецкого языка в католических храмах начинается после решений II Ватиканского собора (1962-

1965). Сложным представляется путь немецкого языка в православной среде Германии. В Германию восточная христианская традиция проникает благодаря иммигрантам из стран Восточной Европы, в основном, республик бывшей Югославии, а также Болгарии, Румынии, Греции, России. В настоящее время большинство православных в Германии находятся в юрисдикции Константинопольского, Московского, Сербского, Болгарского, Румынского Патриархатов, Элладской Православной Церкви, представлены также украинские униатские общины в юрисдикции Римской Церкви. Такая разнообразная юрисдикционная палитра свидетельствует о наличии многочисленных национально-культурных и языковых особенностей.

Язык немецкого Православия находится в контексте немецкого культурного мира. Западная и восточная ветви христианства многие столетия жили в отрыве от традиций друг друга. В этих условиях «оказался утраченным общий язык, общая система значения понятий, общее пространство дискурса. Даже использование библейского языка в экуменическом диалоге оказалось двусмысленным и искусственным. Формально говоря, богословы могут общаться на одном языке, но, даже используя одни и те же понятия, они по сути выражают различный духовный опыт своих традиций» [3. С. 168].

Основание большинства православных общин на территории современной Германии, как уже отмечалось, тесно связано с перемещением православных из стран своего постоянного, или традиционного, пребывания. Общины основываются первоначально по принципу национальной принадлежности. Проживая вне мест компактного проживания соответствующего этноса в окружении инонационального большинства и являясь конфессиональным меньшинством, православные ведут жизнь в диаспоре, которая позволяет сохранить свою религиозную, национальную, языковую идентичность. Однако православие не является замкнутой религиозно-культурной системой, его изначальная открытость способствует интеграции новых членов общины – неносителей исходной культуры и исходного языка. Это предопределяет использование родного языка новых членов общины в богослужении.

Самой крупной православной диаспорой в Германии является русская, которая представлена двумя епархиями, а также ставропигиальными приходами. Берлинская епархия РПЦ была

основана в 1921 г., в настоящее время свое служение в ней несут правящий архиерей, постоянный представитель РПЦ в Германии в архиерейском сане, возглавляющий ставропигиальный Покровский приход в Дюссельдорфе, 42 священника, 12 диаконов. Количество приходов по состоянию на 2009 г. – 60, недавно к ним присоединился основанный в Восточной Германии Георгиевский мужской монастырь. Свое служение в Берлинской епархии РПЦЗ осуществляют правящий архиерей, викарный епископ Штутгартский, 31 священник и 10 диаконов. Епархия насчитывает 44 прихода, 1 мужской монастырь и 1 женскую монашескую общину¹. Немецкоязычное православное пространство не исчерпывается только Германией. Пять приходов в Австрии объединены в Венскую и Австрийскую епархию. Несколько приходов в Швейцарии и Люксембурге находятся в подчинении правящего архиерея Корсунской епархии².

На сегодняшний день в приходах Русской Православной Церкви в Германии на богослужении используются церковнославянский, русский, греческий, сербский, грузинский и немецкий языки. Редко встречаются общины, где богослужения проводятся только на одном из перечисленных языков.

Использование церковнославянского языка обусловлено традицией. Русский язык чаще всего используется как язык храмовой проповеди. Кроме того, довольно распространено чтение Евангелия (Апостола) на русском языке, вслед за чтением зачал на церковнославянском.

Греческий, сербский и грузинский используются частично в том случае, если часть общины является носителями этих языков. В этой ситуации практикуется чтение Евангелия и Апостола на этих языках (обычно вслед за церковнославянским), а также исполнение Символа веры, молитвы «Отче наш», некоторых песнопений. Уставная проповедь также может произноситься, например, на сербском или немецком языках, если служащий священник не владеет русским языком. Особый статус в богослужении всегда занимает греческий язык как родной для кириархальной по отношению ко многим византийской церкви. Общей традицией является, например, пение

¹ По данным официальных сайтов этих епархий: www.rocor.de и www.rokmp.de

² По данным сайта www.pravoslavie.ch

«Кирие, элейсон» или «Тон деспотин» независимо от присутствия на богослужении греков.

Статус немецкого языка определяется историческим развитием Православия на немецкой земле. Большая часть приходов использует его в качестве вспомогательного богослужебного языка по отношению к церковнославянскому. Это приходы, основанные выходцами из России и стран бывшего Советского Союза. Доля немецкого языка может быть различной – от чтения Евангелия до совершения регулярных «полнотекстовых» богослужений на немецком языке. Это зависит от качественного и языкового состава прихода. Так, один из самых крупных приходов Берлинской епархии РПЦ – ставропигиальный приход в честь Покрова Пресвятой Богородицы в Дюссельдорфе – в подавляющем большинстве состоит из русских или выходцев из стран бывшего СССР. На немецком там читают лишь Евангелие. Общины, где доля немцев значительно выше (часто иммигранты в 3-4 поколении, или участники смешанных браков) – таковы приход церкви свт. Николая во Франкфурте или Кафедрального собора в Мюнхене – практикуют богослужение на немецком языке в одно из воскресений месяца. В меньшинстве находятся приходы, которые изначально были основаны не мигрантами, а немцами (часто перешедшими в православие из католичества или протестантства), в них богослужение всегда совершается по-немецки, с церковнославянскими и греческими вкраплениями, например, приход во имя мч. Христофора в Майнце.

Языком богослужения во многих общинах в силу последовательной культурной и языковой интеграции ее членов становится со временем немецкий язык. В этой связи остро встает вопрос перевода богослужебных текстов с церковнославянского языка на немецкий. Отправной точкой в формировании немецкоязычного православного богослужебного дискурса является деятельность протоиерея Алексея Мальцева (1854-1915). Здесь важно отметить, что перевод и издание богослужебных книг протоиереем Алексием Мальцевым на рубеже XIX-XX вв. были очевидным продолжением активных переводческих процессов в России в XIX в. (деятельность Российского Библейского общества, труды свт. Филарета Московского, перевод Священного Писания на русский язык, публикации разборов и переводов богослужебных текстов в изданиях Московской духовной академии и пр.). Таким образом,

новаторство протоиерея Алексея Мальцева было подкреплено уже формирующейся традицией, но значение этих переводческих трудов трудно переоценить, так как это первые попытки перевода религиозных текстов в дискурсе уже сложившейся национальной языковой христианской культуры. Конечно, большинство богослужебных текстов не имело своих аналогов в протестантизме и католичестве, однако некоторые, притом ключевые тексты, заимствованные для богослужения из Священного Писания, конечно, имели распространение. Переводы протоиерея Алексея Мальцева были осуществлены с церковнославянского языка с учетом греческого оригинала, однако очевидно, что ему был известен и текст лютеровского перевода Библии, и богослужебные тексты протестантов, и их псалмотворчество, тем более, что его служение проходило в землях с преимущественным протестантским населением (Берлин, северо-восток современной Германии). В этих условиях переводчик Священного Писания не только должен был отталкиваться от текста обоих оригиналов (церковнославянского и греческого), но «рядом» находились тексты и Синодального перевода, и перевода М.Лютера, поэтому его задача усложнялась – ему предстояло создать «свой» текст, который передаст на «чужом» языке догматическую и смысловую чистоту, будет правильным с точки зрения языка и доступным для понимания, а применительно к богослужебным текстам – еще и для исполнения (чтения и пения) во время богослужения.

Следующими этапами переводческой деятельности были труды сотрудников Среднеевропейского экзархата в 1960-70-е гг., а также переводы сотрудников Берлинской епархии РПЦЗ (архиепископ Марк (Арндт), насельники монастыря прп. Иова Почаевского в Мюнхене, протоиерей Димитрий Игнатъев) в 1980-90-е гг. Таким образом, на сегодняшний день русские православные приходы в Германии пользуются одновременно несколькими текстами переводов богослужения на немецкий язык в зависимости от традиций и желания самого прихода. С разрешения священноначалия некоторые приходы (например, св. Христофора в Майнце) используют перевод богослужения на немецкий язык, осуществленный носителями греческого языка.

В культурном и религиозном пространстве Германии одни и те же тексты могут выполнять различные функции, выступать

носителями своеобразной культурной, национально и конфессионально маркированной информации. В качестве материала исследования был взят евангельский текст, который был заимствован из Священного Писания в богослужение в различных христианских традициях, а применительно к православию – вошел в состав богослужения в различных переводах: *Примите, ядите..., Пийте от нея вси...* (так называемые Установительные слова).

Слова принадлежат Господу Иисусу Христу, который произнес их во время Тайной Вечери: *И когда они ели, Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите: сие есть Тело Мое. И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов* (Матф. 26:26-28; также Лк. 22:19-20; Мр. 14:22-24). Эти слова называют также тайноустановительными, поскольку их произнесением Господь установил главное таинство в жизни Церкви – Святую Евхаристию.

Употребление Установительных слов в составе современного богослужения будет носить надконфессиональный характер (присутствует в богослужении всех христианских деноминаций), но вместе с тем будет сильно отягощено традицией экзегезы этих слов, их роли в составе богослужения.

Использование указанных слов в составе евхаристического богослужения известно с раннехристианских времен, и практически неизменно в течение столетий присутствует в составе евхаристического канона (анафоры) в католической, протестантской и православной традициях (несмотря на то, что исторически текст претерпевал определенные изменения). Однако концептуальное наполнение и «память» той или иной традиции приписывают этим словам различное значение.

В православной традиции они органически вошли в состав анафоры финальной частью различных по своему содержанию и величине молитв свт. Иоанна Златоуста и свт. Василия Великого. Здесь следует отметить, что, несмотря на значение этих слов и их авторство, они все-таки являются частью общего евхаристического канона, на котором совершается таинство пресуществления благодаря общей евхаристической молитве и ответному действию Святого Духа, и находятся в контексте исторического повествования священнической молитвы об установлении таинства.

Иное значение отводится Установительным словам в католической традиции. По словам видного богослова архимандрита Киприана (Керна), Установительные слова понимаются как тайносовершительная формула: «Для латинского литургического и догматического сознания сила Таинства находится именно в этих словах. Таинство понимается католиками юридически, действие слов тоже юридическое. В силу их учения о «Minister Sacramenti» (служитель Таинства) священник в Евхаристии больше, чем в каком-либо другом таинстве, есть «Stellvertreter Christi» (заместитель Христа), «Vice Christus» (заместитель Христа). Он произносит эти слова от имени Спасителя как Сам Спаситель, заменяя Его в полной мере. Будучи как бы Самим Господом, совершающим свою последнюю Вечерю с учениками, священник произносит слова установления, как Сам Спаситель, административно, консекраторно» [2].

Отличие евангелической традиции будет заключаться в том, что там умаляется значение самого таинства, Евхаристия есть только творимое «в воспоминание о Таинстве», есть некое напоминание о Священном, но не само Священное.

Примечательны и некоторые отличия среди различных вариантов текста Установительных слов в одной традиции, например, православной. В качестве исследуемых переводов привлекаются: перевод протоиерея Алексея Мальцева [5] (далее – П1), осуществленный на рубеже XIX-XX веков; перевод венского игумена Гавриила (Бульмана) [4] (далее – П2) 1980-х гг.; перевод, выполненный в конце XX века в мюнхенском монастыре преп. Иова Почаевского по благословию архиепископа Берлинско-Германского и Великобританского Марка (Ардта) [6] (далее – П3).

П 1	П 2	П 3
Nehmet, esset, das ist Mein Leib, der für euch gebrochen wird zur Vergebung der Sünden. Trinket alle daraus, das ist Mein Blut des Neuen Testamentes, das für euch und für viele vergossen wird zur Vergebung der Sünden.	Nehmt, eßt: Dies ist Mein Leib, für euch gebrochen zum Nachlasse der Sünden. Trinkt daraus alle: Dies ist Mein Blut des neuen Bundes, für euch und für viele vergossen zum Nachlasse der Sünden.	Nehmet, esset, dies ist Mein Leib, der für euch gebrochen wird zur Vergebung der Sünden. Trinket alle daraus, dies ist Mein Blut des Neuen Bundes, das für euch und für viele vergossen wird, zur Vergebung der Sünden.

В самой общей оценке, рассмотренные переводческие версии представляются вполне приемлемыми: полно и точно передано содержание славословия, практически нет искусственного изменения немецкого языка, достигнут достаточный уровень адекватности, чаще всего обеспечена пригодность литургического текста для исполнения и т.д. В качестве примера для типологического сравнения можно привести слова из перевода М.Лютера: Als sie aber aßen, nahm Jesus das Brot, dankte und brach's und gab's den Jüngern und sprach: Nehmet, esset; das ist mein Leib. Und er nahm den Kelch und dankte, gab ihnen den und sprach: Trinket alle daraus; das ist mein Blut des neuen Testaments, das vergossen wird für viele zur Vergebung der Sünden [7].

В формальной лингвистической дескрипции отмечается варьирование:

именной номинации: zur Vergebung der Sünden – zum Nachlasse der Sünden; des Neuen Testamentes – des Neuen Bundes;

морфологических форм: Nehmet, esset – Nehmt, eßt; Trinket – Trinkt;

порядка слов по сравнению с оригиналом: Trinket alle daraus – Trinkt daraus alle;

стилистической синонимии слов и/или форм, иногда денотативное значение незначительно меняется: Testament – Bund; zur Vergebung – zum Nachlasse;

значащего употребления прописных и строчных букв: des Neuen Testamentes – des neuen Bundes – des Neuen Bundes.

Подобное варьирование в целом полезно, так как используется все богатство немецкого языка, а сам текст приобретает некоторую смысловую и стилистическую многомерность. Из приведенных переводов существенно отличается П2, можно предположить, что на два других текста П1 и П3 свое опосредованное влияние оказал церковнославянский оригинал с его возвышенным характером. Возвышенная стилистическая окраска достигается выбором и сочетанием редких морфологических форм глаголов и существительных, инверсии, частым использованием прописных букв. Кроме того, очевидно, что дополнительные огласовки кроме возвышенной стилистической функции выполняют «утилитарную» функцию – помогают возглашать текст на литургии.

По мнению В.Г. Адмони, «известная доля особой сакральности, известной дистанции от утилитарного языка, представляется верующим важным признаком священного текста. Во всяком случае показательно, что многообразные попытки создать новый перевод Библии на немецкий язык, лишенный намеренной сакральности, не приживались среди верующих» [1].

Рассмотренные особенности функционирования евангельского текста в культурно-историческом и поликонфессиональном контексте современного немецкоязычного мира свидетельствуют о необходимости использования культурных, теологических, собственно лингвистических знаний при интерпретации и анализе религиозных, в частности, богослужебных текстов.

Основные проблемы проанализированных переводов связаны с тем, что, будучи литургическим текстом, язык молитвы должен сочетать в себе высокий стиль и целостность в стилевом отношении, а также некую отрефлектированность, т.е. это должен быть язык, вмещающий все нюансы смысла, философско-богословские оттенки, не допускающий двусмысленности и способный на различения. Дальнейшее детальное исследование литургических текстов на немецком языке могло бы привести нас к систематическому описанию современного богослужебного немецкого языка в его конфессиональном, культурно-национальном и языковом многообразии.

Библиографический список

1. Адмони В.Г. Система форм речевой коммуникации. СПб.: Наука, 1994. С. 97.
2. Киприан (Керн), архим. Евхаристия (из чтений в Православном Богословском Институте в Париже). М.: Храм свв. Космы и Дамиана на Маросейке, 2001. С. 204.
3. Основные принципы отношения Русской Православной Церкви к инославию // Сборник документов и материалов Юбилейного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви. Нижний Новгород, 2001. С. 149-170.
4. Evdokimov P. Das Gebet der Ostkirche. Mit der Liturgie des Hl. Johannes Chrysostomos / dt. von Gabriel Bultmann. Graz, Wien, Köln: Verlag Styria, 1986. S. 180-181.
5. Die göttliche Liturgie unseres heiligen Vaters Johannes Chrysostomos. 2., erweiterte Auflage. Leipzig: St. Benno-Verlag GmbH, 1988. S. 66, 69.
6. Orthodoxes Gebetbuch. München: Kloster des Hl. Hiob von Počaev, 1989. S. 191.
7. Die Bibel. Nach der Übersetzung Martin Luthers mit Einführungen und Bildern. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1999. S. 37.

Сведения об авторе

Плисов Евгений Владимирович
кандидат филологических наук, доцент,
зав.кафедрой немецкой филологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: plisov@lunn.ru

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЕЁ РАЗВИТИЯ

В.В. Фёдоров

*Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга,
Петропавловск-Камчатский*

В данной статье автор освещает всё многообразие жанровых разновидностей текстов, относящихся к публицистике в современном английском языке, и рассматривает историю их возникновения и развития. Особое внимание уделяется англо-американской журналистике.

Ключевые слова: публицистика, публицистический стиль, ораторика, газетная публицистика, эссеистика, мемуары, биографии, радиокomentarии.

Retrospective Overview of Anglo-American Style of Publicism Development Vitaliy Fyodorov

This article aims to describe all broad varieties of the texts of the modern Anglo-American publicism and the history of their development. Modern journalism is a subject of special attention.

Key words: publicism, style of publicism, oratory, newspaper publicism, essays, memoirs, biographies, radio commentaries.

Современный этап развития цивилизации отличается небывалым ростом воспроизводимой и потребляемой информации. Результатом этого является тот факт, что разнообразные виды информации приобретают всё большее значение в жизни общества, что, в свою очередь, объясняет устойчивый лингвистический интерес к языку современной публицистики, первоочередной целью которой является информирование читательской аудитории.

По мнению И.Р. Гальперина, публицистический стиль выделился как самостоятельный функциональный стиль английского языка в середине XVIII века [1]. На современном этапе развития английского языка он представлен преимущественно газетной публицистикой, ораторикой, эссеистикой, текстами мемуаров и биографий, а также устной разновидность данного стиля – текстами радиокomentarиев.

Самыми древними образцами публицистического стиля являются произведения **ораторского красноречия** и **историко-биографические жизнеописания** деятелей прошлого. Исследователи

отмечают, что ещё античная теория классифицировала изящную прозу на историографию, философию и ораторику (красноречие). Эти три вида прозы считались художественными и к ним предъявлялись требования хорошего слога [2,3,4].

Античное красноречие было унаследовано странами, входящими в состав Римской империи. В средние века, особенно в начале второго тысячелетия, в первых европейских университетах формируется теория академического красноречия **схоластика**, характеризующаяся развитием системы доказательства и многообразной аргументации. Своего расцвета эта область ораторского искусства достигает в Сорбонне в XIII веке и в Оксфорде в XII веке.

Великобритания также может считаться одним из родоначальников и продолжателем политического красноречия, причём в трёх его вариантах: 1) красноречие, рождённое историческими событиями, связанными с переломными для страны моментами: народные восстания XV-XVI веков, война Белой и Алой Розы, Английская буржуазная революция и т.п., 2) парламентское красноречие, сложившееся в главном законодательном органе страны, 3) дипломатическое общение.

Обличительные и воинственные речи Оливера Кромвеля отличались огромной энергией, целеустремлённостью, эмоциональным накалом, самоотверженностью, что сближало его с проповедниками раннего христианства. Британский парламентаризм подарил миру не одного яркого оратора-полемиста, традиции которых были продолжены парламентариями-ораторами в Англии и США более позднего времени: А. Линкольн, У. Черчилль, Дж. Ф. Кеннеди, М. Л. Кинг, М. Тэтчер, С. Болдуин, Р. Рейган и др. Лучшие традиции дипломатического общения получили своё продолжение в деятельности крупнейших английских и американских дипломатов: Джеральда Лонга, Фрэнсиса Лоу, Генри Ричарда, Дейви Крокета, Мадлен Олбрайт и других.

Другой не столь древней разновидностью публицистического стиля является **эссеистика**. В Европе первым эссеистическим произведением явились «Опыты» Мишеля Монтеня, вышедшие в 1580 г. Оно включает 107 отдельных эссе различного объёма (от 2-3 до 70 страниц) и тематики, создававшиеся и дополнявшиеся автором в уединении в течение 20 лет.

За четыреста лет своего существования эссеистика знала периоды взлётов и падений, которые объяснялись, в первую очередь, общим общественно-политическим состоянием общества. Как отмечает один из исследователей эссеистики: «Открытость общества, гласность, возможность обсуждать любые проблемы, усиление политической и идеологической борьбы делают эссеистику более востребованной, так как в её основе лежит осмысление, оценка происходящих событий, что делает это литературное направление чрезвычайно популярным» [5]. Среди известнейших английских и американских эссеистов находим имена Г.К. Честертона, О. Уайлда, Б.Шоу, Г. Уэллса, С.Ф. Фицджеральда и пр.

Современную реальность англо-американской жизни отличает проникновение произведений, в которых сильно авторское «эссеистическое» начало, в газетную, теле- и радиожурналистику.

Вместе с тем развивается и традиционная эссеистика. Ярким свидетельством этого является выпущенная в 2003 г. под редакцией современного американского эссеиста Джона Д'Агаты книга “The next American essay”, в которую вошли произведения 32 авторов, работающих в этом направлении [6].

Особый интерес представляет история становления и развития англо-американской **газетно-журнальной публицистики**, являющейся основой всего публицистического стиля.

Как отмечает Луис Крейвен, в шестнадцатом веке в Англии под словом «новости» понималась всякая устная, письменная или печатная информация о текущих событиях [7]. Один из таких первых печатных отчётов о битве при Флоддене, сохранившихся до наших дней, датируется 1513 г. Он представляет собой разновидность буклета, иллюстрированного гравюрами.

В Англии эпохи Тюдоров явно доминирует культура устной речи, основными способами получения, передачи и осмысления новостей являются дебаты, переговоры, и беседы. Официальная информация: обращения и распоряжения правителей Англии и военные сводки расклеиваются в виде печатных бюллетеней в людных местах, однако устная речь длительное время остаётся основным привычным способом передачи новостийной информации.

Около 1475 г. в Англии появляется книгопечатание и первой типографией становится издательство Вильяма Кэкстона, организованное в Вестминстерском аббатстве. В 1504 г. учреждается

первый Королевский печатный двор, который фактически вводит монополию на всякую издательскую деятельность, занимаясь в основном печатанием официальной версии текста Библии, статуты (законодательных актов), обращений правителей и официальной хроники.

В 1557 г. Стейшинэз Компании, одна из издательских компаний Лондона, получает Королевскую хартию, позволяющую ей достаточно свободно заниматься профессиональной издательской деятельностью при сохранении лояльности правящим кругам. Данный факт можно считать началом организации гильдии издателей Британии.

В конце 1620 г. в Лондоне появляются печатные периодические издания на английском языке, выпущенные в Амстердаме и привезённые в Англию. Значимой фигурой в создании, распространении и доставке новостных материалов из Голландии явился Томас Гейнсфорд. Говоря современным языком, Т.Гейнсфорд отличался «хорошим нюхом» на сенсацию, знал запросы публики и обладал «крепким» литературным стилем.

Эстафету Т.Гейнсфорда принимает английский издатель Томас Арчер. С начала 1621 г. он начинает печатать новостные материалы в том же виде, что и голландские издатели. Листы с новостями становятся популярными среди посетителей Поупс Хед Элли, где Томас Арчер их активно распространяет. В июне 1622 г. Т. Арчер со своим компаньоном Николасом Бурном получают патент на регулярную публикацию новостей о событиях за рубежом. Позже, на правах преемника, Н. Бурн объединяется с издательством Натаниеля Баттера. Впрочем, это объединение существует недолго, так как уже в 1632 г. лицензионная палата лишает Н. Баттера и Н. Бурна права на ведение издательской деятельности. Радикалы-протестанты, крайне недовольные возвеличиванием католицизма в эпоху правления Карла I, наводняют страну незаконно издаваемыми печатными материалами, содержащими резкую критику правящего класса и призывы к его свержению. В ответ правительство ужесточает требования к ведению всякого рода издательской деятельности и широко практикует уголовное преследование и наказание, вплоть до смертной казни, за всякое инакомыслие в публикуемых материалах. Многие издатели и авторы печатных материалов этого времени поплатились не только правом издавать что-либо, но и подверглись жестокому и позорному

наказаниям. Так, в 1637 г. за распространение баптистских воззрений был высечен и привязан к «позорному столбу» Джон Лилбурн, а в 1638 г. английские власти клеймили и обрезали уши трём создателям печально известного издания «*Histrion-mastix*»: Вильяму Прайну, Джону Бэствику и Генриху Бёртону.

Н. Баттеру удаётся вернуть свой патент к концу 1637 г., но вплоть до 1639 г. внутреннее напряжение в стране способствует тому, что зарождающаяся газетно-журнальная публицистика этого периода английской истории в основном представлена многочисленными нелегальными печатными материалами, «памфлетами», критически или откровенно провокационно освещающими ход событий внутри государства, в конкурентной борьбе с которыми материалы, публикуемые Н. Баттером, явно проигрывают.

Закрытие лицензионной палаты в 1641 г. явилось событием в истории развития английской прессы, которое трудно переоценить. Основными результатами этого события стали ослабление цензуры и рост числа печатных материалов, многие из которых появились впервые. 22 ноября 1641 г. в Лондоне выходит в свет первый номер «*The Heads of Several Proceedings in This Present Parliament*», издания, являющегося первым, официально разрешённым печатным органом, освещающим деятельность английского парламента. В начале 1640 г. выходит в свет «*Mercurius Aulicus*» - первое официальное печатное издание, отражающее позицию королевского двора и роялистов по вопросам государственного значения.

События Английской буржуазной революции всколыхнули общественную жизнь всего Объединённого Королевства, убедительно доказав необходимость свободного доступа широких слоёв населения к печатной информации. Однако общая тенденция увеличения количества печатных изданий в первые годы Революции в начале 1650-х меняется на прямо противоположную по мере укрепления политического курса Протектората к 1655 г. Сам О. Кромвель был сторонником линии жёсткого государственного контроля над прессой. Убедительным доказательством этого является принятый по его инициативе в 1649 г. «Закон о государственной измене» «*The Treason Act*», который приравнивал публикацию критических высказываний в адрес правящей элиты к государственной измене.

Ещё более тяжёлой для печатных средств информации становится эпоха Реставрации. Правление Карла II отмечено

ужесточением законодательства о цензуре, гонениями на редакторов и издателей всех неподконтрольных государству изданий, возложение функций контроля над средствами печатной информации на специально созданное министерство.

В эпоху правления Стюартов политическая дискуссия становится неотъемлемой частью жизни общества, а газеты – её основной составляющей. К концу XVII века слово «газета» навсегда входит в английский язык, чётко фиксируя представление об устоявшемся внешнем виде этого печатного издания.

В 1679 г. палата общин британского парламента неожиданно для всех откладывает обсуждение нового закона о лицензировании, что способствует немедленному возрождению и появлению многочисленных нелегальных печатных изданий.

Вскоре после восшествия на престол Якова II закон об обязательном лицензировании печатных изданий был всё-таки принят, но в 1695 г. палата общин отказалась голосовать за его пролонгирование, так как цели принятия данного акта были не вполне ясны. Как отмечают исследователи журналистики, само по себе это событие не означало отмену контроля над печатным словом, но, безусловно, снижал риск организации независимого печатного органа [8].

Таким образом, к концу XVII века в Англии сформировалась система периодической печати, прошедшая долгий эволюционный путь от издаваемых по случаю книжечек с новостями елизаветинской эпохи до устоявшихся, регулярно выходящих в свет периодических изданий. Изменилось и отношение общества к ним. Периодическая печать всё более становится инструментом реформ, а сами издатели и публицисты осознают свою ответственность за печатное слово и позицию своего издания, всё более приходит осознание того, что газета не просто распространяет новости о событиях в стране и за рубежом, но и формирует общественное мнение.

XVIII век становится важным историческим этапом в становлении и развитии британской прессы. Отмена закона об обязательном лицензировании в 1695 г. сопровождалась небывалым ростом как количества газет, так и уровня их рыночных продаж.

Характеризуя в целом состояние прессы в Англии в период с середины XIX века по 1914 г., Алан Ли отмечает, что бурное развитие газетно-журнальной публицистики в равной мере характерно в этот

исторический промежуток для всех крупных мировых держав, в первую очередь для США и Франции. Газетный «бум» был обусловлен целым рядом причин: 1) увеличением доходов населения и повышением престижа образования, как следствие, созданием рынка рекламодателей, 2) ростом недоверия к политике государства, зачастую осуществляемой тайными, негласными методами, 3) распространением дешёвой прессы, 4) появлением заинтересованности со стороны политических партий и отдельных политиков в финансировании «своей» прессы, 5) изменением способов подачи материала: форма становится более важной категорией газетного текста, нежели его содержание, 6) процветанием в течение короткого промежутка времени, с 1850-е по 1890-е гг., либеральной прессы, 7) превращением прессы в доходный бизнес, а не в политический, социальный и гражданский институт общества [9, 10]. В качестве одной из наиболее важных черт прессы середины XIX века может быть названо формирование газетных жанров. Именно в это время в словарь журналистики входят такие понятия как: reporting, review, article, interview, заложившие основу для дальнейшего развития многочисленных жанровых разновидностей газетно-журнальной публицистики [11].

С началом Первой мировой войны в 1914 г. государство пытается превратить британскую прессу в важный компонент пропагандистской машины, призванный поднимать дух нации. 1918 г. стал годом наибольшего расцвета прессы Британии и окончанием её «золотого века». Эта эпоха создала политический и технологический фундамент современной английской газетно-журнальной публицистики, а имена её крупнейших издателей и журналистов навсегда вошли в историю, традиции и практику не только английской, но и мировой журналистики.

Период со времени окончания Первой мировой войны до начала Второй мировой войны зачастую называется британскими историками журналистики «эрой пресс-баронов» [12]. Проблема концентрации издательского дела в руках малого количества собственников, определяющих общественное мнение и активно влияющих на ход политических событий, беспокоит не только умы правозащитников и либералов, но и власть предержащих. «Пресс-бароны» фактически не дают возможности для организации новых изданий, способствуя развитию так называемой «войны тиражей»

между крупными, устоявшимися газетами, такими как «Daily Mail», «Daily Express», «Daily Herald» и другие. Как отмечает исследователь журналистики этого времени Алед Джоунс, «... по сравнению с совсем недавним прошлым пресса в 1930-х отличается удивительным многообразием по своей политической ориентации, включающим праворадикальную «Daily Mail», центристские «The Times», «The Observer», левоцентристские «Daily Herald» и «News Chronicle», коммунистическую «Daily Worker» и многое другое» [13].

Начало Второй мировой войны вновь ставит прессу Британии в жёсткие идеологические рамки. Не информирование, а пропагандистская деятельность становится её главной задачей. Провозглашённый правительством лозунг о единстве нации в дни суровых испытаний приводит к закрытию ряда изданий. Как отмечает Алед Джоунс, «в период с 1939 по 1942 гг. первой военной потерей становится пресса, отражающая позицию левых партий» [14]. Правительственная директива 2D даёт Министерству внутренних дел право прекращать издательскую деятельность, и в январе 1941 г. по распоряжению Кабинета министров Англии прекращается деятельность «Daily Worker» и «Week». Атака Уинстона Черчилля на «Daily Mirror» в марте 1942 г. оказывается менее успешной: издание выживает благодаря анти-цензурной компании в августе 1942 г. После трудного периода привыкания к новым «правилам игры» в условиях военного времени взаимоотношения между прессой и государством значительно улучшаются, и к концу войны большинство печатных изданий самостоятельно, а не под давлением свыше, осуществляют контроль над печатным словом.

Серьёзная общественная дискуссия о роли, сущности, организации, формах собственности и взаимоотношениях прессы с властью не утихает в течение всего этого времени и значительно обостряется после окончания войны, когда вопросы будущего британской прессы и политических последствий существования монополий в сфере печатно-издательского дела привлекают пристальное внимание государства. Для всестороннего изучения данного вопроса в марте 1945 г. в Англии создаётся Королевская комиссия с участием всех заинтересованных сторон, которая работает в течение трёх лет с 1947-го по 1949-й гг. и фактически признаёт законным существование печатно-издательских монополий. Впрочем, в это время вопрос постепенно теряет свою актуальность: благодаря

интенсивному развитию и внедрению новых информационных технологий: радио и телевидения, которые приводят к появлению новой разновидности публицистики **радиожурналистики**. Круглосуточные радиокomentarии BBC и других радиовещателей, как и независимое телевидение конца 1940-х – начала 1950-х, лишают газеты и журналы той естественной монополии в распространении новостийных материалов, которую они имели до этого.

Понятие «послевоенная пресса» покрывает значительный исторический промежуток от 1945 г. по сей день. Если попытаться кратко суммировать основные итоги прошедшего пятидесятилетия, то они могли бы иметь следующий вид: 1. Пресса Британии по-прежнему находится в руках малого количества собственников. Многие из них являются представителями издательских династий во втором и третьем поколениях: Эйткены-Бивебуки, Гарри Гай Бартоломью, Кинги, Нортклиффы, Ротермеры и другие. 2. Пресса включена в постоянную жёсткую конкуренцию с другими средствами массовой информации и находится в поиске новых форм существования и выживания. 3. Одними из наиболее заметных новых форм привлечения читательской аудитории являются создание международных новостийных корпораций и выпуск таблоидов – многостраничных, иллюстрированных общенациональных изданий в цветной печати, отличающихся небольшими размерами публикаций, охватывающих все стороны жизни общества, и обилием рекламы, которая может занимать в таких изданиях больше половины их площади. Таковыми становятся «Sun», «Mirror», «Daily Star» и ряд других изданий. 4. Многие издания сменили несколько собственников за последние тридцать лет, при этом большая часть из них оказывается в результате в собственности иностранных владельцев. 5. Ряд изданий сменил свою изначальную идеологическую ориентацию. Так, «Financial Times» превратилась из узкоспециализированного экономического ежедневника в международное издание, отражающее тенденции рыночной экономики не только в Великобритании, но и за её пределами. 6. Усилилась региональная пресса, особенно пресса Шотландии. 7. Несмотря на все трудности, ряд популярных английских изданий выжил и продолжает радовать своих читателей новыми публикациями: «The Times», «The Daily Telegraph» и другие.

Англо-американская публицистика, таким образом, прошла долгий путь своего становления. Некоторые её разновидности, такие как ораторика, существуют уже несколько столетий, другие, такие как радиожурналистика, насчитывают не более века своего существования. Основу публицистического стиля составляют газетно-журнальные публикации, представляющие собой наиболее доступный, массовый, широко тиражируемый вид публицистических текстов, которым свойственны аналитическая переориентация фактологического и конкретизация обобщённого материала. Сложный путь становления и развития англо-американской прессы привёл к тому, что в англоговорящем мире была создана информационная индустрия, являющаяся крупнейшим работодателем, средством массовой информации населения, которое не просто поставляет информацию своей аудитории, но и самостоятельно порождает эту аудиторию. Выживание в условиях конкуренции с радио и телевидением способствует постоянному творческому поиску собственников, редакторов и журналистов печатных изданий, новых способов привлечения читателей. Именно поэтому современная газетная публицистика представляет собой необозримый конгломерат старых, новых и вновь появляющихся газетно-журнальных жанров, характеризующихся живостью языка, творческим осмыслением и изложением материала, внешней привлекательностью. Газетно-журнальная публицистика стала основой всего стиля публицистики, активно используя всё лучшее, что было в этом стиле и внедряя это лучшее во вновь появляющиеся формы и жанры стиля.

Библиографический список

1. Гальперин И.Р. *Stylistics*. М.: Высшая школа, 1977. С. 286.
2. Аверинцев С.С. *Риторика и истоки европейской литературной традиции*. М., 1996. 114 с.
3. Рождественский Ю.С. *Теория риторики*. М., 1997. 121 с.
4. Львов М.Р. *Риторика. Культура речи*. М.: Академия, 2003. 272 с.
5. Дмитриевский А.Л. *Эссе как жанр публицистики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук*. СПб., 2002. С. 7.
6. D'Agata J. *The next American Essay*. Saint Paul: Graywolf Press, Minnesota, 2003. 473 p.

7. Griffiths D. The Encyclopedia of the British Press 1422 – 1992. Lnd.: St. Martin's Press, 1992. P. 1.
8. Mott F.L. American Journalism. NY.: The Macmillan Company, 1962. P. 37.
9. Хазагеров Г.Г., Корнилова Е.Е. Риторика для делового человека. М.: Флинта, 2001. 136 с.
10. Зарецкая Е.Н. Теория и практика речевой коммуникации. М., 1999. 117 с.
11. Кохтев Н.Н. Публицистический стиль // Русский язык: энциклопедия. М., 1998. С.141
12. Griffiths D. The Encyclopedia of the British Press 1422 – 1992. Lnd.: St. Martin's Press, 1992. P. 47.
13. Griffiths D. The Encyclopedia of the British Press 1422 – 1992. Lnd.: St. Martin's Press, 1992. P. 51.
14. Griffiths D. The Encyclopedia of the British Press 1422 – 1992. Lnd.: St. Martin's Press, 1992. P. 53.

Сведения об авторе

Фёдоров Виталий Викторович
кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой перевода и переводоведения
Камчатского государственного университета
им. Витуса Беринга
E-mail: vvfyodorov@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

RUSSISCH-DEUTSCHES WÖRTERBUCH (RDW) – РУССКО-НЕМЕЦКИЙ СЛОВАРЬ (РНС)

Р. Беленчикова, В. Беленчиков

Магдебург, Германия

Статья посвящена истории и характеристике «Русско-немецкого словаря» в 14т., разрабатываемого при Майнцской академии наук и литературы, объёмом в 250000 заголовочных слов из источников XIX-XXI вв. Указываются его особенности как для русской, так и для немецкой лексикографии. Даются сведения об отборе лексики, структуре словарной статьи, системе стилистических и функциональных помет. Особое внимание уделяется проблемам представления глаголов.

Ключевые слова: словарь, двуязычность, глагол, эквиваленты, пометы.

Russian-German Dictionary Renate Belentschikow, Valentin Belentschikow

The paper deals with the history and characteristics of «Russian-German Dictionary», edited in 14 volumes by the Academy of Sciences and Literature, Mainz (Germany). The RDW will contain about 250.000 dictionary entries from sources of the 19th-21st century in 14 volumes. The paper specifies its features both for Russian and for German lexicography. Data on selection of lexical material, structure of an entry, system of stylistic and functional markers are given. The special attention is paid to representation of verbs.

Key words: dictionary, bilingualism, verb, equivalents, markings.

К истории создания Русско-немецкого словаря

Представляемый здесь Русско-немецкий словарь является проектом Майнцской академии наук и литературы, начатым в 1988 г. известным немецким славистом, профессором Свободного университета г. Берлина Хербертом Бройером (1921-1989), которому принадлежит как идея самого проекта, так и его первых концептуальных представлений. Следует упомянуть, что до этого Х. Бройер продолжил и завершил по поручению Майнцской академии издание многотомного «Русского словаря географических имён» - труд своего умершего в 1962 г. учителя Макса Фасмера (автора известного четырёхтомного «Этимологического словаря русского

языка»). В конце 1980-х гг. по инициативе Бройера началось составление электронного корпуса лексики избранных русских авторов, одновременно был разработан первый вариант макро- и микроструктуры будущего словаря; корпус данных непрерывно дополнялся и оптимизируется до настоящего времени. (Напомним, что в 1987 г. в Европе появился первый словарь, который опирался на большие корпуса текстов и их лингвистическую обработку при помощи компьютерных программ: это - одноязычный Collins Cobuild English Dictionary [34. С. 22]; [25. С. 15]. После смерти Бройера проектом руководил проф. д-р Фред Оттен (Берлинский Свободный университет - Берлинский университет им. Гумбольдта). С 1998 г. руководство проектом ведёт проф. д-р Рената Беленчикова (Магдебургский университет им. Отто фон Герике). В издании РНС помощь оказывают сотрудницы Института лингвистических исследований (ИЛИ РАН, г. С.-Петербург). Словарь начал издаваться с 2003 г. отдельными выпусками в печатном варианте; одновременно он выпускался до 2006 г. и на компакт-диске [32]. Всего проект рассчитан на 14 выпусков и один дополнительный том; завершение проекта намечено в 2016 г. Многие проблемы создания данного словаря представлены нами в последние годы на ряде конференций и изложены в статьях [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11].

До настоящего времени выполнена половина всего намеченного объёма - в конце 2009 г. вышел седьмой том с буквой О, что даёт нам возможность говорить о проекте как о состоявшемся. В опубликованных семи томах Словаря разработано около 125000 словарных статей, каждый том включает примерно 16000 словарных статей с объёмом около 450 страниц (за исключением первого тома с 24000 словарными статьями и объёмом в 690 страниц). Первые тома РНС готовятся для размещения в 2010 году на интернет-странице Майнцской академии.

Всего Словник должен охватывать около 250000 заголовочных слов из всех сфер лексики современного русского языка – от классической русской литературы XIX века до наших дней и от общеупотребительной лексики до специальной, включая и сокращения. В таком объёме он является уникальным в русско-немецкой лексикографии и значительно превышает количество слов даже самых больших одноязычных толковых словарей современного русского языка, не говоря о двуязычных.

По мнению немецких учёных, имеются все основания для создания такого большого единого двуязычного словаря как РНС прежде всего в связи с тем, что двуязычная лексикография с русским языком как входным развивалась и развивается по разным направлениям: по критерию преобладающей функции словаря различаются переводные и учебные словари, по критерию типа заголовочных слов - общие словари и специальные словари, представляющие какой-либо тип заголовочных слов в рамках определённой классификации. Для русско-немецкой языковой пары имеются, в частности, словарь глаголов [20], словарь глагольно-именных сочетаний [18], словари идиоматических словосочетаний [31], пословиц и поговорок [30; 37], крылатых слов [2], неологизмов [24; 36], жаргонизмов [15], разговорной лексики [23], сокращений [40], а также многочисленные словари специальных терминов конкретной области, из них – терминологии Интернета [12], словарь религиозной лексики [1]. Научный прогресс в области металексикографии и углубляющаяся специализация лингвистов приводят к всё большей дифференциации как одноязычных так и двуязычных словарей. Вместе с тем определённые типы двуязычных специальных словарей до сих пор слабо представлены или вообще не разработаны, если сравнить их с одноязычной лексикографией русского языка. Дезидератами можно считать, напр., русско-немецкий словарь дискурсивных слов и словарь устаревшей лексики, употребляемой в классической русской литературе. С другой стороны, разнообразие сфер межъязыковой коммуникации и требования глобализации повышают запрос в общих двуязычных словарях для пользователей разных уровней, как напр., карманный словарь [14] и новейшая обработка традиционного «школьного» словаря среднего объёма [19]. Общие словари с русским языком как входным для немецкоговорящих ориентированы на *рецептивную* языковую деятельность пользователей, на восприятие письменных и устных текстов разных языковых разновидностей и жанров. Большой словарь этого типа (Großwörterbuch) должен представить лексическое ядро «стандартного» (литературного) языка, а также отражать в определённой мере и «нестандартные» языковые разновидности (жаргон, просторечие) и варианты употребления, динамику и взаимовлияние языковых разновидностей.

Ниже кратко представим РНС в следующих основополагающих аспектах: подготовка и разработка Словника, структура словарной

статьи для немецкого пользователя, вопросы эквивалентов и система помет.

Словник и отбор лексики

Отбор лексики для Словника является одним из важнейших аспектов Словаря в связи с отсутствием традиционно в российской лексикографии единых всеохватывающих орфографических и толковых словарей.

Словник РНС представляет прежде всего лексическое ядро стандартного («литературного») языка. Но как «пассивный» словарь он не ограничивается этой лексикой. Он ориентируется в первую очередь на немецкоязычного пользователя, который в своей рецептивной языковой деятельности сталкивается не только с активным ядром лексики литературного (стандартного) языка, но и со сниженной лексикой, с жаргонизмами и просторечными словами. Для чтения классической русской литературы и публицистики XIX-XX вв. немецкий читатель должен найти в словаре также устаревшие слова и историзмы; для того, чтобы разобраться в СМИ и в современной русской литературе и публицистике, ему важно иметь в словаре также лексику современной русской литературы, сокращения и неологизмы, то, что отражает, по словам Г.Н. Складневской, «бурные и вихреобразные языковые явления, какие происходили в 90-х годах минувшего века» [35. С.5].

На первом этапе работы проекта (до 1998 г.) в Марбурге был создан банк данных в качестве электронного корпуса текстов, состоящего из беллетристических и лексикографических источников. На основе этих двух компонентов появился побуквенный материал - банк данных, представляющий первичную основу для создания Словника РНС. С появлением в последующие два десятилетия многочисленных новых одноязычных и двуязычных словарей русского языка, а также поисковых машин, имеющийся банк данных не мог удовлетворять целям Словаря и был самым существенным образом обновлён; его Словник с одной стороны «очищен», с другой - дополнен лексемами из многочисленных лексикографических источников.

Основу Словника составляют следующие одноязычные словари русского языка: Сводный словарь современной русской лексики [33], который включает слова всех важнейших одноязычных словарей

русского языка до 1975 г.; Большой толковый словарь русского языка [13]; Русский орфографический словарь [27], Словарь современного русского литературного языка [3]; Большой Академический словарь русского языка [4]; Русский семантический словарь [38]; Современный толковый словарь русского языка [22]; Толковый словарь русского языка начала XXI века: Актуальная лексика [35].

Кроме того, учитываются многочисленные специальные словари: жаргонные, неологизмов, устаревшей и редкой лексики, фразеологические, сокращений, частиц и т.д. Из примерно 40 одноязычных и 90 двуязычных словарей составляется отборочный список, который затем сверяется с упомянутым выше нашим банком данных и поисковыми системами.

Особенно щепетильным был и остается вопрос включения в Словник слов из словарей обценной лексики: обязательность этого слоя лексики в РНС была обусловлена требованием немецких экспертов. При этом предполагается, что РНС разрабатывается как пассивный словарь (указано выше), и наличие этого слоя лексики необходимо для немецких читателей и переводчиков. В отборе этой лексики для РНС соблюдается следующий принцип: к важнейшим производящим лексемам берётся лишь очень незначительная часть производных слов с обязательным наличием речений смягчённого вида.

Определённая часть новой лексики отбирается из таких областей как медицина, строительное дело, военное дело, экономика, интернет, церковь, международная политика, причем важным критерием является бытовой характер употребления этой лексики. Лексика из сфер физики, математики, химии отбирается на основе её употребления в школьных учебниках и программах, включая притяжательные прилагательные типа *бесселев*, *булев*, *бунзеновский*. Из словарей, представляющих животный и растительный мир, берутся названия, широко бытующие в русском языке, не исключая также словарь Павловского (при этом его эквиваленты сверяются с современным употреблением). Ограниченное количество слов берётся также из узкоспециализированных словарей (напр., ядерная физика, металлургия, горное дело), в зависимости от употребления её в СМИ и в быту.

Не включаются в Словник сугубо специфическая лексика (из узких сфер науки, техники), авторские неологизмы, окказионализмы,

узкопрофессиональная лексика; строгий отбор осуществляется также из многих словарей лагерной лексики и т.д. Определённые лексемы (архаизмы, историзмы, диалектизмы, жаргонизмы, просторечные, специальные) проверяются на частотность с помощью поисковых машин по Интернету (Yandex, Google); как следующий шаг список слов конкретной буквы контролируется по картотеке Словарного отдела Института лингвистических исследований РАН. Другим существенным критерием отбора заголовочных слов является их наличие в классической русской литературе и публицистике XIX-XXвв. По рекомендациям экспертов, словник РНС пополняется в необходимых размерах лексикой XIX в. из Русско-немецкого словаря И. Павловского [29]. Все перечисленные шаги по отбору Словника не исключают, тем не менее, его недостатков.

Структура словарной статьи. Общие сведения

Назовём сначала общие компоненты *микроструктуры* словарной статьи в РНС.

Во главе словарной статьи размещено заголовочное слово (лемма). Лемму представляют не только лексические единицы, но и определённые нерегулярные словоформы (напр., **пишу** с отсылкой на заголовочное слово писать). В одной и той же словарной статье могут быть расположены лексемы различных частей речи, связь между которыми основана на конверсии, но для русскоговорящего она вполне понятна. Эти лексемы расположены в Словаре под римскими цифрами, напр., субстантивированные причастия и прилагательные:

обездоленный, -ая, -ое <-[л'инный]> **I.** <adj. Part.> **a)** in einer elenden/jämmerlichen/miserablen Situation befindlich, im Elend, ins Elend gestürzt (z. B. vom Schicksal); **b)** unglücklich, bedrückt, deprimiert. **II.** обездоленный <subst. Adj.; m, GSg -ого> u. selten обездоленная <f, GSg -ой> **a)** jmd., der sich im Elend befindet; **b)** (übertr.) jmd., der unglücklich ist; обездоленные die Elenden.

К заголовочным словам и лексическим единицам под римскими цифрами приводятся при наличии варианты ударения (допустимые в литературном языке). В острых скобках после лексической единицы в основной форме следует грамматическая характеристика. Указываются парадигма словоизменения, грамматические варианты и нерегулярные словоформы, возможны сведения об особенностях произношения и о стилистической маркировке отдельных словоформ и вариантов. Далее, словарная статья РНС содержит пометы употребления заголовочного слова (стилистические, экспрессивные, временные,

территориальные, социальные, профессиональные/специальные), в случаях синтаксической деривации и аффиксальной модификации: указание производящего слова и обязательной синтаксической сочетаемости (см. примеры ниже).

В отличие от других двуязычных словарей, РНС в словарных статьях под заголовочными словами содержит составные слова (типа *вагон-ресторан*) и большое количество неидиоматических многословных наименований, фразеологических оборотов, пословиц и поговорок, а также - для иллюстрации сочетаемости слова – коллокации, свободные словосочетания и примеры со структурой предложения.

При помощи арабских цифр словарная статья многозначных заголовочных слов дифференцирована по лексико-семантическим вариантам (ЛСВ). Информация по отдельным параметрам микроструктуры даётся для каждого ЛСВ отдельно, если ЛСВ соответственно различаются. При семантическом структурировании словарной статьи (филиации) учитываются и полисемия русской лексемы и её отношения с немецкими эквивалентами (этот вопрос не может подробнее рассматриваться в рамках данной статьи; см., в частности, [9]). Как обязательный компонент переводного словаря следует немецкоязычный эквивалент данной лексемы и/или перифраза её значения.

В случаях частичной эквивалентности, как правило, указываются семантическая сочетаемость русской лексемы или её эквивалента, принадлежность заголовочного слова к определённой лексико-семантической группе или другие сведения, напр.:¹

обгорелый, -ая, -ое <Adj.> **1. a)** angebrannt, angekohlt, verkohlt; **b)** ausgebrannt (*Gebäude*); **c)** abgebrannt, heruntergebrannt (*Kerze*); **d)** versengt (*Haare, Federn*). **2. (ugs.)** sonnengebräunt.

В *макроструктуре* словаря содержится информация о словообразовательных синонимах, орфографических вариантах, омонимах, омофонах и омографах данной леммы.

Остановимся подробнее на некоторых проблемах глагола как заголовочного слова.

Заголовочное слово - глагол

В грамматической части словарной статьи глагола обязательно указывается его видовое значение, даются формы причастия прошедшего времени страдательного залога, а также нерегулярные

¹ По техническим причинам в примерах словарных статей опущены знаки ударения.

словоформы и ограничения парадигмы для определённых лексических значений, напр.:

(1) **мять** <мну, мнёшь, Part. Prät. Pass. мятый, Kurzf. -мят, -а, -о, ipf> что-н. **1. а)** weich machen, zerdrücken, quetschen; <> мять кому-н. горб (*salopp*) jmdn. grün und blau schlagen/prügeln, jmdm. alle Knochen im Leib brechen, jmdm. den Frack/die Hücke vollhauen, jmdn. windelweich schlagen; **б)** kneten (z. B. *Teig, Ton*); **в)** walken (*Leder*). **2.** brechen, knicken (*Flachs*). **3. а)** (pf измять и. смять) zerknittern, zerknautschen, knittern, knautschen; мять платье das Kleid zerknittern; **б)** (pf смять) zerknüllen, knüllen. **4. а)** (*ugs.*) drücken, pressen; **б)** (*salopp übertr.*) schlagen. **5.** drosseln (*Dampf*). **6.** hämmern. **7.** (*Jarg.*) essen, kauen. **8.** (*salopp*) кого-н. herzen, streicheln, liebkosen (*eine Frau*).

(2) **навеять** <-ею, -еешь, Part. Prät. Pass. навеянный, -[иный], -ая, -ое, Kurzf. -ян, -а, -о, pf> (ipf навеять) **1.** <*auch unpers.*> что-н. od. чего-н. zusammenwehen, zuwehen, zublasen, zufächeln; навеянный ветром сугроб vom Wind zusammengewehter Schneehaufen; ветерок навеял прохладу ein sanfter Wind wehte Kühle zu. **2.** (*übertr.*) что-н. на кого-н. in jmdm. hervorrufen/wachrufen/erregen, jmdm. einflößen (*Zustand, Stimmungen, Gedanken*); <> навеять грусть на кого-н. jmdn. wehmütig/traurig stimmen.

Для парных глаголов передвижения приводятся указание их од-но- или неоднаправлённости и соответствующий коррелят.

(3) **нести** <-[с'т'и]; несу, несёшь, Prät. нёс, несла, несло, несли, -[с'л']- od. -[сл']-, Part. Präs. Akt. несущий, -ая, -ее, Part. Präs. Pass. (*selten*) несомый, -ая, -ое, Kurzf. -сом, -а, -о, Part. Prät. Akt. нёсший, -[шш]-, veralt. несший, -ая, -ее, Part. Prät. Pass. несённый, -[с'онный], -ая, -ое, Kurzf. -сён, -сена, -сено, Adverbialpart. неся, veraltend auch нёсши, -[шш]-, ipf> **1. а)** <det.> (*indet.* носить) кого-н./что-н. tragen; нести кого-н. на закорках (*salopp*) jmdn. huckepack tragen; нести на руках ребёнка das Kind auf dem Arm tragen; нести чемодан einen Koffer tragen; <> нести (какую-н.) обузу на своих плечах (*ugs.*) eine Last/ Bürde auf seinen Schultern tragen; нести что-н. на своих собственных плечах (*übertr.*) den Buckel für etw. hinhalten müssen, die Hauptlast tragen; **б)** <det.> (*indet.* носить) что-н. bringen; нести письма на почту Briefe zur Post bringen; **в)** (*übertr.*) что-н. кому-н. bringen, nahebringen, überliefern; нести людям просвещение den Menschen die Aufklärung bringen; нести людям культуру den Menschen die Kultur nahebringen/überliefern. **2.** [...].

В видовых парах каждый видовой коррелят выступает как заголовочное слово. Если корреляты совершенного и несовершенного вида по своей лексической семантике и по стилистической значимости совпадают, и их словарные статьи оказались бы идентичными, то в целях лексикографической экономии делается отсылка от несовершенного к совершенному корреляту.

(4) **обгорать** <-аю, -аешь, ipf> s. обгореть. Сравни:

(5) **обгореть** <-рю, -ришь, pf> (ipf обгорать) **1. а)** angebrannt/angekohlt/verkohlt sein; **б)** ausbrennen (*Gebäude*); **в)** abbrennen, herunterbrennen (*Kerze*); **д)** angesengt sein (*Haare, Federn*). **2.** (*ugs.*) **а)** sich eine Verbrennung zuziehen; **б)** einen Sonnenbrand bekommen. **3.** (*Elektrot.*) abbrennen, verschmoren (*Kontakte*). **4.** (*Hüttenw.*) abbrennen, ausbrennen (*Legierungsbestandteile*).

Во многих случаях одно из значений многозначного глагола реализуется только в несовершенном виде, как в примере (5) - значение под цифрой 1.:

(6) **навевать** <-аю, -аешь, *ipf*> 1. leicht wehen. 2. *s.* ¹навеять.

Специально указываются *двувидовые* глаголы, см. <*pf u. ipf*>:

(7) **обнародовать** <-дую, -дуешь, *Part. Prät. Pass.* обнародованный, -[вьный], -ая, -ое, *Kurzf.* -ван, -а, -о, *pf u. ipf*> что-н. veröffentlichen, bekannt machen.

(8) **оборудовать** <-дую, -дуешь, *Part. Prät. Pass.* оборудованный, -[вьный], -ая, -ое, *Kurzf.* -ван, -а, -о, *pf u. ipf*> что-н. 1. (чем-н.) einrichten (z. B. Räume), ausstatten, ausrüsten (z. B. mit Geräten); оборудовать лабораторию ein Labor einrichten/ausstatten. 2. (*veralt.*) einrichten, machen, organisieren.

(9) **организовать** <[аргь]-; -зую, -зуешь, *Part. Prät. Pass.* организованный, -[вьный], -ая, -ое, *Kurzf.* -ван, -а, -о, *pf, Präs. pf u. ipf*> (*ipf auch* организовывать) [...].

и образованные от них вторичные имперфективы, напр.,

(10) **организовывать** <[аргь]-; -аю, -аешь, *ipf*> *s.* организовать.

Очень важным, особенно для характеристики глаголов, является указание синтаксической сочетаемости (чаще всего - сильного управления или примыкания инфинитива); по возможности даётся и факкультативная валентность (в круглых скобках). Пользователю эта информация необходима при семантизации лексемы и для подбора эквивалента, см.

(11) **озолотить** <-очу, -отишь, *Part. Prät. Pass.* озолочённый, -[...]-, -ая, -ое, *Kurzf.* -чён, -чена, -чено, *pf*> 1. (*ipf* золотить) (*veralt.*) что-н. mit Gold überziehen: vergolden. 2. (*ipf* золотить) кого-н./что-н. mit einem goldenen Schein überziehen, goldig färben, goldig tönen, vergolden. 3. (*ugs. übertr.*) кого-н. großzügig mit Geld beschenken/überschütten, reich beschenken.

(12) **набить** [...] 1. что-н. чем-н. а) vollfüllen, füllen, vollstopfen; [...] 2. (*fachspr.*) что-н. на что-н. treiben, schlagen, befestigen [...].

Данная информация возможна не для всех глаголов, так как для многих неологизмов и иностранных слов (также и для сниженной лексики) норма сочетаемости или ещё не закрепились или пока не отображена в словарях.

Особого внимания требует представление в Словаре *способов глагольного действия* (СГД), выражаемых аффиксально и рассматриваемых нами как модификационные словообразовательные категории. Ряд СГД эксплицитно указываются в острых скобках вместе с грамматическими данными при помощи метаязыковой семантической пометы; их отбор опирается на лингвистическую традицию германистов и немецких русистов (в то время как, напр., АГ-80 различает намного больше СГД). В томах 1-7 (А-О) это - *начинательный, комплетивный, однократный, тотальный,*

кумулятивный, сатуративный, итеративный, эгрессивный СГД. Семантическая помета облегчает поиск глаголов с данными словообразовательным значением, ср., напр.,

(13) **нахохотаться** <-хохочусь, -хохочешься, pf, *saturativ*> (*ugs.*) sich schlapp/krank lachen.

Указание способа глагольного действия особенно важно в тех случаях, когда данное лексическое значение в немецком языке выражается неоднословно, а только при помощи парафразы.

Появившиеся до сих пор русско-немецкие словари не содержат, или включают сравнительно мало глаголов-представителей СГД, что может быть связано и со стилистической окрашенностью этих глаголов и с объёмом и целями самих словарей. Кроме того, подбор немецких словарных эквивалентов для русских глаголов многих СГД оказывается нелёгкой задачей. 10-томный словарь немецкого языка [17] приводит следующие коллокации, которые могут служить эквивалентами русских глаголов *сатуративного* СГД (Z = [37]; Л = [26]):

(14) sich an etwas satt essen od. trinken **наесться** (чего-л.), **напиться** (чего-л.)
 sich an etwas satt sehen **наглядеться/насмотреться на кого-л./что-л.**;
налюбоваться на кого-л./что-л.
 sich an etwas satt hören **наслушаться**
 sich an etwas nicht satt sehen od. hören können,
 ср. (Ц) она не могла **наглядеться на своего ребёнка** - sie konnte sich an ihrem Kinde nicht sattsehen;
 ср. (Л) я не мог **наглядеться/налюбоваться на эту картину** - ich konnte mich an diesem Bilde nicht satt sehen
 einer Sache satt sein (*d. h. es leid sein, etw. zu tun*)
 etw. satt haben/bekommen/kriegen
 ср. (РНС) **натрудиться** <[...]> (*ugs.*) **1. <saturativ> bis zur Erschöpfung/gehörig arbeiten, die Arbeit satt haben.** [...]

Иногда наблюдаются попытки парафразирования значения СГД, и иногда элементы парафразы не соответствуют сочетаемости конкретного лексического материала выходного языка. Так, для немецкого языка неадекватны следующие «переводы» русских сатуративных глаголов:

(15) наговориться (<i>вдоволь</i>)	sich satt reden (Ц, Л)
надышаться	sich satt atmen (чем-н. an D) (Ц, Л)
наиграться	sich satt spielen (Ц, Л)
накататься	sich satt fahren (Ц, Л)
накричаться	sich satt schreien (Ц, Л)

накуриться rauchen;	sich satt rauchen (Ц), sich satt [voll]
zuviel rauchen (Л)	
нахохотаться Л)	sich satt lachen, sich müde lachen (Ц,

Можно согласиться с Х. Вигандом [16. С. 103], что не лексикализованные эквиваленты следует давать только в тех случаях, когда лексикализованные отсутствуют. В РНС, помимо метаязыкового указания значения названных СГД, даются узуализированные эквиваленты и коллокации. При отборе эквивалентов авторы стараются хотя бы частично передать стилистическую окрашенность заголовочных единиц. С другой стороны, авторы стремятся к тому, чтобы при необходимости парафразирования лексем одной и той же словообразовательной категории прибегать к стандартизованным формулам парафразы, напр. при парафразировании глаголов кумулятивного СГД:

(16) **напилить** <[...], pf, *kumul.*> (*ipf* напилить) что-н. *od.* чего-н. *etw.* in Mengen fertig sägen; напилить дров на зиму einen Vorrat an Holz für den Winter sägen.

(17) **нажарить** <[...], pf> (*ipf* нажаривать) **1.** <*kumul.*> что-н. *od.* чего-н. *viel/in* Mengen braten; нажарить картошки eine Menge Kartoffeln braten. **2.** (*salopp*) tüchtig einheizen/heizen; нажарить печку (den Ofen) stark heizen.

(18) **наездить** <[...], pf> **1.** <*kumul.*> (что-н.) zurücklegen (*eine best. Strecke*), fahren (*eine best. Zeit*). **2.** <*kumul.*> (*ipf* наезживать) (*salopp*) что-н. *durch Fahren erwirtschaften*: einfahren (*z. B. eine best. Geldsumme*); <> наездить себе что-н. (*salopp*) sich *etw.* zuziehen/holen (*durch das Fahren*); наездить себе порок сердца einen Herzinfarkt bekommen. **3.** (*ipf* наезжать *u.* наезживать) что-н. *fahrbar machen*: einfahren (*Weg*). **4.** (*ipf* наезжать *u.* наезживать) кого-н. **a)** zureiten (*Pferd*); **b)** abrichten, dressieren (*Hunde*).

(19) **наесть** <[...], pf, *kumul.*> (*ipf* наедать) (*ugs.*) (что-н. *od.* чего-н.) **1.** *in großen Mengen od. für eine große Summe essen*; наесть в ресторане на 3000 рублей im Restaurant für 3000 Rubel essen; ребёнок много не наест viel wird das Kind nicht essen. **2.** *fett/dick werden vom vielen Essen*: sich *etw.* anessen/anfuttern/anfressen (*derb*); наесть жир/жиру sich einen Bauch anfuttern/anfressen.

Как показывают эти избранные примеры, в процессе работы авторы постоянно сталкиваются с многочисленными вопросами микроструктуры и макроструктуры словаря, которые приходилось и приходится решить по ходу работы над отдельными отрезками (буквами) РНС.

Система помет

РНС имеет исключительно разветвлённую систему стилистических и семантических помет, обилие которых вызвано

диахронными и синхронными аспектами: во-первых, лексика Словника охватывает весьма длительный хронологический период (XIX и XX-XXI вв.), во-вторых, в Словарь берётся довольно значительное количество лексики из субстандартов. Как правило, при определении соответствующей пометы авторы ориентируются на русские одноязычные словари. Здесь следует сказать, что маркировка отдельных лексем или лексико-семантических вариантов в русских словарях (если вообще она присутствует), очень различна. Так, словарь Ожегова/Шведовой [28] традиционно указывает помету *прост.* ("просторечно") для слов ненормированной городской речи; Большой толковый словарь (БТС), наоборот, полностью отказывается от этой пометы и даёт помету *нар.-разг.* ("народно-разговорное") для лексем, относящихся к ненормированной "народной речи" и употребляющихся в текстах в качестве средства для сниженной экспрессии, а также *разг.-сниж.* ("разговорно-сниженное") для тех лексем, которые имеют намеренную грубую экспрессивную окраску [13. С. 15]. Авторы РНС пошли своим путём, не отказываясь одновременно от опыта русских словарей. Поскольку для немецкого пользователя различие между русскими пометами *прост.*, *разг.-сниж.* и *разг.* весьма проблематично, в РНС устанавливается различие лишь между *salopp* ("просторечное") и *ugs.* ("umgangssprachlich" = "разговорное"). Эта установка кажется нам оправданной, поскольку между русской разговорной речью как вариантом литературного (стандартного) языка и просторечием имеются лишь расплывчатые границы; лексемы с пометой *прост.* употребляются в литературной речи в качестве экспрессивного средства; кроме того, многие просторечные лексемы переходят в разговорную речь и теряют для говорящего свою грубую экспрессивную окраску. Так, употребляемая в БТС помета *разг.-сниж.* отражает этот переход. Следует заметить, что помета *salopp* в отношении русского заголовочного слова сигнализирует несколько иную стилевую оценку по сравнению с немецкими толковыми словарями: там она обозначает „Wörter und Verwendungsweisen [...], die einer burschikosen und z. T. recht nachlässigen Ausdrucksweise angehören" [21. С. 20].

К сожалению, при установлении помет для русских слов авторы РНС не могут опираться на определённые одноязычные русские толковые словари. Выбор пометы для конкретного слова определяется анализом ряда одноязычных русских словарей.

Большую помощь оказывают нам при этом наши коллеги из ИЛИ РАН. Лексикографическая работа при создании Словаря осуществляется с использованием самых современных технологий московской фирмы АВВУУ Lingvo Contect.

Вышеизложенные сведения о РНС далеко не исчерпывают всех его проблем, представляют лишь скромный компендиум некоторых данных, всё-таки позволяющих первое знакомство с данным проектом.

Для пользователя была разработана инструкция, которая в процессе работы над Словарём постоянно совершенствуется. Академия планирует не только разместить Словарь на своём сайте, но и осуществить его Академическое издание в 6 томах.

Библиографический список

1. Александрова Т.С. В помощь читающему христианскую литературу. Опыт краткого немецко-русского и русско-немецкого словаря (с приложением текстов для чтения). М., 1996.

2. Афонькин Ю. Н. Русско-немецкий словарь крылатых слов / Под ред. В. Шаде. Москва, Лейпциг, 1985.

3. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Москва, Ленинград, 1950-1965.

4. Большой Академический словарь русского языка. Т. 1-11 (А - недраться). Москва, С.-Петербург, 2004-2008.

5. Belentschikow R. Das Russisch-Deutsche Wörterbuch – "nur" ein Übersetzungswörterbuch? Zweisprachige Lexikografie und Sprachkultur // Heidemarie Salevsky, Ina Müller (Hrsg.): Die russische Kultur und ihre Vermittlung. Frankfurt a. M., 2010. S.171-185.

6. Belentschikow R. Russische Prädikativa im Spiegel der Lexikographie // Sprache und Gesellschaft. Festschrift für Wolfgang Gladrow. Hg. von Alicja Nagórko, Sonja Heyel und Elena Graf. Frankfurt a. M. et al., 2008. S.267-280.

7. Belentschikow R. u. W. Русский глагол в большом двуязычном словаре (Русско-немецкий словарь, Майнцская академия наук и литературы) // Słowo z perspektywy językoznawcy tłumacza; Tom 3. Gdańsk, 2008. S.41-50.

8. Belentschikow R. Impersonalität und ihre Widerspiegelung in ein- und zweisprachigen Allgemeinwörterbüchern des Russischen // J. Buscha/ R. Freudenberg-Findeisen (Hrsg.): Feldergrammatik in der Diskussion. Funktionaler Grammatikansatz in Sprachbeschreibung und Sprachvermittlung. Frankfurt a. M. et al., 2007. S.87-106 (= Sprache: System und Tätigkeit; 56).

9. Belentschikow R. Межъязыковая эквивалентность и микроструктура двуязычного словаря (на примере РНС) // R. Belentschikow (Hrsg.) Das Russische in zweisprachigen Wörterbüchern. Internationale Fachtagung, Magdeburg, 18.-22.5.2005. Frankfurt a. M. et al., 2006. S.23-42 (= Vergleichende Studien zu den slavischen Sprachen und Literaturen, Bd. 13).

10. Belentschikow R. *Veraltend, veraltet, alt* – Archaismen im Wörterbuch der russischen Gegenwartssprache // Wortbildung, Wörterbuch und Grammatik in Geschichte und Gegenwart der Slavia. Festschrift für Erika Günther. Herausgegeben von Wolfgang Gladrow. Frankfurt a. M. et al., 2005. S. 91-107 (= Berliner Slawistische Arbeiten; 27).

11. Беленчикова Р., Беленчиков В. Межкультурная коммуникация и проблемы двуязычной лексикографии // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. СПб., 2003. С. 77-86.

12. Bruns Th. Russische Internet-Terminologie unter vergleichender Berücksichtigung des Französischen und des Deutschen: mit einem lexikographischen Teil D–R/R–D und D–F/F–D. Frankfurt a. M. et al., 2001 (= Trierer Abhandlungen zur Slavistik; Bd. 2).

13. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 1998.

14. Walewski St., Wedel E. Langenscheidt Taschenwörterbuch Russisch. Russisch-Deutsch. Deutsch-Russisch. Neubearbeitung. Berlin, München, Warschau, Wien, Zürich, New York, 2003.

15. Walter H., Mokienko V. M. Russisch-Deutsches Jargon-Wörterbuch. Frankfurt a. M. et al., 2001.

16. Wiegand H. E. Zur Äquivalenz in der zweisprachigen Lexikographie. Kritik und Vorschläge // Germanistische Linguistik. Studien zur zweisprachigen Lexikographie mit Deutsch VIII. Hildesheim, Zürich, New York, 2002. S.93-110.

17. DUDEN. Das Große Wörterbuch der deutschen Sprache. Bde 1-10. Mannheim et al., 1999.

18. Günther E., Förster W. Wörterbuch verbaler Wendungen Deutsch-Russisch: Eine Sammlung verbal-nominaler Fügungen. Leipzig, 1987.

19. Langenscheidt Handwörterbuch Russisch: Russisch-Deutsch, Deutsch Russisch. Hrsg. von der Langenscheidt-Redaktion. Begründet von Edmund Daum und Werner Schenk. Berlin et al., 2009.

20. Daum E., Schenk W. Die russischen Verben - Grundformen, Aspekte, Rektion, Betonung, deutsche Bedeutung. Mit e. Aufsatz zur Syntax u. Semantik der Verben des modernen Russischen von R. Ružička. 7., völlig überarbeitete und erweiterte Auflage, 1984.

21. Deutsches Wörterbuch / hrsg. u. bearb. vom Wissenschaftlichen Rat und den Mitarb. der Dudenred. unter Leitung von Günther Drosdowski. Mannheim: Brockhaus. Bd. 1. – 1995 (Brockhaus-Enzyklopädie; Bd. 26).

22. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка (Т. 1-3). М., 2005-2006.

23. Koester S., Rom E. Wörterbuch der modernen russischen Umgangssprache. München, 1985.

24. Langer T. Wörterbuch Russisch-Deutsch: Neue Wörter in der russischen Sprache. Frankfurt a. M. et. al., 2002.

25. Lenz S. Korpuslinguistik. Tübingen, 2000 (= Studienbibliographien Sprachwissenschaft; 32).

26. Лейн К. Русско-немецкий словарь. М., 1991.

27. Иванова О. Е., Лопатин В. В. (отв. ред.), Нечаева И. В., Чельцова Л. К. Русский орфографический словарь: около 180000 слов. М., 2005.

28. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2005.

29. Павловский И. Русско-немецкий словарь. Рига, 1903 (Перепечатка: Лейпциг, 1961).

30. Пермяков Г.Л. 300 общеупотребительных пословиц и поговорок (для говорящих на немецком языке). М., 1986.

31. Petermann J., Hansen-Kokoruš R., Bill T. Russisch-deutsches phraseologisches Wörterbuch. Leipzig, Berlin, München, 1995.

32. Belentschikow R. (Hrsg.) Russisch-Deutsches Wörterbuch. Im Auftrag der Akademie der Wissenschaften und der Literatur, Mainz. Wiesbaden. Bd. 1: А-В – 2003, Bd. 2: Г-Е – 2003, Bd. 3: Ж-Й – 2004, Bd. 4: К – 2005, Bd. 5: Л М – 2006, Bd. 6: - 2008, Bd. 7, О - 2009. CD-ROM Version 2.4: А-К update - 2006.

33. Сводный словарь современной русской лексики: В 2 т. / Под ред. Р. П. Рогожниковой. М., 1991.

34. Rothe U. Das einsprachige Wörterbuch in seinem soziokulturellen Kontext. Tübingen, 2001 (= Lexicographica: Series maior ; 108).

35. Скляревская Г.Н. Предисловие // Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Скляревской. М., 2006.

36. Улуханов И., Хебекер Х., Беленчикова Р., Беленчиков В. Русско-немецкий словарь новых слов / Отв. ред. Беленчикова Р., Улуханов И. С. М., 2007.

37. Цвиллинг М. Л. Русско-немецкий словарь пословиц и поговорок: свыше 700 единиц. М., 2002.

38. Русский семантический словарь (Т. 1-4) / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1998-2007.

39. Шкляров В.Т., Эккерт Р., Энгельке Х. Краткий русско-немецкий фразеологический словарь. М., 1977.

40. Scheitz E. Russische Abkürzungen und Kurzwörter. Mit etwa 400 Abkürzungen. Berlin, 1985.

Сведения об авторах

Беленчикова Ренате

доктор наук, профессор университета
им. Отто фон Герике (Магдебург, Германия),
член-корреспондент Академии наук и литературы
(Майнц, Германия)

руководитель проекта «Русско-немецкий словарь»

E-mail: renate.belentschikow@ovgu.de

Беленчиков Валентин

доктор наук, сотрудник Академии наук и литературы
(Майнц, Германия)

E-mail: Valentin_senior@belentschikow.de

ТИПОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА: КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД

В.В. Сдобников

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им Н.А.Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье предлагается разграничение двух типов перевода (собственно перевода и терциарного перевода), основанное на разграничении целей осуществления перевода и выполняемых переводными текстами функций. Дается определение адекватности перевода применительно к двум типам ситуаций, в которых осуществляется перевод.

Ключевые слова: тип перевода, собственно перевод, терциарный перевод, адекватность перевода.

Communicative-Functional Approach to Translation Typology Vadim Sdobnikov

It is suggested to differentiate between two types of translation/interpretation: translation proper and so called “tertiary” translation. Different aims of translation activities as well as different functions of target texts are seen as the basis for the differentiation between the translation types. The notion of translation adequacy relative to different types of situations of communication is defined.

Key words: translation type, translation proper, tertiary translation, adequacy of translation.

Мы считаем возможным предложить понятие «тип перевода», имеющее содержание несколько отличное от того, каким это понятие наполнялось раньше.

По нашему мнению, возможность и необходимость выделения разных типов перевода определяются различиями в тех коммуникативных ситуациях, в которых перевод используется как инструмент обеспечения межъязыковой и межкультурной коммуникации. Если исходить из общепринятых представлений о характере переводческой деятельности, то все ситуации межъязыковой коммуникации с использованием перевода кажутся вроде бы однотипными. По крайней мере, в общетеоретическом плане их структура всегда одинакова, и ее описание опирается на известную схему коммуникативного акта, предложенную Р.Якобсоном [1. С.197-198]. Соответственно, акт межъязыковой переводной коммуникации включает адресанта исходного сообщения, само исходное сообщение (ИТ), текст перевода (ПТ), адресата перевода и, разумеется,

переводчика, создающего ПТ. Понятно, что по сравнению со структурой Р.Якобсона здесь есть некоторые дополнения, в частности, появляется переводчик как необходимое звено межъязыковой коммуникации. В качестве того, что у Р.Якобсона именуется кодом, в переводной коммуникации помимо исходного языка (ИЯ) выступает и переводящий язык (ПЯ). В сознании переводоведов закрепилось именно такое представление о структуре акта межъязыковой коммуникации.

Основываясь на данном представлении, исследователи перевода пытались осмыслить сам характер переводческой деятельности, ее закономерности, а также задачи, стоящие перед переводчиком, в целом – назначение перевода. В качестве результата такого осмысления можно рассматривать определения перевода, предложенные разными исследователями. При всех возможных различиях этих определений, обусловленных различиями в подходах к рассмотрению такого сложного и многогранного явления, как перевод, их авторов объединяет одно: представление о переводе как о виде языкового посредничества, в результате которого на переводящем языке создается текст, заменяющий собой текст оригинала в иной языковой и культурной ситуации и таким образом обеспечивающий общение между разноязычными коммуникантами. При этом априори все исходило из того, что подобного рода коммуникация действительно имеет место во всех случаях, когда используется перевод. Но так ли это?

Во-первых, следует уточнить само понятие коммуникации. «Большой энциклопедический словарь» определяет его следующим образом: «Общение, передача информации от человека к человеку – специфическая форма взаимодействия людей в процессах их познавательно-трудовой деятельности, осуществляющаяся главным образом при помощи языка (реже при помощи др. знаковых систем)» [2. С.556]. Не будем подробно останавливаться на вопросе, являются ли тождественными понятия «общение» и «коммуникация» (об этом см. [3]). Предположим, что коммуникация есть частный случай общения. Г.М.Андреева в структуре общения выделяет три взаимосвязанные стороны: коммуникативную, интерактивную и перцептивную. «Коммуникативная сторона общения, или коммуникация в узком смысле слова, состоит в обмене информацией между общающимися индивидами. Интерактивная сторона

заключается в организации взаимодействия между общающимися индивидами, т.е. в обмене не только знаниями, идеями, но и действиями. Перцептивная сторона общения означает процесс восприятия и познания друг друга партнерами по общению и установления на этой основе взаимопонимания» (цит. по [3. С.63]). Таким образом, коммуникация как частный случай общения предполагает обмен информацией, восприятие коммуникантами друг друга и установление взаимопонимания. Нам представляется важным привести в описание коммуникации понятие адресованности информации: вступая в коммуникацию, коммуникант (адресант) всегда передает информацию *кому-то* (адресату). Коммуникация без адресата невозможна.

Несомненно, большинство ситуаций, в которых используется перевод, действительно представляют собой ситуации коммуникации, то есть обладают всеми признаками коммуникативного акта. Наиболее очевидным это является в ситуации устного двуязычного общения (конференция, переговоры и т.п.): разноязычные коммуниканты присутствуют в одно время в одном месте, обмениваются текстами на соответствующих языках, переводчик осуществляет перевод этих текстов на другой язык, обеспечивая взаимопонимание между коммуникантами, другими словами, обеспечивая коммуникативную, интерактивную и перцептивную стороны общения. При письменном переводе ситуация принципиально не меняется, другое дело, что общение уже не является непосредственным, а опосредовано письменными текстами на ИЯ и ПЯ. Можно сказать, однако, что адресант ИТ далеко не всегда предполагает, что его текст будет переводиться на другой язык и, соответственно, будет адресован представителю иного языкового коллектива, о котором он, адресант, в процессе создания текста и не думал. Однако и в этом случае имеет место пусть невольное, но все-таки общение с присущими ему тремя сторонами. Сложнее обстоит дело с адресованностью ИТ аудитории ПЯ. Наиболее распространенная ситуация, когда такой адресованности вроде бы нет, - ситуация создания и последующего перевода художественного текста. Но и здесь можно сказать, что художественный текст уже фактом самого своего существования обращен не только к той аудитории, которую имел в виду его автор, но, по сути, и ко всему человечеству, адресован всем.

Существенное сходство – в глазах переводоведов – ситуаций перевода, кажущаяся однотипность состава их элементов является основанием при построении теоретических моделей переводческой деятельности включать в эти модели все элементы акта коммуникации так, как будто все они на самом деле задействованы в одном объединяющем их акте коммуникации. Показательна в этом отношении модель коммуникации при переводе, предложенная В.Б.Кашкиным [4. С.76] и, несомненно, основанная на схеме коммуникативного акта Р.Якобсона:

Разумеется, как всякий схематичный образ фрагмента реальной действительности, данная модель объединяет в себе все элементы ситуации, вступающие в некие отношения, даже если эти отношения опосредованные, а сами элементы друг с другом непосредственно не соприкасаются. В целом данная модель верно отражает структуру акта межъязыковой коммуникации с использованием перевода и абсолютно применима к значительному числу ситуаций переводческого посредничества. В переводоведении утвердилось представление о том, что в ситуации переводческого посредничества задача переводчика заключается в создании текста, который мог бы заменять собой текст оригинала в контексте иного языка и иной культуры. Подобного рода замещение предполагает наличие у текста перевода потенциальной возможности оказывать на своего получателя воздействие, по своему характеру, по возможности,

максимально близкое к воздействию со стороны оригинала на своего получателя (определенно категоричен в этом отношении Л.К.Латышев, который пишет, что перевод «должен... оказывать на адресата перевода приблизительно то же регулятивное воздействие, что оригинал на своего адресата» [5. С.50]). В соответствии с коммуникативно-функциональным подходом это и означает адекватность перевода (хотя, возможно, в дальнейшем потребуются уточнение понятия адекватности). Действительно, в большинстве случаев межъязыкового общения переводчик стремится создать текст на ПЯ, в котором бы реализовывалась коммуникативная интенция автора оригинала. Именно такую цель преследует переводчик в общественно-политическом, научно-техническом, официально-деловом, художественном и многих других видах перевода в разной форме, устной и письменной. Перевод в ситуациях, предполагающих воспроизведение коммуникативной интенции автора оригинала и оказание на получателя перевода коммуникативного воздействия, схожего с воздействием оригинала на своего получателя, будем считать переводом первого типа и назовем «собственно переводом»¹.

При переводе второго типа переводчик не ставит перед собой цель реализовать коммуникативную интенцию автора оригинала посредством создания текста на ПЯ и обеспечить то воздействие на получателя ПТ, на которое был рассчитан ИТ. О ситуациях такого рода мы уже писали ранее (см., например, [7]). Прежде всего здесь подразумеваются ситуации, когда перевод осуществляется не только со значительной временной дистанцией с момента создания оригинала, но и с целью, которая не имеет ничего общего с намерением автора исходного текста. Определяющим фактором в выборе переводческой стратегии в данном случае является цель, преследуемая переводчиком или заданная получателем ПТ. В качестве примера можно в очередной раз привести перевод известной «Геттисбергской речи» Авраама Линкольна (Lincoln's Gettysburg Address), произнесенной 19 ноября 1863 года на открытии Геттисбергского кладбища в присутствии примерно двухсот соотечественников Линкольна. По сути, мы имеем дело с двумя

¹ Важно отметить, что термин «собственно перевод» не имеет никакого отношения к понятию «собственно перевод» в трактовке И.И.Ревзина и В.Ю.Розенцвега, которые переводом называли переход от одной системы языка к другой непосредственно, по заранее установленной системе соответствий [6. С.58-60].

коммуникативными ситуациями: в одной ситуации был создан исходный текст, в другой – текст перевода, и различия между этими двумя ситуациями весьма существенны. Прежде всего, важно отметить принципиальную разницу коммуникативных эффектов, производимых оригиналом и переводом на своих получателей. Нет сомнения в том, что воздействие на современных иноязычных получателей перевода будет совсем иным, нежели воздействие, которое речь Линкольна произвела на слушателей президента, собравшихся на Геттисбергском поле. И это различие в эффектах определяется особой целью, которую ставит перед собой переводчик. Известны четыре перевода этой речи на русский язык. Как утверждает С.А.Алексеев, в каждом случае переводчики преследовали собственную цель, соответствующим образом выстраивая переводческую стратегию¹. Так, В.В.Набоков стремился добиться максимальной формальной точности перевода на грани «подстрочника», вероятно, с целью удобства реферирования этого исторического документа. Одновременно задачей могла быть передача исторического контекста через ощущение трагичности описываемых в тексте событий. А.А.Дранов – создать литературное произведение на русском языке, не уступающее подлиннику в поэтичности; сделать акцент на теме нации, народа. П.Р.Палажченко – создать эквивалентный историко-общественно-политический документ, рассчитанный на интересующегося историей русскоязычного читателя, погрузить читателя в контекст гражданской войны в США. В.К.Ланчиков – истолковать читателю скрытый религиозно-мифологический подтекст произведения Линкольна, максимально погрузить читателя в контекст гражданской войны [9. С.23]. Мы видим, что цели переводчиков существенно различались, что, в свою очередь, определило и характер переводческой стратегии каждого из них, и различие в переводах.

Можно привести и другие примеры, когда не ставится цель помочь автору оригинала реализовать его коммуникативное намерение в переводе. Вероятно, перевод выступления Мартина

¹ Под стратегией понимается программа действий переводчика по достижению состояния адекватности перевода. Формирование стратегии перевода заключается в определении задач, которые необходимо выполнить или иметь в виду при переводе данного текста, в ранжировании этих задач по степени важности, в определении системы необходимых жертв и компенсаций [8. С.22].

Лютера Кинга «I Have a Dream» в принципе не может оказать того воздействия на читателя перевода, какое оригинал оказал на слушателей борца за гражданские права афро-американцев. Но перевод-то может быть осуществлен. Самый главный вопрос – с какой целью? Кто-то из переводчиков может захотеть познакомить читателей с особенностями политической ситуации в США в 60-х годах прошлого века, кому-то захочется проиллюстрировать переводом рассуждения об особенностях Кинга как политического деятеля, а какой-то переводчик будет просто выполнять «заказ» конкретного получателя, которого интересуют лингвистические (прагматические, стилистические и т.п.) особенности политического дискурса на английском языке. Именно целеполагание будет определять различия в переводческих стратегиях и отличия ситуации, в которой осуществляется перевод, от ситуации создания оригинала. Возможность постановки собственной цели переводчиком, либо реализация цели, поставленной заказчиком перевода, не вызывает сомнений. Как пишет М.Я.Цвиллинг, «...далеко не всегда инициатором перевода является автор/отправитель оригинального сообщения... Инициатором перевода могут быть, помимо автора, также и сам переводчик, но также и получатель оригинального сообщения,... потенциальный получатель перевода, а зачастую и «постороннее лицо» (например, издатель или политический лидер, вспомним царя Птолемея II как инициатора «Септуагинты»)» [10. С.41]. А всякая инициатива преследует определенную цель.

Вполне очевидно, что приведенная выше схема переводческого коммуникативного акта (по В.Б.Кашкину) приобретает в этом случае еще большую условность. Она не учитывает то обстоятельство, что цель переводчика или заказчика перевода может не совпадать с целью автора исходного сообщения, а коммуникативный эффект, производимый текстом перевода, по своему характеру может отличаться от коммуникативного эффекта, производимого оригиналом.

Несомненно, мы имеем дело с переводом второго типа. Вслед за М.Я.Цвиллингом мы будем называть такой тип перевода «терциарным» переводом, или переводом в интересах третьих лиц [11. С.84]. «Перевод здесь не включен в цепь коммуникации, а является самостоятельной деятельностью по извлечению информации из происходящей между партнерами коммуникации в интересах

некоего постороннего, не участвующего в коммуникации наблюдателя» [11. С.83]. Тerciарный перевод не преследует цель обеспечить равенство воздействия со стороны ИТ и ПТ на соответствующих получателей. «...С точки зрения здравого смысла перевод боевого документа, например, приводит к диаметрально противоположному эффекту, когда он переводится для союзника в интересах налаживания взаимодействия войск в предстоящей операции или же для противника в целях срыва той же самой операции!» [11. С.83]. Ситуацию подобного рода М.Я.Цвиллинг изображает при помощи следующей схемы [12. С.119]:

Возвращаясь к описанию акта общения по Г.М.Андреевой, следует отметить, что сам факт общения (или коммуникации) между отправителем ИТ и получателем ПТ в ситуации терциарного перевода вызывает серьезные сомнения. Конечно, получатели ПТ воспринимают информацию, содержащуюся в тексте перевода. Значит, можно, хотя бы условно, говорить об «обмене информацией» между коммуникантами. Об интерактивной стороне общения в этом случае говорить не приходится, так как никакого «взаимодействия между общающимися индивидами» нет. Наличие перцептивной стороны общения в этом случае можно утверждать также с оговорками: можно допустить, что получатель ПТ каким-то образом

воспринимает автора исходного сообщения, «познает» его. Но этого может и не быть, если получатель ПТ/заказчик преследует какие-то цели, достижение которых не связано с познанием автора оригинала. В любом случае вряд ли мы можем говорить о взаимопонимании между коммуникантами. А значит, и о наличии общения (даже опосредованного) между ними. М.Я.Цвиллинг пишет, что получатель перевода для отправителя - лицо совершенно постороннее, «обращение адресовано вовсе не ему, и заинтересованность этого получателя в передаваемой информации может не иметь ничего общего с целью исходного высказывания» [12. С.118-119].

Таким образом, можно выделить два типа перевода: 1) **собственно перевод** и 2) **терциарный перевод**. Разница между ними заключается в том, что собственно перевод ориентирован на реализацию коммуникативного намерения автора ИТ, а терциарный перевод ориентирован на реализацию цели, сформулированной переводчиком или получателем перевода.

Выделение в переводческой деятельности двух типов перевода – собственно перевода и терциарного перевода – создает проблему определения адекватности перевода применительно к двум указанным типам. Важность этой проблемы определяется тем, что конечным моментом всякой деятельности, направленной на некий объект, является *оценка* качества продуктов этой деятельности воспринимающим эти продукты субъектом. Мы разделяем точку зрения С.А.Семко, который писал: «Можно не соглашаться с тем, что предметом теории перевода является качество перевода, но едва ли можно сомневаться в том, что категория качества перевода является доминирующей категорией теории перевода, с которой все прочие её категории связаны отношением субординации» [13. С.71-72]. И далее С.А.Семко поясняет, что «категория качества перевода традиционно выделяется на основе оппозиции, или контраста «адекватный перевод/неадекватный перевод» [13. С.72]. Таким образом, именно критерий адекватности перевода является основным критерием оценки качества перевода.

Как мы уже отмечали выше, реализация коммуникативного намерения автора оригинала должна рассматриваться как условие достижения адекватности перевода (об этом см. также [14. С.203]). Но вполне очевидно, что это условие может быть выполнено только для собственно перевода. Обеспечение адекватности подобного рода есть,

в свою очередь, условие установления взаимопонимания между разноязычными коммуникантами, другими словами, обеспечения коммуникативной, интерактивной и перцептивной сторон общения (по Г.М.Андреевой).

Подобного рода представление об адекватности не применимо к терциарному переводу, ибо цель, с которой осуществляется перевод, не совпадает с целью создания оригинала, а значит, не может идти речь даже о приблизительном совпадении коммуникативных эффектов, производимых ИТ и ПТ. Тогда в каком случае терциарный перевод может считаться адекватным?

Чтобы ответить на этот вопрос, уместно обратиться к концепции А.Д.Швейцера. Исследователь пишет: «...адекватность отвечает на вопрос о том, соответствует ли перевод как процесс *данным коммуникативным условиям* (курсив мой. – В.С.)» [15. С.95]. В этом утверждении обращает на себя внимание указание на связь адекватности перевода с условиями коммуникации. А.Д.Швейцер не разграничивает типы перевода, однако очевидно, что, по крайней мере, в нашем представлении, коммуникативные условия различаются при использовании собственно перевода и терциарного перевода (мы имеем в виду разные мотивы переводчиков, неодинаковое целеполагание, разный характер воздействия на получателей ПТ). Требование соответствия перевода коммуникативным условиям имеет, несомненно, *общий* характер в том смысле, что в равной степени относится ко всем ситуациям осуществления переводческой деятельности, а значит, и к терциарному переводу. Исходя из этого, можно утверждать, что при терциарном переводе адекватным можно считать такой перевод, который соответствует цели осуществления перевода, соответствует переводческой стратегии, ранее сформулированной с учетом особенностей коммуникативной ситуации. Если ПТ оправдывает ожидания того, кто сформулировал цель перевода, то перевод адекватен.

Из вышеизложенного следует вывод, что разные типы перевода объединяются единым представлением об адекватности как требовании обеспечить соответствие результата переводческой деятельности условиям коммуникации с использованием перевода. Таким образом установка на обеспечение сходного коммуникативного воздействия, то есть на реализацию

коммуникативного намерения автора ИТ, и установка на реализацию цели третьего лица – это всего лишь разные варианты целеполагания, определяющие выбор переводческой стратегии.

Библиографический список

1. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С.193-230.
2. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; СПб: Норинт, 1998. 1456 с.
3. Болдырев В.Е. Перевод как частный случай деятельности общения // Проблемы иноязычного образования: Сборник науч. статей. Вып.2. Липецк: ЛФ НГЛУ им. Н.А.Добролюбова, 2006. С.62-70.
4. Кашкин В.Б. Основы теории коммуникации: Краткий курс. 3-е изд., перераб. доп. М.: АСТ – Восток-Запад, 2007. 256 с.
5. Латышев Л.К. Технология перевода: Учебное пособие по подготовке переводчиков (с нем. яз.). М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2000. 280 с.
6. Ревзин И.И., Розенцвейг В.Ю. Основы общего и машинного перевода. М.: Высшая школа, 1964. 244 с.
7. Сдобников В.В. Фактор цели и адресата в переводе // Гермес: Научно-художественный сборник / Под ред. А.Н.Злобина. Саранск: Изд-во Мордовск. ун-та, 2009. С.57-63.
8. Бузаджи Д.М., Гусев В.В., Ланчиков В.К., Псурцев Д.В. Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок / Под ред. И.И.Убина. М.: ВЦП, 2009. 120 с.
9. Алексеев С.А. Передача структуры образов художественного текста в переводе (на материале англо-русских переводов): Автореф. дис... канд. филол. наук. М.: МГЛУ, 2009. 24 с.
10. Цвиллинг М.Я. Конstellационная модель перевода // Проблемы теории, практики и дидактики перевода: Мат-лы Первой междунар. научной конф. «Проблемы теории, практики и дидактики перевода». 9-11 апреля 2007 г. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Вып.9. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А.Добролюбова, 2007. С.40-41.
11. Цвиллинг М.Я. О некоторых модификациях коммуникативного подхода к понятию перевода // О переводе и переводчиках: Сборник научных статей. М.: Восточная книга, 2009. С.80-85.
12. Цвиллинг М.Я. Понятие переводческой конstellации // О переводе и переводчиках: Сборник научных статей. М.: Восточная книга, 2009. С.116-123.

13. Семко С.А. и др. Проблемы общей теории перевода. Таллинн: Валгус, 1988. 200 с.

14. Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода: Учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностр. яз. М.: АСТ: Восток – Запад, 2006. 448 с.

15. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.

Сведения об авторе

Сдобников Вадим Витальевич
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории и практики
английского языка и перевода
НГЛУ им. Н.А.Добролюбова
E-mail: sdobnik@lunn.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

ГЕРМЕНЕВТИКА ФРАГМЕНТОВ НОВАЛИСА «DAS ALLGEMEINE BROUILLON»

А.Л. Вольский

*Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург*

В статье рассматривается возможность герменевтического толкования цикла фрагментов Новалиса «Das Allgemeine Brouillon» как метафорической системы. Такая возможность связана, с одной стороны, со стилистическими особенностями этого жанра, а с другой стороны, с аналогическим принципом философского мышления Новалиса, названного им магическим идеализмом.

Ключевые слова: герменевтика, романтизм, фрагмент, магический идеализм, метафора, аналогическое мышление.

Hermeneutics of the Fragments of Novalis «Das Allgemeine Brouillon»

Aleksey Volsky

The article focuses on the hermeneutics of the cycle «Das Allgemeine Brouillon» as a metaphorical system. This analytical approach is justified by the stylistic features of this genre and the analogical principle of Novalis's philosophical and poetical thinking, which he called magic idealism.

Key words: hermeneutics, romanticism, fragment, magic idealism, metaphor, analogical thinking.

Романтизм, пожалуй, первым в истории немецкой духовной культуры теоретически обосновал глубокую связь между философским и поэтическим мышлением. Эта идея является центральной для поэтики йенской школы. Романтики попытались не только обосновать идею синтеза поэзии и философии теоретически, но и выразить ее в своем творчестве практически, создав новую форму философии – поэтическую. Поэтическая философия воплотилась в новые жанровые формы, одной из которых стал романтический фрагмент. Его можно считать основной формой романтической философии, характеризующей отношение между бесконечной Истиной и конечным человеческим познанием. Согласно романтикам, бесконечное, проявляющееся в конечном, не целостно, а

всегда фрагментарно. Поэтому фрагментарность как форму, более точно отражающую реальное положение дел, а потому и более философскую, романтики канонизировали и предпочитали любой внешне законченной системе. Не только проявление бесконечного в конечном, но и способ постижения бесконечного конечным человеческим разумом также фрагментарен. Собственное творчество романтиков (их романы, например) представляет собой цепь фрагментов. В теории фрагмента присутствует также историческая мифологема. Фрагмент есть также форма *современного* мышления. Современный философ мыслит фрагментарно. Так, Фр. Шлегель писал: «Творения древних стали фрагментами. Творения современных являются таковыми уже в момент создания» [1]. (Перевод здесь и далее наш – А.В.).

По своей жанровой форме фрагмент близок к афоризму в прозе (греч. *arhogismein* – отделять). В древности афоризмами называли сборники разнообразных высказываний, поучений, выраженных в несистематической форме, по большей части интеллектуального и философского характера. Однако в отличие от афоризма, выступающего в большей степени в качестве вспомогательного философского жанра, фрагмент претендовал на философскую автономность и самодостаточность.

Рассмотрим теперь основные характеристики фрагмента как типа текста. Если исходить из того, что проза есть нерасчлененный, тяготеющий к растянутым, объемным формам жанр художественной речи, а стих, наоборот, тяготеет к краткости, то фрагмент окажется пограничной формой между этими двумя системами, соединяя в себе черты обеих: главной формальной характеристикой этой формы являются краткость, концентрированность, имплицитность и лаконичность (афористичность), что влечет за собой другие характеристики **фрагмента: обилие парадоксов, игру слов, образность и т.д.** В поверхностной структуре текста эти черты проявляются в обилии разноуровневых повторов, параллелизмов, антитез, словотворчестве, метафорике – иными словами, всех тех черт, которые присущи краткой стихотворной речи.

Другой особенностью фрагментов является их объединение в циклы. В связи с этим возникает противоречие: с одной стороны, каждый фрагмент – самостоятельный текст, а с другой, фрагмент – часть целого. При этом как самостоятельный текст фрагмент

самодостаточен, а как сборник фрагментов (целое) всегда незавершен логически и открыт для дальнейшего развития. Этим объясняется сложность и многообразность связей, в которые вступает единичный фрагмент внутри целого: фрагмент может интерпретироваться как изолированно, так и внутри цикла, вступая в разнообразные отношения не только с непосредственно окружающими, но и с остальными фрагментами цикла, создавая открытые контексты как внутри цикла, так и вне его: можно анализировать фрагменты, принадлежащие разным циклам и даже разным философам, что естественно сочетается с романтическим принципом симфилософии [2].

«Das Allgemeine Brouillon» («Всеобщий черновик») представляет собой собрание фрагментов, заметок, наблюдений, афористических записей и просто разнородных мыслей (всего 1153), которые Новалис создал во время обучения в горной академии во Фрейберге с сентября 1798 по март 1799г. Эти записи имеют для его творчества побочное и одновременно основное значение. Они являются побочным продуктом естественнонаучных штудий, которые Новалис вел в Горной академии. Но их можно считать и основными, ибо само изучение геологии для Новалиса было средством общего научного и образовательного проекта – *энциклопедистики* (Enzyklopädistik), науки и книги, которые он планировал создать по аналогии с энциклопедией просветителей. Опыт Новалиса нельзя считать чем-то абсолютно новым. Он следует здесь за Фихте («Наукоучение»), а внутри естественных наук – за физиком Й. В. Риттером («Доказательство, что постоянный гальванизм сопровождает жизненные процессы в животном мире» 1798) и Ф.В.Шеллингом («О мировой душе» 1798), и, конечно, за И.В. Гёте.

Но если энциклопедисты создали книгу о реальной и позитивной науке, то проект Новалиса следует считать утопическим, т.е. его в меньшей степени интересует, чем какая-нибудь отдельная наука является в данный момент своего развития, а в большей – то, какой она *должна* стать. Каждая конечная наука должна в идеале произвести из себя бесконечную, высшую науку. Каждая наука, следовательно, представляет собой фрагмент искомой высшей науки. Энциклопедический проект Новалис называет «научной Библией» (szientifische Bibel), в которой принципы науки должны потенцироваться: соединяясь с верой, мифом, магией, дивинацией и

поэзией, достигать более высокой степени реальности [3]. Неслучайно, что Новалис реабилитирует старинные науки, объявленные идеологией Просвещения псевдонауками: теософию, космологию, метафизику, и старается показать, при каких условиях они могут стать возможными. Новалис стремится к новой картине мира, построенной на целостном мировосприятии, в которой принципы науки сочетались бы с принципами искусства, субъективное видение вещей не противоречило бы их объективному познанию. Проект Новалиса можно рассматривать в русле идей создания универсальной поэтико-научной картины мира, которую Фр.Шлегель в «Разговоре о поэзии» называет *новой мифологией*.

Такая новая мифология развивалась в различных философских системах идеализма и романтизма. К ним можно причислить и субъективный идеализм Фихте, и трансцендентальный идеализм Шеллинга, и логический идеализм Гегеля, и религиозный идеализм Шлейермахера. Новая мифология Новалиса получила название магический идеализм, суть которого в теоретическом, практическом и эстетическом синтезе реального и идеального, снятии различия между мыслью и вещью. (Ср. фр. 49, 63, 94, 97). Наиболее эксплицитным выражением магического идеализма можно считать следующий фрагмент:

49. Метафизика. Если вы не можете сделать мысли воспринимаемыми опосредованно (и случайно), то сделайте внешние вещи воспринимаемыми непосредственно (и произвольно), это ведь то же самое, как если бы вы, не умея сделать мысли внешними вещами, сделали их мыслями. Если вы не можете сделать мысль самостоятельной, вне вас существующей и уже потому чужой – т.е. внешней по отношению к душе вещью, то проделайте с внешними вещами обратное – превратите их в мысли. Обе операции идеалистичны. Усвоивший их в совершенстве – *магический идеалист*. Не зависит ли свободное владение одной из них от другой? (...)

Идеализм толкует вещи как отображения идей. Идеи для него суть прообразы вещей, онтологически первичны по отношению к ним и являются основой их бытия. Приписывая бытие только идеям, идеалист односторонен: для него идея – все, вещь – ничто. Магический идеалист – двусторонен. Для него вещи и идеи равнозначальны. Мысль – это внутренняя вещь. Вещь – это внешняя мысль. Но даже первичность его не столько интересует, сколько его интересует сама возможность *перехода*, из одного онтоса присутствия в другой – из внешнего во внутренний. На этом акцентируется внимание. Этот процесс Новалис называет «превращением», которое

есть магическая операция. Таковая подразумевает определенного *делателя* – магического идеалиста, который овладел способностью превращать мысли в вещи, а вещи в мысли. Поэтому философия у Новалиса неотделима от самого философа, мышление от действия и творчества.

Основным эвристическим методом магического идеализма является *аналогия*. Аналогия есть принцип мышления потому, что сам мир устроен аналогически, т.е. зиждется на внутреннем единстве противоположностей. Аналогическое мышление только раскрывает единство универсума, скрытое для рационального сознания. Но вместе с тем аналогия для Новалиса – магическая, т.е. в широком значении *поэтическая* (творческая) операция. («Zauberstab der Analogie» – «волшебная палочка аналогии» как сказано в «Христианстве или Европе»). Аналогия становится основой формулирования проектов новых экспериментальных наук: трансцендентальная физика, трансцендентальная поэтика, химическая и механическая психология, практическая физика, магическая химия, механика и физика, механика химии и химия механики, патологическая логика, патологическая философия, музыкальная математика, музыкальная физика, грамматическая композиция, физиологическая стилистика, поэтическая философия, философия акциза, духовная педагогика и др. Все они синтетические, в которых дух и природа, реальное и идеальное образуют единство. Поэтому будет правильным рассматривать их в качестве аналогических частных вариаций магического идеализма.

Сказанное предопределяет герменевтические принципы толкования «Всеобщего черновика»: они основаны на предположении общего единства и аналогической общности его частей. Текстовыми механизмами реализации аналогических отношений выступают *метафора* и *метонимия*. При этом, следуя Р. Якобсону, мы рассматриваем метафору как семантическое отношение, построенное на базе сходства, а метонимию – смежности.

Тогда каждая из названных наук, представляя собой отражение общего, частную форму магического идеализма некой конкретной (пусть и искусственно синтезированной поэтическим воображением Новалиса) наукой, может толковаться как *метонимия магического идеализма*, т.е. целое, выраженное через часть. С другой стороны, каждая из этих наук, будучи рассмотрена изолированно, является

сама по себе *метафорой*, ибо в ее названии происходит соединение двух параллельных областей человеческого знания, часто логически несвязанных или даже противоречивых, в одну номинацию (Например: патологическая философия, музыкальная математика). Если текст рассматривать как взаимодействие вертикальной (выразительной, т.е. идущей от смысла к выражающему его слову) оси и оси горизонтальной, то метонимия и метафора образуют два полюса организации смыслового пространства фрагментов [4].

Итак, каждый фрагмент есть метонимия по отношению к целому и развернутая метафора внутри себя. Сам текст фрагмента, объясняющий смысл метафорически обозначенной науки, представляет собой в таком случае *толкование* исходной метафоры. Каков характер (метод) такого толкования? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к примерам:

2. Энциклопедистика. Трансцендентальная физика является *первой*, но *простейшей* наукой – как Наукоучение... Она толкует о природе, пока та еще не стала природой, пребывая в таком состоянии, в котором *смешение* и *движение* (вещество и сила) еще едины. Ее предметом является хаос. Превращение хаоса в гармоничные небо и землю. / Понятие неба. Теория истинного неба – внутреннего универсума. / Небо есть душа звездной системы, а она – его тело.

3. Энциклопедистика. Трансцендентальная поэтика учит о духе, который еще не стал духом. В химической и механической психологии происходит непрерывное уничтожение мнимых индивидуальностей. В трансцендентальной поэтике есть только Один общий грубый индивид. В практической поэтике речь идет об образованных индивидах – или об Одном бесконечно образованном индивиде.

В приведенных примерах Новалис формулирует названия новых наук – трансцендентальная физика и трансцендентальная поэтика. Понятие трансцендентальный, существовавшее в философии издавна, было заново осмыслено в критической философии, которая связывала его с субъективностью и понимала под ним такое мышление, которое предшествует эмпирическому и задает его формы. Новалис отчасти переосмысляет этот термин, применяя его к эмпирической науке, отчасти в духе Канта задается вопросом: как возможна физика? Каковы условия ее бытия как эмпирической науки? Ответ на этот имплицитный вопрос в создании трансцендентальной физики. Для объяснения ее сути Новалис прибегает к парадоксам: предметом трансцендентальной физики должна стать природа *до* природы, т.е. такая природа, в которой противоположности (в данном случае смешение и движение, вещество и сила), на которых зиждется изучаемый физикой космос, образуют единство. Аналогия с

Наукоучением в том, что философия Фихте рассматривает процесс становления Я, *полагает Я*, т.е. в известном смысле говорит о Я до Я. Это первозданное единство космоса Новалис называет *хаосом*. Физике космоса должна предшествовать физика хаоса. Чтобы увидеть внешнее в истинном свете, нужно сначала понять внутреннее и наоборот. Получается, что для объяснения одной метафоры Новалис прибегает к построению *новых метафор* (внутренний универсум, теория истинного неба и др.), завершая рассуждения новым метафорическим парадоксом: Небо есть душа звездной системы, а она – его тело.

Подобное по методу толкование имеет место в третьем фрагменте. Трансцендентальная поэтика есть учение не о поэзии в узком смысле как словесном искусстве, а учение об индивиде, который еще не стал таковым, т.е. пребывает в самой общей своей форме, т.е. в состоянии продуктивного (поэтического в этимологическом смысле слова) хаоса. Навстречу трансцендентальной поэтике движутся механическая и химическая психологии, которые разоблачают несуществование мнимых индивидуальностей (мещан), тем самым как бы уничтожая индивидуальность таковых. Мнимым индивидуальностям противопоставлена образованная индивидуальность, существование которой является, однако, предметом уже другой науки – практической поэтики.

Следует также отметить еще одну существенную, на наш взгляд, черту поэтической философии Новалиса – априоризм. Сначала Новалис формулирует *название* науки, затем обосновывает ее *предмет*, т.е. движение происходит от номинации к предмету, от слова к вещи.

Метафоры, толкующие друг друга, могут выстраиваться и в перечислительный ряд:

Фр. 2. Изучение машин создает механика – и приучает дух к хитроумным изобретениям и конструкциям. (Силы обратно пропорциональны их скоростям.) Математика сил есть механика. Математика образов – геометрия. Математика света – оптика. Математика уха – генерал-бас. Математика зрения – перспектива. Если математика хочет стать искусством отыскания и выведения одних данных и фактов из других данных и фактов, смежных с ними – общий анализ и синтез....Все науки должны стать математикой. Прежняя математика была только первым и самым легким выражением откровения истинно научного духа.

Перед нами ряд, который перечисляет различные виды математики, начиная существующими в науке и заканчивая теми, которые реально еще не существуют, но априори должны существовать, ибо математика, по Новалису, есть не просто случайно возникшая наука, а объективированный рассудок. Если признать это, то некоторые способности, которые никогда с математикой не связывались, окажутся формами ее существования. Сегодня они кажутся случайными фрагментами, но если возникнет понимание всеобщего характера математики, то они окажутся ее параллельными разделами, формирующими математику как систему.

Если вернуться к тому, что выше говорилось о новой мифологии, то «Всеобщий черновик» можно рассматривать как еще одну попытку ее создания. Метафоро-метонимические фрагменты, которые отражают аналогическое мышление магического идеализма, представляют собой собирание частей этого нового мифа, герменевтику его тайного языка. Таким образом, герменевтика метафор, обозначающих науки, и есть создание нового мифа.

Библиографический список

1. Schlegel Fr. Kritische und theoretische Schriften. Auswahl und Nachwort von Andreas Huysen, Stuttgart, 1994. S.74.
2. Вольский А.Л. От поэтической философии к философской поэзии: опыт герменевтического исследования. СПб.: Норма, 2008. С. 150-152.
3. Heffrich E. Novalis. Vom Logos der Poesie. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1969. S.40.
4. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против»: Сборник статей. М., 1975. С.193-230

Источники

Novalis Werke. Herausgegeben und kommentiert von Gerhard Schulz. Studienausgabe. München: B.C. Beck, 1987. S. 445-498.

Сведения об авторе

Вольский Алексей Львович
доктор филологических наук,
доцент кафедры немецкой филологии
РГПУ им. А.И. Герцена
E-mail: volskij@mail.ru

КЛЮЧЕВЫЕ КОНЦЕПТЫ АВСТРИЙСКОГО КУЛЬТУРНОГО МИРА. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В.Г. Зусман

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматривается ряд ключевых концептов австрийского культурного мира. Концепт понимается как система, содержащая смысл, а не сумму значений знаков в коммуникации. «Компромисс», «равновесие», «самоирония», «музыкальность» - концепты разных рядов, входящие в австрийский культурный мир. Особую ценность для описания национального культурного мира имеют сочленения противоположных концептов.

Ключевые слова: коммуникация, ключевые концепты, смысл, имя с расширением, национальная концептосфера.

The Key Concepts of the Austrian Cultural World. Outlining the Topic Valery Zusmann

The article deals with key concepts of the Austrian cultural world. The concept is regarded as a system and not as a sum of meanings in communication. «Compromise», «balance», «self-irony», «musicality» are concepts of different layers constituting the Austrian cultural world. Of special significance for describing the cultural world of a nation are clusters of opposite concepts.

Key words: communication, key concepts, meaning, extended name, national mentality.

Исследование концептов сопряжено с неизбежной субъективностью. Точка зрения на концепт зависит от воспринимающего сознания. Наблюдатель влияет на объект наблюдения. Это положение точных наук спроецировал на науки гуманитарные М.М. Бахтин: «Экспериментатор составляет часть экспериментальной системы». И далее: «понимающий составляет часть понимаемого высказывания» [1. С. 319]. Построение ряда концептов – результат диалога понимающего сознания с воспринимаемой культурой.

Ю.С. Степанов назвал концептологию «наукой о ненаучном». Если понятие только «определяется», то концепт «переживается», включая в себя «не только логические признаки, но и компоненты научных, психологических, авангардно-художественных, эмоциональных и бытовых явлений и ситуаций» [8. С. 20]. В

лингвокультурологии и литературоведении под концептом понимается ментальная единица, способная получать вербальное и невербальное выражение. Вербально выраженный концепт – это система, содержащая смысл знака (знаков) в контексте коммуникации. Концепт – всегда смысл, а не сумма значений выражающих его знаков. Согласно представлениям философа Г.П. Щедровицкого, «смысл» – «конфигурация всех связей и отношений» в ситуации коммуницирования [3. С. 47-48].

Ментальные концепты могут пониматься как содержащиеся в памяти «образы вещей без названия» [4. С. 233]. В процессе «вербализации» происходит соединение этих образов с именами. По мнению Ю.С. Степанова, концепт – это имя с «памятью», с «расширением» [8. С. 19]. Рассмотрим ряд имен с расширением, характерных для австрийской культуры.

Равновесие (Ausgleich), компромисс – один из ключевых концептов австрийской ментальности. Именно это слово чаще всего используется для описания исторических процессов. В многотомной “Истории Австрии в ключевых словах” концепт «Ausgleich» используется для обозначения всех компромиссных решений. Так, в 1291 году герцог Альбрехт Габсбургский (1248-1308), старший сын короля Рудольфа I, договаривается с венгерским королем Андреасом III и богемским королем Венцелем II. Компромисс необходим для подавления восстания феодалов, недовольных тем, что Альбрехт пытался лишить их особых привилегий и прав [14. S.29].

В 1866 г., после поражения в войне с Пруссией, Австрия утрачивает ведущую роль среди германских государств. Военные поражения ведут к политическим компромиссам. Один из них – *Ausgleich mit Ungarn* – двусторонний договор австрийцев с венграми о равноправии. Однако подобный компромисс был недостаточным. Он породил лишь новые проблемы. В 70-е годы XIX века стала очевидной необходимость перехода от “дуалистической монархии” к “триалистической федерации”, учитывающей интересы славянских народов (*Deutschösterreicher – Ungarn – Slawen*). Отказ от мирного разрешения конфликтов привел к крушению сословного (корпоративного) государства (1934 – 1938) и последующему “аншлюсу” Австрии к фашистской Германии.

В 1945 – 1999 годах политика компромиссов стала фирменным знаком Второй республики. Ключевыми словами при этом стали “консенс”, “договор”, “паритет” и “социальное партнерство”.

Политика “социального партнерства” в Австрии была основана на создании специальных “объединений”, которые представляли интересы различных участников производственного процесса. Специальные палаты представляли интересы работодателей и рабочих и служащих (Kammer für Arbeiter und Angestellte). Палаты стремились к “коллективным договорам”, добиваясь “паритетных” отношений между различными сторонами. В результате все спорные вопросы решались за закрытыми дверями, в ходе переговоров. Тем самым устранялись условия для проведения забастовок. “Социальное партнерство” представляло собой форму “выравнивания” (Ausgleich) отношений, разрешения конфликтов путем сотрудничества благодаря компромиссу.

Обратная сторона австрийского “социального партнерства” – конформизм, отсутствие всяких убеждений. “Переворачивание”, самоотрицание концепта замечательно уловил австрийский поэт, автор текстов для кабаре Франц Хюттерер (Hütterer, geb. 1954). В стихотворении “Социальное партнерство, языковой план” (Sozialpartnerschaft, sprachlich) он писал:

In Österreich
verschmelzen
Freund und Feind
zu
FRIEND [12].

В Австрии
сливаются
враг и друг
в некий
ВРУГ

(пер. мой – В.З.).

Ироническую формулу австрийского мышления предложил писатель и публицист Р. Менассе: “или – или, а также” (Entweder-und-Oder) [6. С. 58]. В этой трактовке способность к компромиссу предстает как обратная сторона австрийской “общительности” и способности к диалогу.

Самоирония (Selbstironie), “сомнение в себе” (sich selbst mißtrauen), “Nestbeschmutzung” (пачканье собственного гнезда). Концепт “разрушения концептов”.

Особенностью современной австрийской культуры следует считать особую форму “недоверия” (Mißtrauen) к любым национальным стереотипам и клише, содержащим моменты самовосхваления или самооправдания. По существу речь идет о “недоверии к себе”, об отвержении внутреннего самодовольства. Об этом пишет австрийская писательница И. Айхингер (Aichinger Ilse) в эссе “Призыв к сомнению” (Aufruf zum Mißtrauen, 1946).

И. Айхингер предостерегает соотечественников от того, чтобы они не считали себя “жертвами”, пострадавшими от фашизма. Эссе кончается призывом: “Werden wir mißtrauisch gegen uns selbst, um vertrauenswürdiger zu sein!” (будем сомневаться в себе, чтобы люди сочли нас достойными доверия) [10. S. 24].

В этом контексте становится понятной ироническая реплика, которую австрийский сатирик Х. Квальтингер (Qualtinger, 1928-1986) вложил в уста своего героя – типичного бюргера, “господина Карла”. “Господин Карл” вспоминает тот памятный день, когда австрийцы получили “Государственный договор”: “И вот мы все пошли в Бельведер...все пришли... всех и не сосчитать...все, как один, австрийцы...как в тридцать восьмом году...одна большая семья...может чуток поменьше...так ведь и Бельведер не такой большой, как Площадь героев” [13. S. 50.].

Концепт “пачканья гнезда” (Nestbeschmutzung) радикальным образом воплощен в пьесе Т. Бернхарда (Bernhard Thomas, 1931-1989) “Площадь героев” (Heldenplatz, 1988). Действие происходит в марте 1988 года. Одна из героинь пьесы, Анна Шустер, дочь покончившего с собой профессора Йозефа Шустера, говорит о том кошмаре, которым является для нее жизнь в Вене, где “нацистов больше”, чем было в тридцать восьмом [2. С. 654].

В “памяти места” навсегда засели “осколки воспоминаний” (Т. Бернхард). Концепт “пачканья гнезда” можно истолковать как предостережение против австрийской любви к равновесию, компромиссу.

Музыкальность (Musikalität)

Музыка и музыкальность охватывают все периоды, затрагивают все сферы австрийской жизни. В Австрии и поныне сильны традиции

домашнего музицирования. Особого упоминания заслуживает такое специфическое явление как венский музыкальный салон [15]. В Австрии народная и профессиональная музыкальная культура тесно переплетаются.

Музыка и театр в Австрии также тесно связаны друг с другом. Барочная театральность и глубинная музыкальность глубоко заложены в австрийской ментальности. Народный венский театр построен на принципах импровизации и музыкальности. Особо следует упомянуть такой жанр как “зингшпиль”, разновидность комической оперы с разговорными диалогами. Моцарт облагородил его, поставив в один ряд с высокими оперными жанрами и наполнив проблемами своей эпохи. Такова, например, его знаменитая опера “Волшебная флейта” (*Zauberflöte*, 1791).

Закономерно, что именно в творчестве венских классиков Гайдна, Моцарта и Бетховена достигла расцвета одна из наиболее сложных, всеобъемлющих и вместе с тем гибких форм гомофонной музыки – сонатная форма. Она оказалась способной соединить в одно целое полярные образы и темы. Исследователи Моцарта не устают говорить о “психологической амбивалентности” его музыкального мышления. Мажор у Моцарта наполнен “ожиданием минора”, у мажорной темы появляется двойник, “тень” (например, первое и второе предложения главной темы медленной части Фортепианной сонаты F-dur KV 332) [9. С. 21]. “Психологическая амбивалентность” мышления Моцарта – одно из вершинных проявлений австрийского диалогизма.

Музыкальность характерна как для низовой, народной, так и для элитарной культуры. Так, например, венский вальс возник из лендлера, сельского танца. Слово “Ländler” происходит от “Land” (земля).

Вальс неразрывно связан с опереттой, столь характерной для Вены рубежа XIX-XX веков. Интересно, что гимн Австрийской республики, музыку которого долгое время приписывали Моцарту, так же, как и вальс, написан в размере три четверти. Это не только танец, но и нечто большее: мироощущение, образ жизни. Немецкий писатель Адольф Гласбрэннер (*Glasbrenner Adolf*, 1810-1876) отмечал, что венцы “вальсируют” от одного развлечения к другому.

Вальс – очень австрийское музыкальное и культурное явление. Ироническую трактовку вальса дает в своей пьесе «Сказки Венского

леса» (Geschichten aus dem Wiener Wald, 1931) австрийский драматург и романист Эден фон Хорват (Ödön von Horváth, 1901-1938) [7. С. 585-594].

На рубеже XIX-XX веков вальс и оперетта были наиболее массовыми жанрами музыкальной культуры. Великий публицист Карл Краус (Kraus, 1874-1936) решительно отрицал их. Писатель Г. Брох (Broch, 1886-1951) называл тяготение к оперетте “идиотизмом”. Однако та же самая венская культурная среда породила совершенно иные явления. Творчество великих симфонистов второй половины XIX столетия И. Брамса и Г. Малера стало кульминацией позднеромантической культуры.

У каждого ключевого концепта национальной культуры есть своего рода обратная сторона. «Музыкальность» способна породить своего рода «минус-музыкальность», прямое отвращение к музыке. На эту теневую сторону австрийской музыкальности мое внимание обратил германист А.В. Белобратов, переводчик романа Э. Елинек (Elfride Jelinek) «Пианистка» (Die Klavierspielerin, 1983)[5]. В романе ученики пытаются обороняться против преподавателя музыки Эрики Кохут (Manche Schüler setzen sich gegen ihre Klavierlehrerin Erika entschieden zur Wehr...). Однако союз родителей и учителей оказывается сильнее. В романе Елинек столица музыки Вена (Wien, Stadt der Musik!) подвергается ироническому снижению [11. S. 13.].

Концептология как «наука о ненаучном» тесно связана с точкой зрения наблюдателя, исследователя. «Компромисс», «равновесие», «нейтралитет», «самоирония», «легкость», «музыкальность», «вальс» – концепты разных рядов, формирующие австрийский культурный мир. Этот ряд принципиально открыт. Однако произвольность характеристик снижается, если в фокусе наблюдения оказываются связи и сочленения противоположных концептов, указывающих на центр национальной концептосферы.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
2. Бернхард Т. Видимость обманчива и другие пьесы / Сост., вступит. статья, пер. с нем. и прим. М. Рудницкого. М.: Ad Marginem, 1999. 720 с.
3. Богин Г.И. Быстротекущее время и вялотекущее время как производные от формы текстопостроения // Пространство и время в языке.

Тезисы и материалы Межд. науч. конф. 6-8 февраля 2001 г. Часть I. Самара: Самарский гос. пед. университет, 2001. 198 с.

4. Горелов И.Н. Избранные труды по психолингвистике. М.: Лабиринт, 2003. 320 с.

5. Елинек Э. Пианистка. Пер. с нем. А. Белобратова. СПб.: Симпозиум, 2007. 448 с.

6. Менассе Р. Страна без свойств: Эссе об австрийском самосознании / Пер. А. Белобратова, при участии З. Мардановой. СПб.: Петербург - XXI век, 1999. 128 с.

7. Павлова, Н.С. Эден фон Ховат // История австрийской литературы XX века. В 2 Т.: Т.1. Конец XIX - середина XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2009. – С. 585-594.

8. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007. 248 с.

9. Чигарева Е. Свет далекой истины // Советская музыка. Декабрь 1991. № 12.

10. Aichinger I. Aufruf zum Misstrauen // Über Österreich zu schreiben ist schwer. Österreichische Schriftsteller über Literatur – Heimat – Politik / Hrsg. V. Gerald Leitner. Salzburg und Wien: Residenz Verlag, 2000. 255 S.

11. Elinek E. Die Klavierspielerin. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuchverlag, 1991. 283 S.

12. Hütterer F. Sozialpartnerschaft, sprachlich // Lesen Sie Gedichte. Literaturkreis Podium. Tag der Lyrik 2000 / Inhalt: Manfred Chobot. PODIUM Wien: Literaturkreis Schloß Neulengbach, 2000.

13. Qualtinger H. Der Herr Karl // Über Österreich zu schreiben ist schwer. Österreichische Schriftsteller über Literatur – Heimat – Politik. / Hrsg. V. Gerald Leitner. Salzburg und Wien, 2000. 255 S.

14. Scheithauer E., Schmeizer H., Woratschek G. Geschichte Österreichs in Stichworten: Teil II: Von 1282 bis zum Westfälischen Frieden. Wien, 1972.

15. Schiferer, Beatrix. Salon- und Hausmusik einst und heute: am Beispiel von Gisi Höller. Wien: Edition Volkshochschule, 2000. 150 S.

Сведения об авторе

Зусман Валерий Григорьевич
доктор филологических наук,
профессор кафедры зарубежной литературы и
теории межкультурной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: susmann1@yandex.ru

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

РАЗРАБОТКА ЭЛЕКТРОННЫХ УЧЕБНЫХ МАТЕРИАЛОВ И УПРАЖНЕНИЙ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ НАВЫКОВ¹

К.В. Александров

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Статья посвящена проблеме применения информационно-коммуникационных технологий в обучении иностранным языкам. В статье рассматриваются методические аспекты разработки блоков электронных учебных материалов по иностранному языку и упражнений для их тренировки, которые реализуются посредством мультимедийного комплекса, построенного по принципу конструктора.

Ключевые слова: методика обучения иностранным языкам, обучение, иностранный язык, информационно-коммуникационные технологии, компьютер, электронный учебник.

Creating E-Learning Courseware for Moulding Language Skills Konstantin Alexandrov

The article deals with issues of using computer technologies for teaching foreign languages. It describes the way a courseware for moulding language skills can be developed, based on a special software product for creating and building e-learning units with lexical and grammar material and exercises.

Key words: CALL, computer, foreign language, methods of teaching foreign languages, e-learning.

Анализ имеющихся мультимедийных продуктов, нацеленных на обучение иностранным языкам, а также обзор научной литературы по тематике позволяют сделать вывод, что одним из важнейших

¹ Настоящая статья подготовлена в рамках проекта «Методическая концепция информатизации обучения иностранному языку и ее реализация посредством мультимедийных технологий», реализуемого при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 годы. Информацию о проекте доступна по адресу: www.call.lunn.ru

недостатков большинства программ является невозможность их адаптации к потребностям конкретного учебного процесса [3], [5], [6]. Учебные материалы в обучающих программах, как правило, не соответствуют требованиям программы курса иностранного языка в школе или вузе и не могут быть изменены или отредактированы. Для разрешения данной проблемы, на наш взгляд, необходимо разрабатывать специальные мультимедийные системы (комплексы) обучения иностранным языкам, которые будут построены по принципу конструктора. Это позволяет преподавателю создавать свои блоки электронных материалов и упражнений в соответствии с потребностями учебного процесса, используя при этом возможности информационно-коммуникационных технологий по организации и контролю деятельности обучающихся [4. С.8]. В настоящей статье рассматриваются некоторые методические аспекты разработки электронных учебных материалов и упражнений в мультимедийном комплексе.

Мультимедийный обучающий комплекс по иностранному языку, по нашему мнению, должен отражать научную концепцию, т.е. методически обоснованную модель применения ИКТ для формирования и развития иноязычных навыков.

Мультимедийная система должна включать информационный модуль. В нем содержится все необходимое для усвоения и последующей проработки учебного материала.

В языковом вузе данный модуль может содержать учебный словарь и употребительную лексику по теме. Разработка учебного словаря необходима для расширения лексических знаний обучающихся, их знакомства с функционированием лексических единиц в системе языка. В качестве объектов словарной статьи выступают ключевые слова (как правило, 3-5) из списка употребительной лексики (не более 20 словосочетаний). В качестве ключевых слов желательно выбирать лексические единицы, не только отражающие тему в смысловом отношении, но и имеющие широкую «лексикологическую ценность»: несколько значений, большое количество распространенных словосочетаний, синонимов, производных.

Словарная статья содержит следующие параметры: 1) дефиницию значения слова на иностранном и родном языках; 2)

грамматическую информацию; 3) этимологическую справку о слове; 4) сочетательные способности слова; 5) словообразовательную ценность слова; 6) способность слова иметь синонимические ряды; 7) историко-культурологическую информация [1]. При необходимости словарная статья может быть расширена и иными параметрами. Для школ и лингвистических вузов объем учебного словаря может быть значительно меньше, а основное внимание должно уделяться работе над активной лексикой.

Информационный модуль может содержать и описание грамматического явления. При этом он может отображаться как обобщающий элемент объяснения материала, когда обучающийся через некоторые упражнения и вопросы сам приходит к формулировке правила, либо как стартовый блок, представляющий пользователю всю необходимую информацию изначально.

Мультимедийная система, ориентированная на развитие иноязычных навыков, обеспечивает достижение цели обучения с помощью системы упражнений.

Система тренировочных и контрольных упражнений мультимедийного комплекса может состоять из подсистем, ориентированных на развитие тех или иных операций в составе иноязычных навыков. Так, например, система лексически направленных упражнений включает три подсистемы [2]. Первая подсистема ориентирована на отработку материала словарных статей (нацелена на быстрый поиск в долговременной памяти лексической единицы, соответствующей коммуникативной задаче, и ее актуализацию по мгновенному импульсу, связанному с намерением что-то высказать). Вторая подсистема ориентирована на запоминание и отработку активной лексики (обеспечивает правильность операций по сочетанию между собой изучаемых лексических единиц с соблюдением правил лексической и грамматической сочетаемости, соответствующих норме данного языка). Третья подсистема включает упражнения на применение лексического материала в предложениях и микротекстах (готовит обучающихся к применению лексических единиц в составе синтагмы и фраз). Таким образом, в результате работы с комплексом обучающий должен быть готовым к применению изучаемой лексики в разных видах речевой деятельности.

Система упражнений для усвоения грамматического материала строится по принципу отработки отдельных операций навыков, обеспечивает их поэтапное формирование. Электронные упражнения на тренировку лексического и грамматического аспектов языка согласуются так, чтобы обучающийся освоил весь учебный материал комплексно.

Работая с мультимедийной программой, преподаватель определяет содержание всех его блоков: а) количество словарных статей; б) лексических единиц для активного усвоения; в) упражнения для отработки материала; г) формулировки творческого задания; д) наличие информационных страниц, текстов и т.д. Деятельность преподавателя при разработке электронных учебных материалов ограничена двумя факторами: 1) методическим - необходимостью соблюдать технологию создания тематических блоков, реализующих методику формирования навыков; 2) техническим - имеющимися формами упражнений, реализованными в мультимедийной системе, и требованиями к их заполнению:

1. Учет вариативности ответа.

Традиционная проверка ответов обучающегося преподавателю предполагает, что полученный ответ может быть рассмотрен как правильный, если он соответствует вопросу, хотя и не соответствовал изначальному замыслу автора этого задания. Компьютер сравнивает полученный ответ с ответами, заложенными в него в качестве правильных. При разработке материалов необходимо максимально точно формулировать задание, учитывать все возможные вариации правильных ответов (порядок слов, сокращенные / полные формы грамматических конструкций и т.п.).

2. Прогнозируемость ответа.

Для электронных средств обучения особое значение приобретает возможность обучающегося получить всю информацию, необходимую для выполнения упражнений, в материалах электронного пособия. Таким образом, упражнения должны быть построены так, чтобы обучающийся, ознакомившись с материалами информационного блока, мог догадаться, какой ответ от него ожидается.

3. Орфографическая и пунктуационная правильность ответа.

В отличие от преподавателя, способного понять смысл высказывания, несмотря на наличие орфографических или пунктуационных ошибок, и засчитать полученный ответ как правильный, компьютер проверяет верность ответа, сравнивая его с заложенными эталонами по знакам. Это означает, что любая неточность, допущенная в ответе, воспринимается как ошибка. При разработке тем преподавателями и выполнении их обучающимися обращается внимание на точность ввода правильных ответов.

Объем и содержание блока электронных учебных материалов определяется рядом параметров:

1. Целью и задачами обучения.

Цель обучения определяет прогнозируемый уровень сформированности навыков и умений обучающихся. Например, для студентов языковых вузов тематический блок может содержать подробные статьи в учебном словаре, а также информационные страницы, содержащие детальное описание грамматических явлений со всеми вариациями, исключениями и особенностями. Для студентов неязыковых вузов такие подробности в информационном блоке могут быть опциональными.

2. Уровнем подготовки обучающихся.

В зависимости от уровня знаний и степени сформированности навыков и умений объем тематического блока и его содержание будут варьироваться. Для ранних ступеней обучения потребуется большее количество нетрудных упражнений, нацеленных на запоминание материала и автоматизацию навыков. Для старшей ступени обучения акцент переносится на упражнения, способствующие развитию видов речевой деятельности.

3. Долей самостоятельной работы обучающихся.

Доля самостоятельной работы в процессе обучения иностранному языку является одним из решающих параметров, определяющих объем электронных тематических блоков. Чем меньше аудиторных занятий по иностранному языку предусмотрено в учебном процессе, тем важнее их использование для развития коммуникативных умений и тем содержательней должны быть тематические блоки электронного пособия.

Таким образом, работа по созданию блока электронных учебных материалов и упражнений в мультимедийной системе (построенной по принципу конструктора) является трудоемким процессом. Он требует от преподавателя понимания специфики методической системы. Эта система определяет особенности построения такого рода пособий. С другой стороны, методически грамотно разработанный блок учебных упражнений позволит интенсифицировать работу обучающихся по развитию иноязычных навыков и сэкономит аудиторное время для совершенствования речевых умений.

Библиографический список

1. Александров К.В. Параметры описания лексических единиц в электронном словаре обучающего мультимедийного комплекса (II курс специального вуза) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Киров. 2008. № 3(3). С. 105-108.
2. Александров К.В. Мультимедийный комплекс как средство обучения лексической стороне иноязычной речи студентов лингвистического вуза (на материале немецкого языка): Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Нижний Новгород, 2009. 22 с.
3. Бовтенко М.А. Компьютерная лингводидактика: Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2005. 216 с.
4. Власов Е.А. и др. Компьютеры в обучении языку: проблемы и решения. М.: Русский язык, 1990. 80 с.
5. Зубов А.В., Зубова И.И. Методика применения информационных технологий в обучении иностранным языкам. М., 2009. 144 с.
6. Сарана Т.П. Компьютерный консалтинг в самообучении иностранным языкам. Пятигорск: ПГЛУ, 2005. 174 с.

Сведения об авторе

Александров Константин Вячеславович
кандидат педагогических наук,
ассистент кафедры иностранных языков ИДО
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: alexandrov@lunn.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ МЕТОДИКИ РАЗВИВАЮЩЕГО ОБУЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОМ КОМПЛЕКТЕ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

М. А. Ариян

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Преподавание иностранных языков является важным средством, способствующим образованию и личностному развитию школьников. В статье рассматривается социально развивающий аспект современных российских школьных учебников английского языка. Анализ показал, что при всём разнообразии используемых обучающих стратегий учебные материалы не всегда способствуют всестороннему социальному развитию школьников.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, учебно-методический комплект, социальное развитие, ролевая игра, социальный интеллект.

Implementation of Developmental Approach to Teaching in Modern English Coursebook Packages Margarita Ariyan

Teaching a foreign language is an important means of educating students and developing their personalities. The article discusses aspects of social development in a modern language coursebook for schools in Russia. Analysis shows that modern teaching materials, even though they offer a variety of teaching strategies, can still do more to encourage students to realize their full social potential.

Key words: communicative competence, coursebook package, social development, role play, social intellect.

Как известно, концепция новой структуры и содержания общего среднего образования была принята в России в январе 2000 года. Она предполагает, что основным результатом деятельности образовательного учреждения должна стать не система знаний, умений и навыков сама по себе, а набор ключевых компетенций в интеллектуальной, гражданско-правовой, коммуникационной, информационной и прочих сферах, которыми владеет ученик. Применительно к обучению иностранным языкам это означает, что конечной целью обучения является формирование и развитие коммуникативной компетенции как готовности и способности к речевому общению на иностранном языке.

Анализ Государственного стандарта общего образования по иностранным языкам [1] позволяет сделать вывод, что на каждой из ступеней обучения предполагается решение задач, так или иначе связанных с социальным развитием личности ребёнка как одной из важнейших сфер развития. Основные положения Государственного стандарта нашли отражение в созданной на его основе Программе по иностранным языкам и в той или иной степени в учебниках нового поколения. В последние десятилетия в практику школьного обучения АЯ успешно внедряются новые серии учебников, рекомендованных Министерством образования РФ (В.В. Сафонова и др., В.П. Кузовлев и др., Деревянко и др., Гроза и др., Биболетова и др., Литтлджон, Хикс). Во всех названных выше учебных курсах нового поколения реализовались принципы гуманизации, гуманитаризации, вариативности образования. Являясь моделью процесса обучения, они «встраиваются» в реальную систему обучения, одновременно приспособляясь к ней и преобразуя её, и материализуют цели обучения через конкретные задания (И.Л. Бим). Опираясь на мировой опыт, используя в большей или меньшей степени достижения зарубежных курсов обучения английскому языку как иностранному, авторы учебных курсов в то же время продолжают отечественные традиции преподавания иностранных языков. По общей концепции каждый из названных выше УМК отвечает, по нашему мнению, основной задаче государственной доктрины в области образования - подготовить новое поколение граждан к жизни и деятельности в условиях нового демократического общества, его культурных, социальных, научных и технологических достижений. В качестве основных методологических систем все названные авторы избрали коммуникативно-когнитивный, личностно ориентированный, деятельностный, социокультурный подходы. Однако методические решения, в которых воплощены данные стратегии, разнообразны и неоднозначны.

Для определения того, в какой мере действующие УМК по английскому языку пригодны для реализации социально развивающего обучения, потребовалось разработать ряд критериев, которые представлены ниже:

1. Способствуют ли отобранное содержание и используемые приёмы обучения формированию у учащихся опыта решения социально и личностно значимых проблем.

2. Создаются ли необходимые условия, стимулирующие различные подходы к решению одних и тех же проблем средствами иностранного языка.

3. На какой стиль общения (демократический, либеральный, авторитарный) ориентируют задания учебника.

4. Формируются ли в ходе выполнения заданий социально значимые качества личности.

5. Расширяется ли каталог деятельности учащихся и, соответственно, набор проигрываемых ими социальных ролей.

6. Способствуют ли задания, предлагаемые учебником, становлению самосознания учащихся (образ своих качеств, способностей, внешности, социально-нравственная самооценка), способности к целеполаганию и формированию жизненной перспективы.

7. Направлены ли задания на выработку культурных ценностей, которые определяют принадлежность к нации.

8. Ориентированы ли задания учебника на развитие социального интеллекта как способности усматривать и улавливать сложные отношения и зависимости в социальной сфере, учитывать социальные характеристики адресата.

9. Развивается ли умение строить речевое и неречевое поведение адекватно социокультурной специфике страны, на языке которой осуществляется общение.

10. Способствуют ли задания учебника формированию умения выходить из положения при дефиците языковых средств.

11. Формируется ли у обучаемых способность к самооценке через наблюдение за собственной речью на иностранном языке.

Для анализа мы обратились к УМК «Английский язык» В.П. Кузовлева и др. как наиболее распространённого. Авторы УМК отмечают, что данная учебная серия разработана в соответствии с программой-концепцией иноязычного образования и базируется на понимании иноязычной культуры как цели обучения иностранным языкам в средней школе. Ознакомление с предисловием к Книге для учителя для 5-го класса [2] показывает, что авторы УМК ассоциируют

развивающий аспект цели обучения только с развитием психических свойств и способностей, а также психических функций, связанных с речевой деятельностью (мышление, память, внимание, восприятие, воображение). К воспитательному аспекту цели отнесено воспитание толерантности и уважения к другой культуре, воспитание ответственности перед обществом, воспитание личностных качеств (трудолюбие, активность, умение работать в сотрудничестве, коммуникабельность, уважение к себе и другим, личная и взаимная ответственность и др.), а также приобщение к общечеловеческим ценностям.

Как видно из перечисленного выше, всё, что касается развития социально значимых качеств личности, освоения социальных форм существования, овладения социальными оценками, принятыми формами поведения, и т.п., неправомерно закреплено за воспитательным аспектом цели. Представляется, что социально значимые качества личности (социальная ответственность, коммуникабельность и т.п.), приобщение к общечеловеческим ценностям целесообразно отнести к социально развивающему аспекту цели обучения.

На начальном этапе основной школы (5-й класс) авторы связывают реализацию развивающего аспекта цели с формированием мотивации к изучению иностранного языка и веры в собственные возможности. Для учёта и развития позитивных личностных качеств с целью вызова коммуникативной мотивации используется так называемая личностная индивидуализация, которая основывается на методической характеристике класса.

Развитие учащихся в последующие годы происходит за счёт вовлечения их в творческую деятельность. Школьникам предлагается работа над проектами, что, по справедливому замечанию авторов, развивает воображение, фантазию, творческое мышление, самостоятельность и другие важные качества личности. На среднем этапе основной школы (7–9-й классы) в качестве ведущих аспектов цели признаются познавательный и учебный. Первый ассоциируется с приобретением знаний о культуре страны изучаемого языка, более глубокого понимания родной культуры, а также удовлетворением личных познавательных интересов школьников. Второй традиционно связывается с развитием умений общаться, используя различные виды

речевой деятельности и приобретение знаний о строе языка, его системе, сходстве и различии с родным. Тот факт, что развивающий и воспитательный аспекты цели не рассматриваются авторами УМК в качестве ведущих для данного этапа обучения, представляется весьма спорным.

Как известно из возрастной психологии, основная роль в психическом развитии подростка принадлежит формирующейся системе социальных взаимоотношений. Именно в подростковом возрасте повышается возможность усвоения социальных ценностей, формирования нравственных качеств личности. Поэтому задача «перестраивания» (Д.Б. Эльконин) личности ребёнка этого возраста не может не рассматриваться в качестве приоритетных.

Анализ названного УМК показал, что существует некоторый «перекос», в частности, в сторону обучения (информативности) в ущерб развитию и воспитанию. В качестве примера рассмотрим Unit 2 “Let the Music Begin” учебника для 9-го класса [3]. Любовь к музыкальному искусству, знание различных музыкальных жанров и направлений, бесспорно, важная черта современного эстетически развитого и образованного человека. Однако известно также, что далеко не все подростки 14-15 лет хорошо знают, понимают и любят этот вид искусства. Между тем, моделируя учебный процесс, авторы делают упор исключительно на «знающих» и «понимающих». Именно к ним обращены вопросы: What are the musical centers of Britain? What British musicians do you know? Have you heard about any of the famous British Festivals? What are they? Do you like music? Is music part of your life? Эти и другие подобные вопросы не оставляют выбора тем обучаемым, которые ответят на них отрицательно. Между тем приобщение к культуре как «индивидуально освоенным духовным ценностям» (Е.И. Пассов) начинается с ощущения личностной потребности в ней. Представляется, что, приступая к данной теме, целесообразно начать не с вопросов, которые фиксируют пробелы в образовании, воспитании и развитии обучаемых и стимулируют их к тому, чтобы встать в «оборонительную позицию» («не знаю и не хочу знать»), а с тех, которые демонстрируют уважительное отношение к их индивидуальности, одновременно стимулируя интерес к проблеме. “Why do many people like music? “What do you want to know about

music?” If nothing, what would you like to know more about instead? (Учащийся может сам предложить интересующую его проблему и разрабатывать её, во всяком случае, до тех пор, пока интересные дискуссии по поводу музыки его не увлекут), «Какие аргументы ты бы привёл в пользу тезиса: «Язык музыки не требует перевода»? Ты с ним согласен?», дискуссии на тему “Why do we like / dislike music?” “Classical music VS pop (rock) music”, мозговой штурм на тему «Какую музыку любили / любят твои кумиры, которые прославили нашу страну в различных областях науки, культуры, спорта и т. д.?», «Что бы ты хотел узнать о музыкальных жанрах, композиторах России, если бы тебе потребовалось написать проект на эту тему?», «Готовим выступление на заседании ЮНЕСКО на тему «Музыку России нельзя не любить». О чём надо обязательно сказать, чтобы весь мир понял, почему мы гордимся своими великими соотечественниками-музыкантами?» и т. п.

Такой подход позволил бы включить обучаемых в отбор содержания и приёмов работы над темой, что способствует формированию у них опыта решения социально и личностно значимых проблем. В ходе обсуждений и дискуссий школьники приобретают социально значимые качества личности, позволяющие добиваться позитивной самореализации, что способствует становлению самосознания учащихся, активизирует познавательную мотивацию [4]. И, что особенно важно, дети, изначально не увлечённые музыкой в той мере, на которую рассчитывают авторы УМК, не «выпадают» из учебного процесса, а, наоборот, постепенно втягиваются в обсуждения и приобретают необходимый опыт толерантного отношения к людям, высказывающим иную точку зрения, опыт доброжелательного обмена мнениями и взглядами. Наблюдение за собственной речью на иностранном языке, реакции собеседника на тот или иной аргумент, приводимый в ходе дискуссии, развивает необходимую обучаемому способность к самооценке. Всё это, в конечном счёте, создало бы благоприятные условия для развития школьников, в том числе и социального.

На этапе полного среднего образования (10-11-й классы) в качестве цели образования определяется формирование человека как индивидуальности: развитие его духовных сил, способностей, воспитание его морально ответственным и социально полезным

человеком. Авторы отмечают, что образование – есть фактически передача культуры, а обучение – лишь один аспект, технологическая сторона образования. Знакомство с культурой страны изучаемого языка происходит путём сравнения имевшихся ранее знаний и понятий с вновь полученными, со знаниями о своей стране, о себе самих. Приведённые высказывания авторов показывают, что, сосредоточиваясь на деятельностно-коммуникативной сфере личности обучаемого, они упускают такие важные сферы, как потребностная и эмоциональная.

Отмеченный выше «перекос» в сторону обучения (информативности) в ущерб развитию и воспитанию, характерен в определённой степени и для учебника 10-11-го классов. Для примера рассмотрим Unit 2 “Western Democracies. Are They Democratic?” Данная тема включает 6 подтем: Parliamentary democracy. How does it work? How much power does the US President have?; What political system does Russia belong to?; Must a politician be kind?; Who’d have thought it?; Are you a good lawmaker? Вопросы, обращённые к учащимся в первых трёх разделах, проверяют наличие у школьников знаний о государственном устройстве нашей страны и стран изучаемого языка (The UK of Great Britain and Northern Ireland is a constitutional monarchy and a parliamentary democracy. Who rules the country in fact? The monarch or the Parliament?; Do the people elect the Prime Minister directly? What does each branch of power and each institution do?; Which institutions represent the legislative and executive branches of power in the US?; What is special about the political system of the Russian Federation?, etc. В соответствующем разделе Книги для учителя познавательный аспект цели формулируется следующим образом: знакомство с основами парламентского государства, с конституционной монархией; развивающий аспект: развитие умения понимать схемы, догадки по аналогии с родным языком и по словообразовательным элементам; воспитательный: осознание понятия «демократия». Представляется, что ведущим аспектом цели урока иностранного языка следует считать не столько передачу знаний о государственном устройстве стран (такие знания учащиеся приобретают на уроках по общественным дисциплинам), сколько формирование опыта решения социально и личностно значимых проблем с опорой на соответствующие знания. Развивающий аспект

цели должен, прежде всего, быть направлен на развитие высших нравственных чувств, убеждений, идеалов.

Анализ также показал, что авторы УМК не в полной мере использовали потенциал, связанный с реализацией возможностей ролевого компонента ситуации. Задания, включающие школьников в ролевое общение, немногочисленны, перечень предлагаемых для проигрывания ролей очень ограничен. Например, учебник для 6-го класса содержит 15 заданий, обозначенных рубрикой «Role Play». Среди предлагаемых для проигрывания ролей 6 – персонажи прослушанных или прочитанных текстов, 4 – воображаемые роли (мама, британский продавец, покупатель, британский учащийся), 20 – «Я-роли», которые обозначаются словами: you, student 1(2,3), you and your friend.

Широкое использование «Я-роли» имеет немалые преимущества: они доступны учащимся и легки для проигрывания, так как «отражают систему отношений, в которых школьник участвует в повседневной жизни», учебное общение максимально приближается к естественному. Однако «Я-роль» не позволяет учащемуся выходить за рамки собственного личного опыта, не происходит расширения каталога деятельности учащегося, следовательно, существенного расширения социального опыта не происходит. Такие роли, а также роли одноклассника, друга, брата мальчика /девочки, соседа по парте не имеют закреплённых за ними текстов и потому не снимают неопределённость в выборе речевой программы. Бедность ролевого репертуара, отсутствие соотнесённости роли с видами речевой деятельности, с этапами обучения, возрастными и индивидуальными особенностям учащихся, с ожидаемым речевым продуктом приводят к ситуации, описанной в одной из работ В.Л. Скалкиным: порождение учащимися устных текстов то и дело проходит в некоем социально-этнографическом вакууме, в котором «действуют» лица, лишённые индивидуальности возраста, пола, эмоций, реальных потребностей, социальных или родственных отношений [5].

Представляется недостаточным количество заданий на развитие способности учитывать социальные характеристики адресата, на развитие умения строить не/речевое поведение адекватно социокультурной специфике страны, выходить из положения при

дефиците языковых средств. В предлагаемых обучаемым ситуациях часто отсутствует её главный компонент – речевой стимул. В упомянутом задании предлагается следующая ситуация: “In most Canadian schools, teachers ask parents to come to parents-teacher conferences. The teacher and parents discuss the child’s progress in school, as well as any other problems”. Не ясно, для чего в данной ситуации существует упоминание, что действие происходит именно в канадской школе. Поскольку ни о какой национальной специфике, связанной с взаимоотношениями учителя - родителей, родителей - детей в Канаде не упоминается, очевидно, что в общении дети будут воспроизводить привычную им ситуацию школьного родительского собрания. При этом школьнику, играющему роль учителя, предлагается жаловаться (*complain*), а родителю – слушать и отвечать (*listen, respond*), затем родителю сообщать ребёнку о жалобах учителя (*say that the teacher complained*), ребёнку – слушать и отвечать (*listen to your parent..., respond...*). Однако не ясно, каковы их взаимоотношения и отношение каждого к обсуждаемой ситуации, какова «сверхзадача» каждого из участников общения (например, пересказывая обвинения учителя, родитель может тем самым обосновать свой отказ купить ребёнку новые роликовые коньки, взять его с собой в интересную поездку. Или, наоборот, пересказывая слова учителя, родитель может дать понять, что доверяет своему ребёнку, готов его поддержать; отвечая на предъявленные обвинения, ребёнок может стремиться вызвать жалость или убедить родителя, что не заслуживает наказания, так как просто был неправильно понят учителем и т. п.). Таким образом, в ситуации не обозначено, чего каждый из участников стремится добиться речевыми и не речевыми средствами. Поэтому трудно ожидать, что такая ситуация, не будучи по сути творческой, увлечёт школьников, заставит их лучше понять родителей, учителей и себя самих. Ситуации такого рода не способствуют развитию социального интеллекта, овладению стратегией и тактикой социального взаимодействия [6].

Итак, проведённый анализ УМК В.П. Кузовлева «Английский язык» под углом зрения исследуемой проблемы позволил сделать следующие выводы. Авторы УМК придерживаются предложенной Е.И. Пассовым трактовки цели обучения как овладения иноязычной культурой. Вместе с тем, признавая, что данная цель имеет четыре

аспекта (развивающий, познавательный, воспитательный и учебный), они только на первом этапе обучения (5-й класс) рассматривают развивающий аспект как один из ведущих, наряду с познавательным. Однако развивающий аспект обучения в трактовке авторов УМК предполагает, главным образом, развитие психических функций и мотивации к дальнейшему овладению иностранным языком. Задачи социального развития учащихся не ставятся и системно не решаются, хотя предпосылки для этого закладываются: материал УМК ориентирован на общечеловеческие ценности, у учащихся воспитывается понимание того, что другой – не значит плохой, воспитывается уважение к другой культуре.

На последующих этапах обучения из всех элементов, в форме которых усваивается культура - знания, опыт, творчество, отношение - акцент делается на знаниях, и ведущим аспектом цели признаётся познавательный. Такой подход представляется неправомерным, поскольку опыт действия в определённых сферах, творчество как преобразование и перенос приёмов деятельности в новые условия, отношение к деятельности, соотнесённое с системой ценностей самого обучаемого, создавали бы наиболее благоприятные условия для социального развития школьника.

Таким образом, анализ данного учебного курса показывает, что при всем разнообразии используемых методов и приёмов обучения потенциал современных педагогических и информационных технологий, связанный с всесторонним личностным развитием учащихся, реализован не в полной мере.

Библиографический список

1. Федеральный компонент государственного стандарта общего образования (иностранные языки) // Методическая мозаика: приложение к журналу «Иностранные языки в школе». 2004. № 4. 32 с.

2. Кузовлев В.П. и др. Английский язык / English: Teacher's book: Кн. для учителя к учебнику 5-го класса общеобразоват. учреждений. М.: Просвещение, 2000. 126 с.

3. Кузовлев В.П. и др. Английский язык / English: Student's book: Учебник для 9-го класса общеобразоват. учреждений. М.: Просвещение, 2008. 288 с.

4. Ариян М.А. Технология социально развивающего обучения иностранным языкам на старшем этапе обучения в средней школе // Иностр. языки в школе. 2008. №7. С. 3-8.

5. Скалкин В.Л. Основы обучения устной иноязычной речи. М.: Русский язык, 1981. 247 с.

6. Ариян М.А. Принципы социально развивающего обучения иностранным языкам в средней школе // Иностр. языки в школе. 2010. №1. С. 7-13.

Сведения об авторе

Ариян Маргарита Анастасовна
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры лингводидактики и методики
преподавания иностранных языков
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: tary2@rambler.ru

КОНЦЕПЦИЯ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВУЗЕ

Б.А. Жигалев

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А.Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье представлены положения авторской концепции оценки качества профессионального образования в вузе, сущность которой – в обосновании коммуникативной парадигмы оценочной деятельности, многофункциональности оценки в образовательном пространстве вуза, интеграции методов внешней и внутренней оценки, принципов оценочной деятельности. Концептуально-понятийная структура оценки качества представлена в соответствии с предметностью профессиональной педагогики как педагогическая система.

Ключевые слова: качество профессионального образования, концепция оценки качества, образовательное пространство, коммуникативная парадигма оценки.

Quality Evaluation Conception in University Professional Education Boris Zhigalev

The author's quality evaluation conception of professional education is presented in the article. The essence of this conception is to ground the communicative paradigm of evaluation work, multifunctional nature of evaluation in university education area, the integration of inner and outer evaluation methods, the principles of evaluation work. The concept structure of quality evaluation is presented in accordance with the subject of professional pedagogics as the pedagogical system.

Key words: professional education quality, evaluation conception, education area, communicative paradigm of evaluation, pedagogical system.

Качество высшего образования признано в мировом образовательном сообществе основополагающим фактором и условием дальнейшего развития системы высшего образования и, в целом, научно-технического и социально-культурного прогресса стран. В отечественной педагогической науке качество вузовского профессионального образования рассматривается как социально-педагогическая категория, определяющая состояние и результативность образовательного процесса вуза, их соответствие потребностям рынка труда и ожиданиям обучающихся в формировании профессиональных и личностных компетенций (Л.П. Алексеева, В.И. Андреев, О.Д. Андреева, В.И. Добренчиков, М.М. Поташник, Г.В.Скок, А.И. Субетто и др.). Формирование надежной,

управляемой системы обеспечения качества является одной из основных задач модернизации системы профессионального образования в России. Существенным элементом системы управления качеством профессионального образования в вузе, позволяющим констатировать имеющийся уровень качества и прогнозировать возможность его повышения, является оценка.

В данной статье представлены основные положения авторской концепции оценки качества профессионального образования в вузе, касающиеся сущности, функций, критериев и принципов оценочной деятельности.

Развитие научных представлений об оценке как категории системы качества осуществляется в русле основных направлений исследования проблем управления качеством образования. В настоящее время определились следующие направления исследований: а) концептуально-методологические исследования, в которых рассматриваются различные аспекты оценки качества образования, выделяются совокупности показателей и расставляются приоритеты в определении его критериев, закладываются теоретические основы инновационных методов управления качеством образования и научной организации процесса управления (Ю.П.Адлер, В.И.Андреев, А.Г.Бермус, М.Б.Гузаиров, Н.Ф.Ефремова, В.А.Качалов, Г.С.Ковалева, А.Н.Майоров, А.А.Макаров, В.М.Монахов, В.П.Панасюк, М.М.Поташник, А.И.Субетто и др.); б) работы по созданию государственных образовательных стандартов и систем менеджмента качества образования, включающие положения о стандартизации целевых ориентиров и составляющих процесса управления качеством образования (О.В.Аристов, В.И.Байденко, В.А.Исаев, В.А.Качалов, С.И.Колесников, Э.М.Коротков, С.К.Круглов, В.А.Нефедов, Н.А.Селезнева, В.П.Соловьев, Ю.Г.Татур и др.); в) исследования в области оценки состояния, изменений и тенденций в образовании, базирующиеся на теории педагогических измерений, получивших интенсивное развитие после начала эксперимента по введению единого государственного экзамена в нашей стране (В.С.Аванесов, А.Е.Бахмутский, В.Н.Белобородов, В.А.Болотов, М.Б.Гузаиров, Н.Ф.Ефремова, В.И.Звонников, Э.М.Коротков, О.З.Кузнецова, И.И.Легостаев, А.Н.Майоров, Е.А.Михайлычев, А.И.Севрук, А.О.Татур, А.Г.Шмелев и др.).

Несмотря на широкий круг перечисленных имен ученых и новаторов-практиков, анализ публикаций и изучение практического опыта контрольно-оценочной деятельности позволяют констатировать отсутствие научно обоснованной концепции оценки качества профессионального образования в вузе. Это порождает существенное противоречие в сфере управления качеством вузовского образования – между потребностью в целостном представлении о состоянии и перспективах повышения качества образования на основе выявления его уровня и прогнозирования новых достижений в деятельности всех компонентов образовательной системы вуза с одной стороны, и неразработанностью методологии оценочной деятельности, адекватной сущностным характеристикам данной системы, - с другой.

В практическом плане актуальность концептуального обоснования оценочной деятельности в области качества образования в вузе обусловлена необходимостью совершенствования оценки качества, придания ей системного характера и реализации ее развивающей функции в соответствии с современными требованиями модернизации отечественного образования.

В теоретическом плане актуальность создания целостной концепции оценки качества профессионального образования определяется недостаточным уровнем разработок по теоретико-методологическим основам оценочной деятельности, рассматриваемым в контексте актуальных проблем управления качеством образования, обладающих объяснительной силой в отношении осуществления системы оценочной деятельности в вузе.

В педагогической науке до настоящего времени не сложилось корректного общепринятого определения оценки качества образования. Она характеризуется как мера качества (В.А.Кальней, С.В.Шишов и др.), инструмент управления качеством (В.И. Байденко, В.С.Сенашенко, Г.Ф. Ткач и др.), совокупность контрольно-оценочных процессов, основанных на системах педагогических измерений (В.А. Болотов, В.И.Звонников и др.) и проч.

В рамках предмета профессиональной педагогики оценку качества профессионального образования правомерно трактовать как сложный педагогический объект или систему, так как она является не только механизмом управления качеством посредством выявления

состояния целостного образовательного процесса вуза, но и средством преобразования его субъектов, изменяя их установки, потребности, отношение к учебно-воспитательной деятельности, создавая условия для проектирования нового качества образовательного процесса [1]. Системный характер ей придают такие характеристики, как целесообразность, многофункциональность, процессуальность, разнонаправленность, результативность.

Констатация системного характера оценки приводит к закономерному выводу о единстве целей оценочной деятельности и управления качеством образования в вузе в целом. То есть, целью оценочной деятельности является повышение качества образования, которое достигается в процессе совершенствования (развития) целостной образовательной деятельности вуза.

Известный опыт в области менеджмента качества образования (Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ», Томского государственного политехнического университета и мн. др.) свидетельствует о том, что в вузовском образовании он все более определенно приобретает характеристики развивающего управления, это, в свою очередь, позволяет рассматривать все его элементы (в том числе и оценку) с точки зрения реализации их развивающего потенциала и ввести в научный оборот понятие «развивающая функция оценки качества образования».

Функция явления всегда воплощается в его деятельности со свойственным ей результатом. Поэтому исследование функциональных характеристик обязательно предполагает изучение этого явления в аспекте его интегративного результата. Последний обеспечивается взаимодействием компонентов единого целого, каждый из которых, внося свой особый вклад в движение к этому результату, вместе с тем не в состоянии обеспечить его в одиночку. Это не позволяет ограничить оценочную деятельность в области качества образования только выявлением соответствия учебных достижений студентов имеющемуся нормативу, а требует обеспечить разнонаправленность оценочной деятельности.

В сфере профессиональной педагогики системное рассмотрение оценки качества образования основано на единстве теоретического и технологического подходов. Это дает возможность расширить сферу

применения оценки и определить следующие направления оценочной деятельности: а) оценка состояния вуза как многоэлементной, сложной образовательной системы; б) оценка целевых ориентаций вуза (ориентационного поля); в) оценка содержания образования, технологий, методов и средств образовательной деятельности; г) оценка состояния субъектов профессионального образования; д) оценка результатов учебно-воспитательной деятельности вуза; е) оценка перспектив развития образовательной системы вуза и достижения вузом нового качества профессионального образования.

Понятие «развивающая функция оценки качества образования» приближается к знанию проективного уровня, фиксируя теоретическое представление об общей направленности оценки на достижение социального заказа – повышение качества образования. Эта функция, осмысленная на уровне теоретического знания, включает в себе представление об общих нормативах, регулирующих процедуры проектирования оценки через параметры ее целевой организации и соответствующие подходы к отбору ее содержания и методов. Поэтому данная функция может быть представлена и как проектируемая цель, обуславливающая гарантированное движение к повышению качества образования в вузе, и как важнейшая форма фиксации актуального уровня качества образования в сопоставлении с его требуемым (нормативным) уровнем.

Осуществление развивающей функции требует выдвижения некоторой совокупности требований, предъявляемых к проектированию содержательной и процессуальной сторон оценки и базирующихся на педагогической интерпретации положений философии и психологии о механизмах развития. По сути, в данном случае речь идет о педагогическом обосновании такой стратегии оценки качества образования, которая способствует обеспечению планомерного перехода вуза из зоны актуального состояния качества в зону потенциально достижимого, более высокого качества образования. Действие этих механизмов становится возможным в силу того, что понятие «качество образования в вузе» имеет не только нормативную составляющую, все более унифицирующуюся в связи с положениями Болонского процесса, но и субъективную, связанную с состоянием субъектов образовательного процесса и их деятельностью в данном процессе. Если первая составляющая характеризуется

относительной устойчивостью, то последняя отличается динамичностью и изменчивостью, а также значительным потенциалом развития.

Развитие образовательного процесса вуза обусловлено сменой методологических приоритетов в образовании, которые обращены к личности, ее творческому потенциалу и смысло-жизненным ориентациям, раскрытию внутренних механизмов самостоятельности, активности и профессионального становления обучающихся [2]. Данные приоритеты в полной мере относятся к оценке качества образования в вузе и выступают ориентирами в определении методологии оценочной деятельности или, иначе, в определении педагогической парадигмы данной оценки. Определяя методологию оценочной деятельности, следует принять во внимание коммуникативный характер образовательного процесса вуза как его существенный признак. Коммуникативная ориентация образовательного процесса вуза и педагогическая коммуникация как его логический центр обуславливают выбор его ориентиров: а) во внешней среде вуза это ориентация на расширение контактов с ближним социумом и дальним окружением, приобретение новых и укрепление имеющихся партнерских связей; б) во внутреннем пространстве вуза это ориентация на диалогическое взаимодействие всех участников образовательного процесса. А в совокупности – это ориентация на формирование целостного информационного пространства, способствующего активной образовательной коммуникации его субъектов, и стремление к непрерывному совершенствованию и достижению более высокого уровня целостности [3].

Следовательно, представляется логичным рассматривать оценку качества образования в вузе как стабильный элемент его образовательного пространства, характеризующийся коммуникативной ориентацией. При этом обобщенными параметрами оценивания выступают следующие: а) вуз как субъект собственного развития; б) ориентационное поле развития как основа целостности образовательного пространства вуза; в) характер образовательной деятельности, опосредованный ориентационным полем развития; г) степень удовлетворенности субъектов образовательного пространства вуза уровнем его образовательной деятельности; д) результаты подготовленности выпускников к профессиональной деятельности; е)

проекты развития - как каждого субъекта, так и вуза в целом (наличие перспективных ориентиров на успех).

Признание коммуникативной сущности образовательного процесса вуза позволяет уточнить авторскую характеристику оценки качества профессионального образования в вузе и представить ее модель в русле коммуникативной парадигмы как совокупность следующих взаимосвязанных компонентов:

- целевой, определяющий общую развивающую направленность оценочной деятельности и включающий прогностическое представление о должном состоянии всех элементов образовательного пространства вуза в соответствии с современными требованиями к качеству образования;

- регулятивный, включающий способы и приемы оценочной деятельности для выявления и управления информационно-коммуникативными потоками и процессами в рамках образовательного пространства вуза;

- презентативный, включающий способы представления оценочной информации в образовательном пространстве вуза;

- преобразующий, включающий способы демонстрации отношения к полученной информации и способы организации коммуникации, ориентирующей на дальнейшее развитие и саморазвитие.

Модель коммуникативно-ориентированной оценки может служить концептуальным основанием для систематической практической оценочной деятельности при изучении качества образования в вузе, а полученная в результате фактическая информация – базой для обоснованного выбора управленческих воздействий.

Педагогический подход к исследованию оценки качества образования в вузе предполагает определение критериев эффективности оценочной деятельности, соответствие которым представляет собой интегративный результат оценки в области качества вузовского образования. Концептуальное значение при этом имеет опора на ориентационное поле вуза, так как сами по себе критерии оценки имеют значение ориентиров для управляемого развития образовательного процесса:

- Критерий результативности деятельности вуза как показатель достижений всех субъектов образовательного пространства: а) соответствие образовательному стандарту (показатели – результаты обучения и воспитания, подтвержденные данными государственной аттестации и соответствующими сертификатами); б) соответствие запросам рынка труда и работодателей (показатели – востребованность выпускников на рынке труда, отзывы работодателей); в) профессиональный рост преподавательского состава (показатели – научная и учебно-методическая продукция, достижения, подтвержденные соответствующими сертификатами).

- Критерий субъективной удовлетворенности качеством образования (показатели – рефлексивные оценки субъектов образовательной деятельности: студентов, преподавателей, сотрудников, социальных партнеров).

- Критерий «углубления развития», наличия тенденции к развитию всех вузовских подсистем – управленческой, материально-технической, педагогической и т.д. (показатели – программы развития для всех подсистем вуза, проекты и проч.).

- Критерий непротиворечивости и соответствия принципам развития системы более высокого порядка, то есть согласование ориентационного поля вуза и системы образования в целом (показатели – наличие в образовательном процессе вуза согласованно работающих элементов, соответствующих современным требованиям к качеству образования).

- Критерий экономического и материального развития (показатели – состояние ресурсов и перспектив их развития, соответствие требуемых и реальных затрат на образовательную деятельность).

Остановимся на принципах оценочной деятельности в профессиональном образовании в вузе. В практике реализации оценочной деятельности эти принципы обеспечивают ее соответствие концептуальным положениям и системный характер оценки. Принимая во внимание приведенные выше концептуальные положения, представляется целесообразным соблюдение следующих основных принципов оценки: а) системно-структурного подхода к оценке качества вузовского образования; б) сочетания нормативного (требования ГОСов и других нормативных документов),

профессионального (запросы рынка труда) и субъектно-личностного (потребности и запросы профессионально и лично развивающихся субъектов) контекстов профессионального образования; в) полноты и достоверности результатов оценки; г) сочетания объективных и рефлексивных методик в оценочной деятельности; д) открытости оценочной деятельности и всех оценочных процедур.

Библиографический список

1. Жигалев Б.А. Педагогическая система оценки качества образования в вузе: современное состояние и перспективы развития // Вестник Нижегородского гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2009. С. 24-29.

2. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года: Распоряжение № 1756 от 29.12.2002 г. // Бюллетень Минобразования РФ. 2002. № 2. С. 3-31.

3. Жигалев Б.А. Коммуникативная парадигма оценки качества образования в вузе // Вестник Вятского гос. гуманитарного ун-та. Педагогика и психология. Научный журнал. Киров: ВГГУ. 2009. № 3(3). С.20-23.

Сведения об авторе

Жигалев Борис Андреевич
кандидат филологических наук, доцент,
профессор кафедры основ английского языка,
ректор НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: zhigalev@lunn.ru

ОБУЧЕНИЕ РАБОТЕ С ВИДЕОМАТЕРИАЛАМИ КАК ВИДУ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ

Т.С. Малышева

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье предлагается подход к работе с видеоматериалами как специфическому виду речевой деятельности, и рассматриваются лежащие в его основе навыки и умения. Предлагается система упражнений для их формирования и развития

Ключевые слова: видеоматериалы, вид речевой деятельности, навыки и умения, система упражнений.

**Using Video-Materials in Teaching German
Tatyana Malysheva**

The article offers an approach to using video materials as a specific type of language activity. The article discusses basic abilities and skills of this type of language behavior and offers the system of exercises to mould them.

Key words: video materials, type of language behavior, abilities and skills, the system of exercises.

Видеоматериалы (ВМ) давно и успешно используются для развития и совершенствования умений аудирования (И.Я. Малютина, С.А. Могилевцев и др.), диалогической и монологической речи (А.В. Шадрин, М.Г. Каспарова, А.В. Нагорная, И.А. Щербакова и др.), для семантизации лексических единиц (Г.Г. Левченко, Н.Б. Глебова, Т.И. Капитонова и др.), формирования и совершенствования грамматических и произносительных навыков (Л.Г. Саватеева, Н.А. Шеллингер, В.И. Клемент и др.). Отдельные работы были посвящены использованию ВМ для обучения речевому этикету на ИЯ (К.В. Архангельская, Д.О. Добровольский), контролю навыков и умений в говорении и аудировании (Н.С. Шебеко, Н.С. Руссинковская). Однако в большинстве случаев дидактический потенциал ВМ используется все же недостаточно эффективно. При подготовке к работе с ВМ следует исходить из того, что восприятие и переработка аудиовизуальной информации представляет собой специфический рецептивный вид речевой деятельности, эффективность которого напрямую зависит от сформированности соответствующих навыков и умений. К ним можно отнести умения: соотносить элементы

зрительного ряда с соответствующими им элементами аудиоряда и наоборот; соотносить вербальную информацию аудио- и видеоряда с невербальными объектами; распознавать коннотативное значение элементов киноязыка; оперировать терминологическим аппаратом киноязыка; определять художественную композицию ВМ; прогнозировать возможное развитие событий; выделять лингвострановедческую и социокультурную информацию в ВМ, сравнивать ее с соответствующими феноменами в родной культуре и выявлять лакуны; составлять социокультурный портрет персонажей и прогнозировать их поведение на основе данного портрета; формулировать главную идею экранного произведения, авторский замысел; выражать собственные чувства и эмоции от увиденного; давать собственную оценку событиям и героям экранного произведения.

Формирование названных умений должно осуществляться уже на начальном этапе обучения посредством соответствующих упражнений, которые по традиции можно разделить на тренировочные (подготовительные), условно-речевые и речевые. Тренировочные упражнения стимулируют и тренируют психофизиологические механизмы, лежащие в основе аудиовизуального восприятия. К ним можно отнести: механизм визуализации, вербализации, антиципации, узнавания, механизмы памяти, наблюдательности, интуиции и воображения. Примерами подобных упражнений могут быть следующие:

- *попытайтесь создать представление о происходящем на экране на основе звукоряда;*
- *изложите последовательность событий на основе видеоряда;*
- *определите содержание речи героев на основе видеоряда, обоснуйте свое мнение;*
- *воспроизведите по памяти обстановку/внешность героев;*
- *найдите элементы аудио-/видеоряда, которые свидетельствуют о времени/месте действия.*

Особое место среди тренировочных упражнений занимают специфические упражнения, направленные на развитие умений художественной интерпретации, успешность которой, в свою очередь, обеспечивается наличием элементарных знаний о системе киноязыка, навыков их применения на практике. Вот примеры таких заданий:

- объясните чередование в фильме/ фрагменте цветных и черно-белых кадров;

- определите композиционную структуру фильма/ фрагмента;

- объясните, какую роль играет крупный план в данном кадре, на чем и с какой целью концентрируется внимание зрителя;

Формирование знаний о системе киноязыка возможно на основе специального глоссария. На начальном этапе обучения, при низком языковом уровне обучаемых, подготовительные упражнения должны проводиться в форме тестов на множественный выбор, например:

Музыка в данном кадре:

а) подчеркивает красоту пейзажа;

б) передает душевное волнение героя;

с) вступает в контраст с внутренним состоянием героя.

Подготовительные упражнения призваны формировать и совершенствовать навыки и умения работы с ВМ, поэтому они могут быть использованы и на продвинутом этапе обучения параллельно с другими упражнениями.

Что касается условно-речевых и речевых упражнений, то некоторые исследователи считают, что они должны соответствовать стратегии просмотра, которая, как и при обучении чтению и аудированию, может быть а) курсорной (понимание основного содержания фильма/ фрагмента), б) селективной (поиск конкретной заданной информации) и с) детальной (детальное понимание просмотренного фильма/ фрагмента) [1]. Примерами упражнений могут быть следующие:

для курсорного/ глобального просмотра:

- определите, кому из персонажей принадлежат данные высказывания;

- разделите фильм/фрагмент на смысловые части;

для селективного просмотра:

- выпишите основную информацию по заданным пунктам

для детального просмотра:

- ответьте на вопросы по содержанию фильма;

- закончите следующие предложения в соответствии с увиденным/ услышанным.

Следующим принципом при составлении упражнений является соответствие виду компетенции, формируемому на их основе.

Наиболее целесообразным является использование ВМ для формирования речевой, социокультурной и дискурсивной компетенции. Примерами таких упражнений могут быть:

- *разыграйте диалог между героями в новой ситуации, опираясь на знания об их взаимоотношениях (речевая компетенция);*

- *составьте социокультурный портрет героя на основе имеющейся в тексте информации, внешности персонажа и его поведения (социокультурная компетенция);*

- *определите закономерности вербального/ невербального поведения персонажей в схожих ситуациях на основе ряда фрагментов (дискурсивная компетенция).*

Конечно, данное разделение можно принять условно, поскольку все три компетенции образуют некое единство. Формирование каждой из них происходит параллельно с формированием двух других, а, следовательно, большинство заданий и упражнений служит одновременно развитию каждой из названных компетенций.

При дидактизации ВМ целесообразнее всего классифицировать упражнения по стратегиям их выполнения на аналитические, имитационные и драматические.

Целью аналитических упражнений является развитие умений анализировать структуру и содержание видеодискурса. При выполнении данных упражнений обучаемые призваны решать следующие учебные задачи: а) определять тип ситуации, место, время коммуникации; б) составлять социокультурные портреты коммуникантов; в) определять их межличностные, ролевые и статусные взаимоотношения; г) устанавливать закономерности коммуникации при различных типах взаимоотношений и др. Примеры таких заданий:

- *определите, на каком этапе диалога изменился характер общения, какие вербальные/невербальные средства указывают на это изменение;*

- *попытайтесь сформулировать правила вербального/ невербального поведения носителей языка в данной ситуации на основе просмотренных фрагментов.*

Для формирования социокультурной компетенции на ИЯ немаловажное значение имеют имитационные упражнения, поскольку имитация является одним из основных механизмов процесса

социализации. При работе над упражнениями данной группы представляется не только допустимым, но и необходимым использование скриптов содержащихся в ВМ диалогов/ полилогов: во-первых, целью упражнений не является развитие навыков и умений аудирования; во-вторых, использование скриптов позволяет избегать многократных просмотров и в значительной мере экономит учебное время. Выполнение имитационных упражнений осуществляется по следующим этапам: 1) постановка задания; 2) просмотр фильма/ фрагмента; 3) краткое обсуждение и анализ просмотренного фильма/ фрагмента; 4) вторичный просмотр фильма/ фрагмента с использованием транскрипции и одновременном проговаривании текста про себя или вполголоса; 5) выразительное чтение текста диалога/ полилога по ролям; 6) заучивание и воспроизведение текста/ фрагментов текста; 7) использование отдельных фрагментов текста в других (сходных) дискурсах.

Упражнения на драматизацию представляют собой в первую очередь ролевые игры на основе просмотренных ВМ. При этом отдельные элементы видеодискурса могут подвергаться варьированию, например, условия общения, число участников коммуникации, коммуникативные интенции собеседников и т.д. Примером таких упражнений могут быть следующие:

- Каким образом повлияло бы на развитие разговора появление третьего лица, выступающего на стороне одного из коммуникантов? Инсценируйте данный вариант эпизода.

Г.В. Елизарова называет драматизацию наиболее эффективным приемом формирования *эмпатического отношения к участникам межкультурного общения* – одного из принципов межкультурной коммуникации. По ее мнению, отличие драматизации от собственно ролевой игры состоит в том, что «участники должны не просто симитировать роль на лингвистическом уровне, <...>, но пережить ситуацию эмоционально, вжившись в роль своего героя...» [2]. И.-К. Швердтфегер также подчеркивает, что подобная «суррогатная жизнь» обладает большим потенциалом для стимулирования говорения на занятиях по ИЯ [3]. Данный прием представляется методически оправданным и эффективным, поскольку позволяет избежать культурной интерференции. Однако, поскольку драматизация

существенно отличается от традиционных ролевых игр, необходимо выделить некоторые принципы, лежащие в основе ее использования:

1) наличие у обучающегося предварительных знаний о социальных нормах, поведенческих клише, вербальных и невербальных средствах общения, принятых в культуре инофона и в субкультурах, к которым относятся участники ситуации и т.п.;

2) предварительное формирование у обучающегося четкого представления о проигрываемой роли, представленной с помощью вербального описания (возраст, род занятий, характер и т.д.).

К упражнениям на драматизацию можно отнести и такие упражнения, как: а) воссоздание сценария отдельных просмотренных видеофрагментов и б) написание собственного сценария по заданной теме. Обучающиеся познают особенности кодирования информации ВМ в процессе собственного творчества, и как следствие - развивают собственные умения декодирования и интерпретации данной информации.

Подход к работе с видеоматериалами как к речевой деятельности, формирование соответствующих навыков и умений, соответствие стратегии просмотра и типов упражнений поставленной цели, учет жанровой специфики видеоматериалов повышает эффективность их использования в обучении иноязычному общению.

Библиографический список

1. Brandi M.-L. Video im Deutschunterricht. Goethe-Institut München, 1996. С. 18.
2. Елизарова Г.В. Формирование межкультурной компетенции студентов в процессе обучения иноязычному общению: Автореф. дис. ... докт. пед. наук. СПб., 2001. С. 31.
3. Schwerdtfeger I.-C. Sehen und Verstehen. Arbeit mit Filmen im Unterricht Deutsch als Fremdsprache. Langenscheidt KG Berlin und München, 1989. С. 23.

Сведения об авторе

Малышева Татьяна Сергеевна
ассистент кафедры немецкого языка
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: TSM70@list.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

ВКЛАД ВУЗОВ В РЕГИОНАЛЬНОЕ ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ГЕРМАНИИ

И.Н. Жуков

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Подчеркивая вклад вузов в региональное инновационное развитие Германии, мы используем систему оценки качества проведенных в вузах исследований, основанную на объеме привлеченных частных спонсорских средств. Предложенные в статье рекомендации должны способствовать увеличению позитивного регионального вклада немецких вузов.

Ключевые слова: региональное инновационное развитие, региональная роль вузов, региональные потоки знаний, Немецкое научно-исследовательское объединение, трансфер технологий.

Contribution of Higher Education Institutions on Innovation Development in Germany Ivan Zhukov

Analyzing the contribution of higher education institutions to regional innovation development in Germany, we use the system of evaluating research quality based on the amount of raised private funds. Recommendations outlined in the article should increase positive impact German higher education institutions on regional economy.

Key words: regional innovation development, regional impact by schools of higher learning, regional spillover, German Research Foundation, technology transfer.

Изучение влияния вузов на региональное инновационное развитие Германии представляет интерес по разным причинам. Во-первых, существует множество примеров тому, как вузы внесли существенный вклад в региональное развитие. Особо отметить можно роль Стенфордского университета в возникновении и развитии Силиконовой долины или значение Массачусетского технологического института в развитии региона вокруг Бостона. Во-вторых, многие исследования показали, что иницилируемые в вузах инновационные процессы включены в региональную среду, и что эта региональная среда может определять многое в экономике. И, в-

третьих, открытие и расширение вузов нередко используется в качестве инструмента региональной политики стимулирования социально-экономического развития. Например, при развитии западногерманской системы вузов в 70-е годы важное значение имели регионально-политические соображения или, например, в Великобритании строительство вузов часто было напрямую связано с поддержкой регионального развития. При этом, несомненно, встает вопрос, насколько оправдывает себя такая стратегия, согласно которой вузы представляют собой отправную точку регионального развития. И если эта стратегия верна, то как воздействие вузов на региональное развитие может быть усилено?

Изучение четырех восточногерманских регионов

Чтобы установить ясные взаимосвязи между вузами и региональным развитием, мы взяли исследования Немецкого научно-исследовательского объединения о четырех разных восточногерманских регионах: Дрезден, Галле, Йена и Росток [1]. Данные регионы были квалифицированы следующим образом: Дрезден и Йена как ведущая группа регионов, Галле и Росток как догоняющие регионы.

В изучении регионов были важны следующие данные:

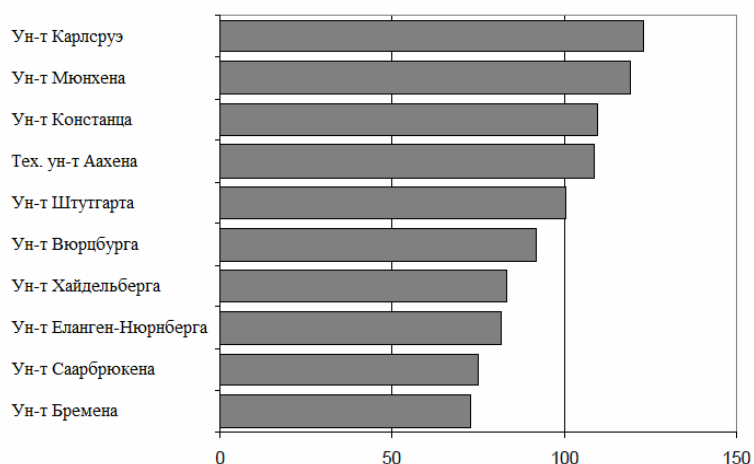
- Анализ развития вузов и других государственных научно-исследовательских организаций в регионе на основе вузовской статистики и других сведений;
- Опрос региональных экспертов;
- Опрос почтой преподавателей вузов, целью которого было узнать об интенсивности сотрудничества с частной экономикой;
- Интервью с рядом особенно активно участвующих в программах сотрудничества преподавателей вузов;
- Переговоры с руководством самых крупных вузов рассмотренных регионов.

Если рассматривать развитие вузов в указанных четырех регионах, а также во всех восточных землях в целом, то становится очевидным, что материально-техническое оснащение и обеспеченность научными и ненаучными кадрами уже давно находятся на том же уровне, что и в Западной Германии. А некоторые вузы обладают даже лучшей инфраструктурой, чем в западных

землях. В чем отстают, как правило, восточногерманские земли, так это в качестве исследований, которое мы можем оценить по объему полученных спонсорских средств.

Для иллюстрации результатов на рисунке 1 указаны полученные в 2006 году ведущими университетами западных и восточных земель спонсорские средства от Немецкого научно-исследовательского объединения в пересчете на одного профессора. При этом спонсорская помощь была выбрана именно со стороны Немецкого научно-исследовательского объединения, так как этот источник спонсорских средств важен для всех факультетов и средства выделяются в рамках немецкого федерального конкурса. Единственное возражение, которое может иметь место, возникает в отношении спонсорских средств для имеющих привилегии технических университетов, так как проекты по инженерным специальностям более затратны, а, значит, требуется привлечение большей спонсорской помощи, чем по другим специальностям. Но даже если сравнивать результаты ведущих многопрофильных университетов западных и восточных земель, например, результаты университетов Констанца и Вюрцбурга, и результаты университетов Галле и Йены, можно увидеть разительные отличия.

Западные земли Германии

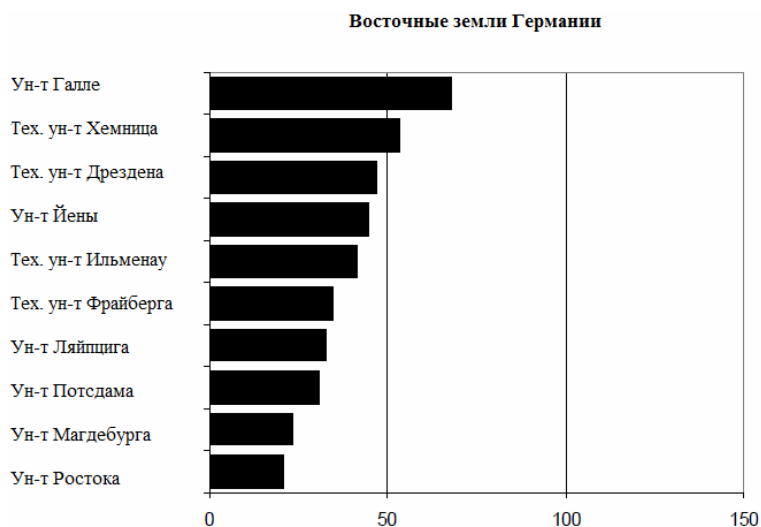

Рисунок 1: спонсорские средства Немецкого научно-исследовательского объединения в пересчете на одного профессора в 2006 году (1000 €)

Источник: вузовская статистика (собственная обработка)

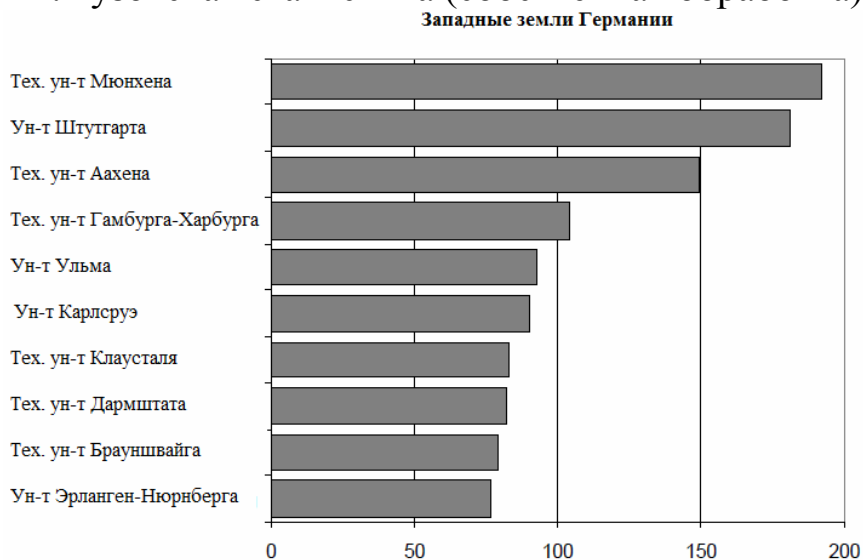

Рисунок 2: частные спонсорские средства в пересчете на одного профессора в 2006 году (1000 €)

Источник: вузовская статистика (собственная обработка)

Еще больший разрыв виден в объеме полученных средств со стороны частных предприятий (без средств из фондов, рисунок 2). При этом речь идет, как правило, о вознаграждении за заказанные исследования, а также о средствах, полученных в рамках общих исследовательских проектов. Размер спонсорской помощи из частных источников говорит об уровне интенсивности трансфера знаний в частный сектор и уровне объединения в сети с предприятиями. Также по этому критерию ведущие западногерманские вузы находятся впереди. Так, ни один из ведущих восточногерманских вузов не находится в десятке лучших по объему полученных от Немецкого научно-исследовательского объединения вузов. Только техническому университету Фрайберга удалось занять седьмое место по объему привлеченных средств из частного сектора. Существуют убедительные причины тому, почему восточногерманские школы до сих пор имеют такой неуспех.

Опрос преподавателей вузов не выявил существенных отличий между регионами касательно отношения к сотрудничеству и к связанным с ним аспектам. И действительно: преподаватели различных вузов в различных регионах придерживаются одинакового мнения относительно роли сотрудничества. Различия в фактическом отношении к сотрудничеству связаны с географическим положением.

Роль пространства заключается в том, что, как правило, предпочтения отдаются тому партнеру для сотрудничества, который находится в непосредственной географической близости, так как это облегчает прямой личный контакт. Если в регионе нет подходящего партнера для сотрудничества, тогда принимается решение о том, чтобы сотрудничать с предприятием, находящемся на большем расстоянии, что, как следствие, ведет тому, что знания коммерциализируются не в регионе, где находится вуз.

Если, как в случае с Востоком, основные исследования университета проводятся в таких областях как регенеративная медицина, геновая инженерия и биотехника, а экономика региона сводится к рыбному промыслу и находящейся на спаде судостроительной промышленности, то в регионе почти не существует потребителей научных достижений. В результате в регионе нет какого-либо трансфера знаний. Региону не хватает так называемой «поглощающей способности» для исходящих от вуза импульсов.

На вопрос о том, что препятствует сотрудничеству, преподаватели вузов часто отвечали следующее:

- Дефицит кадров, подготавливающих и развивающих проекты по привлечению спонсорских средств;
- Ограничение максимальных сроков нахождения на должности научных сотрудников вузов;
- Высокая преподавательская занятость для активно занимающихся наукой преподавателей, при этом научная деятельность не учитывается при распределении преподавательской нагрузки;
- Слишком слабое ориентирование на результаты исследований при распределении средств внутри вузов.

Кроме того, вузы в восточных и западных землях отличаются своим руководством, которое в некоторых восточногерманских землях воспринимается как препятствующее, а не помогающее в развитии совместных с частными предприятиями проектов. Такие сведения о руководстве вузов со стороны преподавателей нужно интерпретировать с долей осторожности. Если спрашивать преподавателей о конкретных критических моментах, то преподаватели хотели бы видеть со стороны руководства больше

поддержки в кадровой политике, в определении формы и содержания договоров и в операциях по исполнению договоров с частными предприятиями. Улучшения в данной области могут способствовать в некоторых восточногерманских вузах активизации сотрудничества с предприятиями и тем самым усилению влияния вузов на региональное развитие. Влияние вузов, которое ограничивается только работой отделов трансфера технологий и использования патентов, кажется явно недостаточным [2].

Основная проблема отделов трансфера состоит в том, что они должны быть включены в соответствующие профессиональные сети с тем, чтобы эффективно осуществлять трансфер технологий. Другой аргумент, который приводят преподаватели вузов, состоит в том, что за развитие проектов преподаватели не получают никаких доходов, работая практически бесплатно. Хотя преподаватели имеют чрезвычайно высокий уровень внутренней мотивации, нельзя пренебрегать и внешней мотивацией [3]. На практике отсутствие возможности получать доходы от реализации проекта ведет часто к тому, что определенные проекты проводятся за пределами вузов и носят неофициальный характер.

На наш взгляд, существуют три пути решения проблемы слабого «поглощения» регионом научно-исследовательских разработок вузов.

Во-первых, усиленное ориентирование исследований вузов на региональную экономику. Однако эта специализация не должна быть слишком узкой, так как таким образом осложнено возникновение новых научных областей. Кроме того, новое в науке часто возникает на пересечении нескольких дисциплин, что делает необходимым определенное многообразие научных областей.

Во-вторых, основание в регионе сотрудничающих с вузами предприятий при государственной поддержке.

В-третьих, основание предприятий при вузах. Научное предприятие при вузах специализируется в тех научных областях, которые представлены в вузе. Предприятия устанавливают контакты с соответствующими сотрудниками вуза, так что сотрудничество складывается часто автоматически.

Подводя итоги, можно сказать, что для уровня влияния вузов важны четыре существенных фактора:

- Качество научных исследований, проводимых в вузе;

- «Поглотительная способность» соответствующего региона;
- Объединение в сети вузов и частных предприятий, сотрудничество участников в инновационном процессе в рамках разделения труда;
- Вовлеченность в глобальные потоки знаний.

Библиографический список

1. Годовой отчет Немецкого научно-исследовательского объединения // Электронный ресурс Интернет: www.dfg.de/jahresbericht
2. Fritsch M. Hochschulen, Innovation, Region. Wissenstransfer im räumlichen Kontext / M. Fritsch, T. Henning, V. Slavtchev, N. Steigenberger. Berlin: edition sigma, 2007.
3. Wissenschaftsrat. Empfehlungen zur Interaktion von Wissenschaft und Wirtschaft. Köln, 2007.

Сведения об авторе

Жуков Иван Николаевич
аспирант кафедры международных отношений и политологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-Mail: inzhuk@yandex.ru

«SOZIALSTAAT» В ПОСТОБЪЕДИНЕННОЙ ГЕРМАНИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Б.А. Ночвина

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматриваются проблемы интеграции западных и восточных земель Германии после объединения страны, причины ревизии традиционной модели социального государства и перспективы социальной политики ФРГ в программных документах ведущих партий страны.

Ключевые слова: социальное государство, интеграция, социальная политика, реформа, кризис.

“Sozialstaat” in Post-United Germany: Problems and Perspectives Bella Nochvina

The article focuses on the issues of integrity of eastern and western lands of Germany after unification. It analyzes the reasons for revising the traditional model of the social state and the perspectives in the social policy of the Federal Republic of Germany in programmatic documents the leading parties of the country.

Key words: social state, integrity, social policy, reform, crisis.

В основе модели социального государства в ФРГ лежат две концепции «Sozialstaat» - демократический социализм, представленный партией СДПГ, и концепция социально-ориентированной экономики, выработанная блоком ХДС/ХСС. В условиях преемственности социальной политики ведущих партий Германии на протяжении почти всего периода существования ФРГ главным девизом социального государства становится свобода выбора – предпринимательской деятельности, заключения тарифного соглашения, потребления и т.д. В отличие от американской модели социального государства германский вариант «Sozialstaat» более дифференцирован и ориентирован на индивидуальные усилия граждан. Принцип субсидиарности является основополагающим в социальной доктрине ФРГ.

Ухудшение экономического положения Германии в постобъединенный период, вызванное интеграционными процессами новых федеральных земель, поставило правительство ФРГ перед необходимостью ревизии традиционной модели социального

государства. Главной задачей внутренней политики современной Германии является следующее - сохранить темпы модернизации, без чего ФРГ утратит свои экспортные позиции на мировом рынке, и одновременно обеспечить социальную стабильность путем взвешенной социальной политики. В связи с чем социальная политика становится в центр межпартийной борьбы ФРГ. Предлагается реформировать дорогостоящую систему социального обеспечения и народного образования, сократить долю государства в области частного предпринимательства. Но сделать это сложно, потому что Германия, согласно ст.20 Основного закона ФРГ, является не только правовым и федеративным государством, но и социальным [1].

После объединения страны действие Основного закона распространилось и на новые восточные земли. Сам процесс экономической интеграции в Германии имеет детально разработанную политико-правовую базу. Правовыми основами экономической интеграции Германии, помимо Основного закона [2], являются:

- Договор о создании валютного, экономического и социального союза между ФРГ и ГДР от 18 мая 1990 г.;
- Закон о приватизации и реорганизации народного имущества от 17 июня 1990 г.;
- Закон об общих конкретизирующих критериях для распределения доходов от налогов с торгового оборота, для выравнивания финансовых возможностей земель и дополнительных отчислений Федерации от 9 сентября 2001 г.;
- Закон о выравнивании финансовых возможностей между Федерацией и федеральными землями от 20 декабря 2001 г.

Сравнительный анализ экономического развития западных и восточных земель показал, что меры, предпринимаемые правительством в постобъединенный период, не привели к действительному выравниванию федеральных земель [3]. Новые федеральные земли до сих пор являются дотационными, и на них приходится основной объем средств, распределяемых в рамках механизма выравнивания возможностей земель, а также Второго пакта солидарности, принятого в 2001 г. Очевидным становится тот факт, что Федерация не может бесконечно субсидировать новые земли, срок выплат восточногерманским регионам истекает в 2019 г.

Экономическая стагнация Германии стала главной причиной ревизии модели социального государства. Процесс пересмотра социальной политики, разработка более эффективной социальной концепции стал стержнем межпартийной и внутрипартийной борьбы в ФРГ. На сегодняшний момент можно выделить три основных направления модернизации «Sozialstaat»:

- умеренная политика с упором на расширение интересов предпринимательства и с ориентацией на возрастающую роль принципа субсидиарности, представленная правящей коалицией ХДС/ХСС – СвДП;
- «третий путь» - концепция СДПГ, который сочетает принцип социальной справедливости с корректировкой социальной политики в духе неолиберализма;
- традиционалистский вариант, поддерживаемый партиями «Левые», «Зеленые» – высокое налогообложение крупного предпринимательства и сохранение более высоких социальных выплат.

Сближение социальных доктрин ведущих партий страны – ХДС и СДПГ усилилось в рамках действия правительства «Большой коалиции», обе партии высказались за создание действенного контроля над финансовыми структурами, в том числе и на международном уровне.

На Всемирном экономическом форуме в Давосе 30 января 2009г. канцлер ФРГ А. Меркель высказалась за распространение во всем мире социальной рыночной системы, существующей в Германии. Это подразумевает большую эффективность германской модели «Sozialstaat» в условиях мирового финансового кризиса, но так ли это?

Ряд экспертов считают политику континуитета ХДС/ХСС и СДПГ удачным синтезом правового и социального государства, другие заверяют, что принцип правового государства в ФРГ все чаще нарушается в пользу принципа социального государства. Последнюю точку зрения разделяет видный представитель современного немецкого либерализма Гюнтер Рормозер. «Права, вытекающие из принципа правового государства, – утверждает Рормозер, - конечно, совершенно другого рода, чем те, которые обуславливаются принципом социального государства: это права-гарантии. Принцип

правового государства означает ограничение государственного вмешательства. А принцип социального государства – расширение такого вмешательства» [4]. Третья группа экспертов заявляет, что начавшаяся «неолиберальная» ревизия «Sozialstaat» в ФРГ означает в целом новую неоконсервативную реставрацию и под угрозой находится вся европейская модель социального рынка [5].

Несмотря на достигнутые успехи Германии в постобъединенный период, ясно, что традиционная модель социальной политики зашла в тупик и не может справиться с вызовами времени. Концепция Л. Эрхарда, Ойкена, Мюллера-Армака «благополучие для всех», дополненная достижениями германской социал-демократии, в частности, молодежная политика, создала в Германии высокие стандарты социальной помощи в условиях свободной конкуренции. Однако, такие достижения как высокая заработная плата и короткий рабочий день приводят к тому, что немецкие товары отличаются дороговизной на мировом рынке, что сказывается на уровне германского экспорта.

Пенсионная сфера ФРГ характеризуется политикой «договора поколений», когда пенсионные отчисления производятся из доходов работающего населения. Но при общем демографическом старении и снижении пенсионного возраста для отдельных групп населения на 3-5 лет налоговая нагрузка резко возрастает, и средств для выплат из пенсионного фонда не хватает. Федеральное правительство предпринимает ряд мер по решению данной проблемы. Однако, предложенная правительством А.Меркель новая социальная доктрина ХДС вызвала не только критику со стороны оппозиции, но и широкую внутрипартийную дискуссию. Основные спорные вопросы новой принципиальной программы ХДС: пенсионная реформа, в частности, источники финансирования населения с низким уровнем дохода, семейная политика (соотношение понятия социальной справедливости с проблемой бездетного поколения), реформа здравоохранения, образования. Новая программа А. Меркель встретила бурный протест со стороны немецких профсоюзов и неодобрение в лице главных теоретиков христианской демократии, осуждающих отход от основ социального консерватизма.

Несмотря на провал политики второй «Большой коалиции», ХДС и СДПГ так и не смогли прийти к действительному согласию по

решению ряда ключевых вопросов, большинство исследователей отмечают сближение принципиальных программ обеих партий.

Проект «Третий путь», предложенный СДПГ, характеризуется как сочетание неолиберальной экономики и социал-демократической социальной политики. Германская социал-демократия так определила новый спектр социально-экономических задач: «Современные социал-демократы не являются приверженцами неолиберального принципа *laissez-faire*. Гибкие рынки следует соединять с активной деятельностью государства, роль которого нужно определить заново. Главным приоритетом должны быть инвестиции в человеческий и социальный капитал. Систему социальных гарантий необходимо приспособить к изменениям в продолжительности жизни, структуре семьи и роли женщин» [6].

В 2003 году Герхард Шрёдер выступил с революционным для социал-демократов планом реформ, названным «Повестка дня 2010». Этот проект предусматривал сокращение налогов и изменения в социальной политике Германии, которые грозили ударить по наименее защищенным слоям населения. В частности, предполагалось упростить процедуру увольнения работников. Таким образом, социал-демократы впервые признали тот факт, что социальное государство, это главное историческое завоевание немцев в области социальной политики, не может быть более сохранено в прежнем объеме в ситуации глобального рынка.

Новая доктрина СДПГ сразу же подверглась критике со стороны немецких либералов. «Среди ценностей современности свободе нет места. Это не случайно. «Третий путь» не представляет собой ни открытое общество, ни свободу. Здесь, на самом деле, налицо определенная авторитарная тенденция, существующая не только на практике» [7].

Сегодня, в условиях мирового финансового кризиса, социал-демократы в целях сохранения рабочих мест, на первое место ставят инвестиции в образование и переквалификацию. Они исходят из того, что только при таком условии можно обеспечить квалифицированные кадры для новейших технологий и производств. Но на деле это означает революционный пересмотр прежней молодежной политики, созданной в свое время как базисное начало германской модели «Sozialstaat» именно социал-демократами.

Главным девизом традиционной молодежной политики было доступное, бесплатное образование, т.е. «отложенное взросление». В связи с чем активно работающее поколение составляло возрастную категорию от 35 до 55 лет. Однако данная модель успешно работала лишь при устойчивом экономическом росте и достаточном количестве молодежи. В условиях экономической стагнации и стремительного сокращения доли немецкой молодежи в обществе требуется пересмотр молодежной политики, и прежде всего реформа образования. Дефицит молодых немецких кадров на рынке труда подстегивается и ростом эмиграции из страны. По прогнозам аналитиков через несколько лет в Германии соотношение пенсионеров и работающих составит 1:2, а это означает и дальнейший рост безработицы, и сокращение пенсионных пособий [8].

Начавшаяся реформа образования, предложенная ХДС, выразилась во внедрении метода ускоренного обучения как в средней, так и в высшей школе, введении платы за обучение в вузах с целью ограничения количества поступающих, и в возрастающей роли частных школ, например, росте начальных частных школ. Германия, активно участвующая в Болонском процессе, перестраивает свою систему образования под бакалавриат и магистратуру. «Если мы хотим построить в Германии устойчивую экономику знаний, нашим детям придется больше и ответственнее учиться» [9]. Изменившиеся требования к молодежи повлияют и на жизнь их родителей, прежде всего из социально незащищенных слоев общества. Это и невозможность работать всю жизнь на одном месте (а значит, ослабление влияния профсоюзов) и недоступность образования для детей.

Еще раньше на земельном уровне в качестве решения проблем безработицы среди молодежи были созданы программы «Политика занятости и стимулирование трудоустройства». Есть и особая программа «100000 рабочих мест для молодежи и подростков», в рамках которой проходят акции по привлечению молодых людей, совместно с биржами труда, для решения вопросов безработицы. Кроме того, для ликвидации безработицы используется кредитование молодых людей до 25 лет, если они хотят открыть свое дело, правительство выделило на данный проект около двух миллиардов марок.

Общим направлением в программных документах ведущих партий ФРГ является также тезис «за социальную Европу». В большей степени, конечно, он выражен в программе СДПГ, так как дополнен тезисом «за гибкую и социально ориентированную глобализацию» [10].

Социал-демократы выступают за создание единого европейского социального пакта стабильности, для этого во всех странах ЕС должна существовать заработная плата, гарантирующая минимальное существование. Единый европейский социальный пакт выражается в общепринятых для ЕС социальных стандартах и правах, т.е. равная заработная плата и равные условия трудовой деятельности за равный труд при равных условиях. А это означает и расширение права на соучастия на предприятиях, т.е. использование положительного опыта ФРГ в рамках всего ЕС.

В целом следует отметить, что перспективным вариантом модернизации германской модели «Sozialstaat» большинству немецких политиков представляется сокращение услуг социального государства внутри страны через расширение его в рамках европейской интеграции. Насколько успешен будет этот вариант, покажет время, но необходимо учитывать также и рост популярности третьих партий, таких как СвДП или «Левые», что означает возможность дальнейшей поляризации мнений в решении проблемы модернизации.

Библиографический список

1. Deutsche Verfassungsgeschichte 1849-1919-1949 /Hrsg. H. Schulze. F.a.M: Lang, 1994. S.304.
2. Deutsche Verfassungsgeschichte 1849-1919-1949 /Hrsg. H. Schulze. F.a.M: Lang, 1994. S.412.
3. Ludwig U. Perspektiven der wirtschaftlichen Integration in Deutschland. Publikationsreihen der IWH // Электронный ресурс Интернет www.iwh-halle.de/asp/publist.asp?Lang=d&Reine=1&Jahr=2007
4. Рормозер Г. Кризис либерализма. М: ИФРАН,1996. С. 82.
5. Павлов Н.В. Германия: QUO VADIS? // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 3. С. 35.
6. Europe: The Third way – Die neue Mitte. L., 1999. S. 12.

7. Darendorf R. The Third Way and Liberty: An authoritarian Streak in Eurpes New Genter// Foreign affairs. N.Y. 1999. № 5.
8. Stiftung Wissenschaft und Politik //Электронный ресурс Интернет: www.swp-berlin.org
9. Сумленный С. Кто унаследует Германию // Эксперт. 2008. №21. С.90.
10. SPD-Bundesparteitag // Vorstand der SPD, 2009, Bonn // Электронный ресурс Интернет: www.zeit.de/2009/03

Сведения об авторе

Ночвина Белла Анатольевна
кандидат исторических наук,
доцент кафедры культурологии, истории и древних языков
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: bella.nochtvina@mail.ru

РЕЦЕНЗИИ

Е.Ф. Глебова

Нижний Новгород

НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ОПИСАНИИ ЯЗЫКА

Рецензия на монографию: **Макшанцева Н.В. Теория и практика концептуального описания языковых единиц в вузовском образовании. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2008. 203 с.**

Рецензируемая монография Н.В. Макшанцевой посвящена теоретико-методологическим основам профессионального образования студента-лингвиста в высшей школе. Основная задача книги – представление разработанной автором оригинальной концепции подготовки будущего специалиста-лингвиста как целостно организованной семиотической (смысловой) структуры формирования у студентов «образа профессии» в логике современной концептологии. Такая постановка задачи оправдана и очень своевременна.

До недавнего времени профессиональная подготовка студентов высшей школы включала теоретическое обоснование предметного содержания, номенклатуру и иерархию знаний, умений и навыков, а также методики их формирования, контроля и оценки. В настоящее время в педагогическом образовании наметился переход от предметно-центрированной модели подготовки специалиста, с однозначно заданными когнитивными и деятельностными компонентами, к интегрированной модели, базирующейся на взаимодействии предметной деятельности, социокультурной составляющей и личностных свойств студента как саморегулируемой системы (М.Н. Берулава, А.Г. Асмолов, П.Е. Решетников, И. Унг, И.С. Якиманская и др.). При этом исследователи по-разному оценивают интегральную индивидуальность обучаемого, качественную определенность составляющих системы подготовки будущего специалиста, технологический компонент такой подготовки и т.п.

Концепция подготовки будущего специалиста-лингвиста в монографии представляет собой особую проблему как лингводидактическое исследование, имеющее дело с двойным отражением – фрагмента действительности в сознании специалиста и фрагмента действительности в языке, - должно, соответственно, ставить перед собой две взаимосвязанные задачи: определить специфику восприятия

студентами «образа профессии»; показать особенности языкового анализа трансляции информации о данном фрагменте действительности. Решение названных задач и составило основное содержание книги.

В качестве основных концептуальных идей системы подготовки будущего специалиста-лингвиста автором определены: 1) сущностные, педагогически значимые отношения субъекта образовательного процесса к предмету будущей профессии; 2) понимание языка как духовного, социокультурного явления, обладающего структурой (системой отношений), хранящей информацию о мире и человеке; 3) концептуальный подход к анализу содержания и структуры концептов как дидактических единиц системы профессиональной подготовки студента.

Объективная система отношений студентов-лингвистов к будущей профессии связана в монографии с самой концептуальной деятельностью.

Онтологические и деятельностные (системно-предметные) отношения направлены на выявление, развитие и саморазвитие познавательного потенциала личности студента и проявляют себя, справедливо утверждает автор, в преобразовании учебной деятельности в научно-исследовательскую, обеспечивающую рефлексивную, творческую и самодостаточную сущность обучаемого. При конкретном концептуальном анализе языковых единиц наиболее ярко выраженной с онтологической точки зрения является внутренняя форма слова – репрезентанта концепта, выделяемая студентами с помощью этимологических словарей. Далее студенты осознают, что внутренняя форма, например, лексемы «воля» – *хотеть, желать* – мотивирует лексическое значение – *способность осуществлять свои желания, сознательное стремление к осуществлению своей воли*. Словосочетание «по доброй воле» имеет лексическое значение «свободы», «независимости».

Наблюдение над многочисленными смысловыми оттенками языковых единиц, репрезентирующих концепт, предопределяет осознание студентами таких важнейших когнитивных операций, как таксономия, или классификация. На примере лексемы «воля» – это:

– изъявление воли без конкретизации того, что хочет субъект: желание, стремление, хотение, вожеление, прихоть;

– изъявление воли с конкретизацией того, что хочет субъект: просьба, требование, приказ;

– свойства человека, способствующие волеизъявлению субъекта: упорство, целеустремленность, характер, самоволие, неподвластность;

– условие осуществления волеизъявления: власть, способность осуществлять действия;

– предмет желаний, изъявления воли, действий: цель.

Сопоставление различных групп слов по степени их смысловой близости позволяет выделить интегральную сему – волеизъявление.

Аксиологические (оценочные) и *культурные отношения* как предмет профессиональной деятельности, так и собственных результатов познавательной деятельности проявляют себя в синтезе трех составляющих: «образа труда» («язык в действии»), «образ субъекта труда» (осознающего и творящего язык как предмет профессиональной деятельности и характер субъектно-субъектных отношений в образовательном процессе (профессиональный, демократический стиль взаимодействия, свободы выбора в решении профессиональных задач).

При этом лингвокультурные концепты подразделяются, по наблюдению автора, на существующие в коллективном и в индивидуальном сознании.

Архетипы в жизни и языке народа рассматриваются как способы примирения противоречивых суждений, мнений студентов.

Нельзя не согласиться с автором работы в том, что совпадение цели и результата познавательной деятельности служит, прежде всего, формированию нового, целостного, сбалансированного в его составляющих «образа профессии».

Аксиологические отношения находят свое выражение также в оценке контекстного употребления языковых единиц. Осознание студентами взаимодействия смысла слова и контекста позволяет выявить изменения исходной смысловой структуры слова в текстах разных авторов по сравнению со структурой, отраженной в словарях. Так, «приращение» смыслов концепта «воля» в текстах: степень внутреннего психического состояния, смысл отрицания, воля как ущерб субъекта, наконец, воля как действующий субъект, воля как человеческое мироощущение, поведение и т.п.

Активной формой представления «языка в действии» в работе выступают базовые концепты русской культуры в качестве единиц обучения, а также теоретические сведения о них. К числу наиболее важных относятся следующие: концепт – условная ментальная единица, направленная на комплексное изучение языка; концепт – ментальная проекция элементов культуры; трехкомпонентность структуры концепта: ценностная, понятийная и образная составляющие; языковые единицы, репрезентирующие разные типы концептов и др.

Адекватным методом исследования названных выше проблем оказывается, по утверждению автора, субъектно-ситуативный принцип организации образовательного процесса, формирования и развития у студентов цивилизованных отношений к будущей профессии, способность воспринимать и оценивать целостность (системность) профессиональной

деятельности. При этом под субъективностью автор видит творческую активность обучаемых, под ситуативностью – содержание и структуру конкретных концептов (совесть, судьба, любовь, дружба и т.д.).

Таким образом, созданная автором дидактическая интегративная система подготовки специалиста-лингвиста в высшей школе является многогранной полисемической моделью. На разных этапах исследования педагогический процесс рассматривается: 1) как система педагогических условий; 2) как некая схема, отражающая строение определенных концептов; 3) как научный конструкт, ориентированный на описание системы подготовки будущего специалиста-лингвиста; 4) как алгоритм действий для установления классификаций концептов или отношений студентов к «образу профессии».

Теоретико-практической значимостью характеризуются выведенные автором работы критерии сформированности профессиональных качеств личности студента:

- знание концептов как интегрированных единиц, отражающих целостность сущностных отношений субъекта образовательного процесса к предмету профессии;
- аксиологическая оценка единиц как восхождение от абстрактного к конкретному, от идеи к способам ее реализации, от понятия к признакам, реализованным конкретными языковыми средствами;
- от структуры концепта к его функциональным характеристикам и др.

В целях реализации созданной автором концепции подготовки специалиста-лингвиста организован и экспериментально апробирован технологический блок дидактической интегративной системы концептуального описания языковых единиц. Созданы задачная, репродуктивно-иллюстративная и тренинговая технологии, направленные на актуализацию познавательного профессионально-личностного потенциала студентов, целостности отношений студентов к «образу» будущей профессии.

Сведения об авторе

Глебова Елена Федоровна
доктор педагогических наук, профессор
кафедры стилистики русского языка и культуры речи
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина 31а

Nadeshda Prokopjewa
Nishnij Nowgorod

ÜBER DIE GESCHICHTLICHEN BEGRIFFE UND DIE BEGRIFFSGESCHICHTE

Rezension über: **Wörterbuch der «Vergangenheitsbewältigung» von Thorsten Eitz und Georg Stötzel. Hildesheim: Georg Olms Verlag AG, 2009.**

Die Geschichte der Lexikografie zählt viele Jahrhunderte und kennt viele prominente Namen, die eine bedeutende Spur auf diesem Gebiet hinterlassen haben und deren Meinung auch heutzutage aktuell und unumstritten bleibt. In der deutschen Lexikografie gehören zu solchen Autoritäten zweifellos die Brüder Grimm, deren „Deutsches Wörterbuch“ immer noch die Spitzenplätze auf allen Listen der lexikografischen Nachschlagewerke belegt. Und wenn Jakob Grimm behauptet, das Wörterbuch sei „ein hehres denkmal des volkes, dessen vergangenheit und gegenwart sich in ihm verknüpfen“ (zit. nach Gauger 2003: 2), dürfte das wirklich außer allem Zweifel stehen. Diese Definition fällt einem erst recht ein, wenn man ein höchst beachtenswertes Werk in der Hand hält mit dem Titel „Wörterbuch der „Vergangenheitsbewältigung“. Die Verfasser Thorsten Eitz und Georg Stötzel haben für großes Aufsehen in den Medien des In- und Auslands gesorgt, als sie 2007 den ersten Band des Handbuchs mit lexikalischen Analysen zum politischen Sprachgebrauch in der deutschen Öffentlichkeit nach 1945 veröffentlichten, und 2009 auch der zweite Band des Wörterbuches folgte. Im Vorwort formulierten die Autoren die Hauptaufgabe ihres Werkes wie folgt: bei der Arbeit an diesem Buch ginge es ihnen darum, zu beschreiben, „wie in der deutschen Öffentlichkeit sprachlich mit der nationalsozialistischen Vergangenheit umgegangen wird und somit auch, wie sich in der Sprache – der Wahl der Wörter und ihrer Kontextualisierung – das Verhältnis zu dieser Vergangenheit spiegelt“ (Band 2, S. 1). Es handelt sich dabei um sogenannte „belastete“ Wörter, also die Vokabeln (bemerkenswert zahlreiche – insgesamt ca. 1000), die verschiedene Ereignisse, Institutionen, Personen u.ä. bezeichnen und die durch ihren Gebrauch (um nicht zu sagen: Missbrauch) in der NS-Zeit, also zwischen 1933 und 1945, bestimmte, ziemlich eindeutige Konnotationen angenommen haben. So ungerecht es auch sein mag – die Sprache kann ja letzten Endes nichts dafür, dass sie allen Sprachträgern in gleichem Maße zur Verfügung steht und dass sie zum Glück, aber auch manchmal zum Unglück zum Spiegel der sich in der Gesellschaft abspielenden Ereignisse wird, – kommt es manchmal vor, dass bestimmte lexikalische Einheiten „befleckt“ werden, so dass sie dann sowohl aus dem öffentlichen Gebrauch, als auch aus den Wörterbüchern schlichtweg ausgeschossen werden, oder aber mit Absicht in den öffentlichen, darunter auch politischen

Diskussionen benutzt werden, und zwar zu ganz verschiedenen Zwecken. Das erste wäre eigentlich zu schade, und mit vollem Recht bedauert Ulrike Haß-Zumkehr, die den Gebrauch der Wörterbücher als Propagandainstrument im Nationalsozialismus erforscht hat, dass „bis heute eine systematische Behandlung des historisch-ideologischen Wortschatzes in allgemeinsprachlichen Wörterbüchern über die bloße Markierung kaum hinaus gekommen ist“ (Haß-Zumkehr 2000: 150). Dieser wohl als Nachteil wahrzunehmenden Eigenschaft der modernen Wörterbücher kommt nun das Werk von T.Eitz und G.Stötzel entgegen, in dem belastete Vokabeln nicht einfach aufgelistet werden, sondern es wird intensiv nachgeforscht, und zwar unter diskursorientiertem Blickwinkel, wie diese Wörter in der heutigen Sprachpraxis weiter fungieren. An dieser Stelle muss darauf hingewiesen werden, dass das zu rezensierende Nachschlagewerk nicht als ein gewöhnliches Wörterbuch zu betrachten ist. Vielmehr ist es eine Studie, in der die Sprachforscher zum einen die von ihnen ausgewählten Vokabeln in ihrem Gebrauch, also unter pragmatischem Gesichtspunkt analysieren, und zum anderen nachweisen, wie sich die deutsche Gesellschaft der Tatsache bewusst wird, dass die Vergangenheit auch sprachkritisch aufgearbeitet und dabei über die Sprache selbst gestritten werden kann – damit gehen die Autoren über zur metasprachlichen Ebene. Die Hauptaufgabe ihrer Forschung sehen die Verfasser des vorliegenden Wörterbuches darin, die Weiterbenutzung der „belasteten“ Wörter in der Nachkriegszeit bis in die Gegenwart zu verfolgen und ein möglichst vollständiges Bild davon zu schaffen, bei welchen Gelegenheiten, von wem und vor allem zu welchen Zwecken „in dem öffentlichen Sprachgebrauch Bezug genommen wird auf Ereignisse, Institutionen, Personen und den Sprachgebrauch zwischen 1933 und 1945“ (Band 2, S. 1). Man muss betonen, dass die Autoren bei ihrer linguistischen Analyse auf eigene moralische und politische Bewertung der zu erforschenden Sachverhalte absichtlich verzichten, denn sie beabsichtigen, anhand der Analyse der Diskurse und der Wortverwendungen zu zeigen, welche Gruppen mit welchem Wert- und Bewertungshintergrund streiten. T.Eitz und G.Stötzel weisen darauf hin, dass der Umgang mit der Vergangenheit in der Öffentlichkeit aus „unterschiedlichen aktuellen Motiven und Blickwinkeln“ geschieht (Band 2, S. 1), was sich auch auf den Sprachgebrauch auswirkt. Die „Vergangenheitsbewältigung“ auf der sprachlichen Ebene, wie sie sich in zahlreichen Beispielen der Weiterbenutzung der „belasteten“ Wörter widerspiegelt, kann verschiedene Formen annehmen. Die Vergangenheit kann unterschiedlich verarbeitet und interpretiert werden; so ist eine der häufigsten und wahrscheinlich auch natürlichsten Verhaltensweisen den problematischen Ereignissen und Erscheinungen gegenüber die Verleugnung bzw. Verdrängung bestimmter Tatsachen und deren dadurch manchmal auch unabsichtlich herbeigeführte „Entwirklichung“ oder Verharmlosung. Die Autoren machen

aber die Wörterbuchbenutzer auch darauf aufmerksam, dass die Vergangenheit durch bestimmtes sprachliches Behandeln nicht nur verdrängt oder verharmlost, sondern auch – und im politischen Diskurs erst recht – instrumentalisiert werden kann, so dass es in öffentlichen Auseinandersetzungen möglich wird, dem politischen Gegner wegen seines Sprachgebrauchs die Weiterführung der nazistischen Denkweise zu unterstellen und ihn auf solche Weise zu diskreditieren. Um all diese Intentionen sowie die Mechanismen ihrer Verwirklichung aufzudecken, haben sich die Wörterbuchverfasser nun vorgenommen, die wichtigsten Geschichtsvokabeln in ihrem Funktionieren im öffentlichen Sprachgebrauch zu beschreiben und ganz verschiedene sprachliche und politische Strategien, die dadurch realisiert werden, zu veranschaulichen. Dieser Aufgabe ist der Aufbau des ganzen Wörterbuches sowie jedes einzelnen Artikels untergeordnet. Das gesamte Themenfeld der „Vergangenheitsbewältigung“ ist in Hauptstichwörter aufgeteilt. Insgesamt zählt der erste Wörterbuchband 40 und der zweite Band 25 Vokabeln, die meisten davon sind diejenigen, von denen angenommen wird, dass sie die menschenverachtende Weltanschauung der Nationalsozialisten zum Ausdruck brächten und damit „mitverantwortlich“ für deren Verbrechen seien (wie etwa *Euthanasie*, *Fremdarbeiter*, *entartete Kunst*, *Gestapo*, *Gaskammer*, *Konzentrationslager*, *Mischehe*, *Selektion* u.ä.). Am Anfang des jeweiligen Artikels wird die dem „Großen Wörterbuch der deutschen Sprache“ des Duden-Verlags (1999) entnommene Definition der Wortbedeutung angeführt. Darauf folgt eine nach der eigenen Meinung der Forscher „knappe“, unseres Erachtens jedoch recht ausführliche Überblicksdarstellung der Wort- und Diskursgeschichte, gefolgt von der eigentlichen Diskursanalyse. Diese erfolgt durch die Auswertung der digitalen bzw. in Papier vorliegenden Korpora der Wochen- und Tageszeitungen bzw. -magazine „Die Zeit“, „Allgemeine Sonntagszeitung“, „Der Spiegel“, „Frankfurter Allgemeine Zeitung“, „Neues Deutschland“, „Süddeutsche Zeitung“, „Die Welt“ u.a.m. Die Artikel sind chronologisch strukturiert, was den Autoren ermöglicht, bei der Darstellung der Erstbelege und der Verwendungsgeschichte der zu analysierenden Hauptstichwörter von der frühen Nachkriegszeit bis zur Gegenwart nicht nur folgerichtig vorzugehen, sondern auch die wichtigsten Wendepunkte im kollektiven Verhalten, so etwa die Brisanz- und Umbruchphasen zu fokussieren. Zum Abschluss des Artikels wird eine Liste der weiteren, mit dem jeweiligen Hauptstichwort begrifflich verbundenen bzw. assoziierten Beleg- und Stichwörter angeführt, so etwa im Artikel „Rasse / Rassismus / Herrenrasse“: *Antirassismus*, *Antisemitismus*, *Apartheid*, *Arier*, *blutlich wertvoll*, *Fremdenhass*, *Judenfrage*, *Neo-Rassismus*, *Rassengesetze* usw.

Die Verwendung der für das Wörterbuch gesammelten Vokabeln in der Nachkriegszeit soll nach Absicht seiner Verfasser die prinzipielle Subjektivität

der sprachlichen Vergegenwärtigung von Geschichte und die Pluralität der Meinungen und Bewertungen veranschaulichen sowie die Resultate der absichtlichen Weiterverwendungen der umstrittenen Vokabeln zu unterschiedlichen pragmatischen Zwecken explizieren. Wie dies möglich ist, kann am Beispiel eines der Wörterbuchartikel vorgeführt werden. Einer der umfangreichsten Artikel des Wörterbuches ist dem Stichwort „Euthanasie“ gewidmet, das eindeutig zu jenen problematischen Vokabeln gehört, die zum einen in der Nazi-Zeit einen schlechten Ruf erworben haben, und zum anderen auch heute brisant, durchaus gängig, aber nicht unumstritten sind. Der Artikel beginnt wie gesagt mit der Duden-Definition, wobei beide in diesem Nachschlagewerk erläuterten Bedeutungen angeführt werden:

Eu | tha | na | sie, die [...] 1. (Med.) a) Erleichterung des Sterbens, bes. durch Schmerzlinderung mit Narkotika b) absichtliche Herbeiführung des Todes bei unheilbar Kranken [...] 2. (nationalsoz. verhüll.) (zur Zeit der nationalsozialistischen Herrschaft) systematische Ermordung psychische Kranker, geistig und körperlich behinderter Menschen [...]. Duden (1999), S. 1124 (Band 1, S. 229).

Die Autoren beginnen ihre Analyse mit der Etymologie des Wortes, um seine semantische Entwicklung von seinem Ursprung an aufzuschließen, was für ihre Studie besonders wichtig ist. Dabei weisen sie darauf hin, dass das dem Griechischen entlehnte Wort in der Antike „die ideale menschliche Haltung gegenüber dem Tod, den Wunsch oder die Forderung, einen guten und ehrenvollen Tod zu sterben“ bezeichnete (Band 1, S. 229). Das bedeutet, dass es auch in der Gegenwart schon in einer abgewandelten Bedeutung gebraucht wird, von der nazistischen inhaltlichen „Füllung“ ganz zu schweigen. T.Eitz und G.Stötzel erwähnen, dass dieses Wort den ersten Bedeutungswandel Anfang des 17. Jahrhunderts durchgemacht hat. Im 19. Jahrhundert entwickelte das Wort *Euthanasie* die Bedeutung „Erleichterung des Sterbens und des Todeskampfes durch ärztliche Schmerzlinderung“ (Band 1, S. 229), wobei schon zu Beginn des 20. Jahrhunderts in Europa intensiv debattiert wurde, ob ein nicht Sterbender, sondern ein Kranker auch ohne seine Einwilligung getötet werden darf. Dies wurde mit dem Ausdruck *aktive Euthanasie* bezeichnet. Im Oktober 1939 begann die Umsetzung des Euthanasieprogramms der Nationalsozialisten, aber der Massenmord der psychisch Kranken und der Erbkranken wurde doch unter strengster Geheimhaltung betrieben. In den offiziellen Äußerungen wurde dabei der Ausdruck *Euthanasie* vermieden und durch die Euphemismen *Gnadentod*, *Lebensunterbrechung*, *Sterbehilfe* ersetzt.

Ferner verfolgen die Wörterbuchverfasser anhand der Textbelege aus verschiedenen Zeitungen das „Schicksal“ des Wortes *Euthanasie* im öffentlichen Gebrauch in der Zeit von der Kapitulation des Dritten Reiches bis in die Gegenwart. Sie stellen fest, dass bereits in der frühen Nachkriegszeit die nationalsozialistische Euthanasiepolitik im Schuldiskurs thematisiert und die

Vokabel *Euthanasie* neben dem synonym verwendeten Ausdruck *Gnadentod* als eine nationalsozialistisch belastete Stigmavokabel mit pejorativen Attributen verwendet wurde: „grauenvolle Euthanasie“, „furchtbare Lehre vom „Gnadentod“ (Band 1, S. 234).

Die Analyse der weiteren Beispiele der Wortverwendung in Massenmedien zeugt davon, dass sein Gebrauch aufs engste mit bestimmten gesellschaftlichen Prozessen und den damit verbundenen Veränderungen im kollektiven Bewusstsein verknüpft ist. So gibt es schon zu Beginn der fünfziger Jahre vereinzelte Versuche, den Ausdruck *Euthanasie* zu remotivieren und an die frühere Gebrauchstradition im Sinne von „Tötung aus Erbarmen“ anzuknüpfen. Bei den Ende der fünfziger Jahre geführten Diskussionen darüber, ob ehemalige KZ-Ärzte wieder praktizieren dürfen, bleibt doch die konnotative Neutralisierung der Wortes noch unmöglich, die Euthanasie-Morde werden nicht weniger als ein Verbrechen verurteilt, aber Mitte der sechziger Jahre wird wiederum die Differenzierung zwischen den nationalsozialistischen „Gnadentötungen“ und einer „ursprünglicheren“ Bedeutungsvariante von *Euthanasie* vorgenommen. Die Strategie der konnotativen „Wiedergutmachung“ wird unter anderem durch Attribuierungen wie *begrenzte Euthanasie* oder *Human-Euthanasie* vollzogen.

In ihren weiteren Ausführungen gehen die Autoren noch mehrmals auf die wichtigsten Momente in den öffentlichen Diskussionen um das Wort und um den damit bezeichneten Sachverhalt ein. Es wurden nämlich immer wieder Fälle bekannt, wo Ärzte ihre hoffnungslos erkrankten Patienten töteten. Das öffentliche Urteil über solche Vorfälle war bei weitem nicht einheitlich, und es kam unter anderem dadurch zum Ausdruck, wie das Thema in den Massenmedien beleuchtet und sprachlich behandelt wurde. Die einen waren bemüht, den Ausdruck *Euthanasie* zu rehabilitieren, auch mithilfe bestimmter sprachlicher Mittel, z.B. Attribute, wie etwa durch die Differenzierung verschiedener Arten von Euthanasie, die als *indirekte*, *passive* und *aktive Euthanasie* bezeichnet wurden. Die anderen schlugen vor, auf den Gebrauch des Wortes *Euthanasie* aufgrund seiner NS-Vergangenheit zu verzichten und es endgültig durch den „positiveren“ Ausdruck *Sterbehilfe* zu ersetzen. Wieder andere lehnten dagegen all die Versuche, dem Wort und damit auch der Sache einen positiven Beiklang zu verleihen, entschieden ab, indem sie in ihren öffentlichen Äußerungen einen Zusammenhang zwischen dem Wort *Euthanasie* samt seiner Synonyme und den grauenvollen historischen Ereignissen nachdrücklich hervorhoben.

T.Eitz und G.Stötzel analysieren auch weitere zahlreiche Textbelege zum Stichwort *Euthanasie*, die davon zeugen, dass das Thema nicht nur in der Zeit gleich nach dem Kriegsende sensibel war, sondern auch bis in die Gegenwart so bleibt. Es brechen recht regelmäßig öffentliche Debatten nicht nur um die

Sterbehilfe selbst aus, sondern auch um die sie bezeichnenden Ausdrücke. Es ist bemerkenswert, dass die Autoren den Artikel zum Stichwort *Euthanasie* mit dem Zitat aus der 2006 veröffentlichten Stellungnahme über „Selbstbestimmung und Fürsorge am Lebensende“ des nationalen Ethikrates abschließen, der sich für eine menschenwürdige Sterbebegleitung aussprach und vorschlug, „Begriffe wie aktive und passive Sterbehilfe aufzugeben“ (Band 1, S. 247).

Resümierend kann man mit Sicherheit behaupten, dass die Autoren des „Wörterbuches der „Vergangenheitsbewältigung“ Thorsten Eitz und Georg Stötzel ihre Aufgabe, einen Beitrag zur Darstellung eines „aus tausendfältigen Äußerungen sich zusammensetzenden öffentlichen Bewusstseins“ zu leisten (Band 2, S.2), brillant erfüllt haben. Das Wörterbuch kann sowohl den deutschen Benutzern, als auch den Nichtmuttersprachlern bestens empfohlen werden. Die ersten bekommen damit die Möglichkeit, über die eigene Vergangenheit noch einmal nachzudenken und auch das eigene Verhältnis dazu mit den Vorstellungen in dem eben erwähnten „öffentlichen Bewusstsein“ zu vergleichen, aber auch zu erkennen, welche Rolle bei der Vergangenheitsbewältigung und der Vergegenwärtigung der Geschichte der Sprache zukommt. Es ist nämlich äußerst wichtig, sich darüber im Klaren zu sein, dass so zu sagen die lexikalische „Ausstattung“ der Rede Aufschluss über die Einstellungen und Bewertungen bestimmter Sachverhalte durch den Sprechenden geben kann. Für die Nichtmuttersprachler kann das Wörterbuch sowohl als ein Nachschlagewerk in Fragen der Landeskunde und der deutschen Geschichte von Interesse sein, als auch in der eigentlichen Funktion eines sehr hilfreichen Lexikons, das unmittelbar sprachliches, metasprachliches und ansatzweise auch enzyklopädisches Wissen vermittelt.

Literatur

1. Gauger H.-M. Über Wörterbücher // Wissenschaftliche Lexikographie im deutschsprachigen Raum. Hrsg. von Thomas Städtler. Universitätsverlag Winter. Heidelberg, 2003. S. 2-9.

2. Haß-Zumkehr U. Propagandainstrument Wörterbuch. Zur lexikographischen Methodik im Nationalsozialismus // Wörterbücher in der Diskussion IV. Vorträge aus dem Heidelberger Lexikographischen Kolloquium. Hrsg. von H. E. Wiegand. Max Niemeyer Verlag. Tübingen, 2000. S. 135-153.

Сведения об авторе

Прокопьева Надежда Николаевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры немецкой филологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: pro-nadja@yandex.ru

ХРОНИКА

«ГОД ФРАНЦИИ В РОССИИ» В НГЛУ им. Н.А. ДОБРОЛЮБОВА

За несколько месяцев 2010 года, объявленного Годом Франции в России и России во Франции, в Нижегородском государственном лингвистическом университете им. Н.А. Добролюбова прошло много интересных и незабываемых событий. Содержание программы мероприятий, посвящённых этому событию, было определено преподавателями факультета французского языка, переводческого факультета, кафедры зарубежной литературы и теории межкультурной коммуникации совместно с «Альянс Франсез – Нижний Новгород», Ресурсным центром французского языка и Нижегородской региональной общественной организацией «Ассоциация преподавателей французского языка». Работу по составлению программы и её реализации в университете возглавил президент НГЛУ Г.П. Рябов. В программу было включено большое количество мероприятий, в проведении которых предусматривалось участие не только преподавателей и студентов НГЛУ, но и представителей Посольства Франции, преподавателей и студентов других вузов, школьных учителей французского языка и их учеников.

11 февраля состоялось торжественное открытие Года Франции в России в НГЛУ. После выступлений декана факультета французского языка Е.В. Васенёвой, директора Ресурсного центра французского языка Т.П. Понятиной и директора «Альянс Франсез» К. Мокник присутствующим была предложена лекция профессора Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета Т.П.Виноградовой на тему «Русские на Лазурном берегу». Многочисленные факты из жизни и деятельности русских в этом районе Франции, собранные Т.П. Виноградовой, вызвали большой интерес у слушателей. 17 февраля знаток истории нашего города Т.П. Виноградова и заведующая кафедрой зарубежной литературы и теории межкультурной коммуникации профессор З.И. Киринозе продолжили цикл лекций ещё более интересной и актуальной темой «Французы в Нижнем Новгороде». Завершился курс лекций 24 февраля интереснейшей презентацией старшего научного сотрудника Нижегородского государственного художественного музея Т.В. Зуйковой «Романтизм и русское искусство первой половины XIX века». Ценность проведённых лекций несомненна. Они значительно расширили знания слушателей о российско-французских культурных и экономических связях, так как материал лекторы собирали

по крупицам в течение длительного времени из многочисленных русских и французских источников.

Запоминающимся событием стала заключительная конференция по педагогической практике студентов IV курса факультета французского языка, проведённая 24 февраля в виде конкурса проектов «Перекрёстки: Франция, Россия, Нижний Новгород», подготовленных учащимися школ Нижегородской области под руководством студентов факультета в период их педагогической практики. Школьники провели большую исследовательскую работу и, используя новые технологии, продемонстрировали хороший уровень владения французским языком, свои артистические таланты и изобретательность. Вся подготовительная работа была проведена руководителями педагогической практики, преподавателями кафедры лингводидактики и методики преподавания иностранных языков и культур О.В. Гончарук и Ю.В. Чичериной.

С 10 по 25 марта в читальном зале НГЛУ прошла выставка книг «Знакомьтесь, Франция», подготовленная сотрудниками библиотеки и доцентом кафедры зарубежной литературы и теории межкультурной коммуникации К.Ю. Кашлявик. Открылась выставка лекцией директора издательства НГЛУ Л.П. Шахровой об истории книги, после которой студенты с неподдельным интересом изучали редкие книги, изданные в России и Франции, а также знакомились с современной французской литературой.

12 марта вниманию студентов был предложен проект «В поисках своей Франции», подготовленный студентами III курса факультета международных отношений, экономики и управления. Такое мероприятие традиционно проводится преподавателями кафедры французского языка под руководством заведующей кафедрой Т.С. Петровой для привлечения внимания студентов университета к Франции и французскому языку. В проекте были представлены познавательные презентации и творческие номера, призванные мотивировать студентов выбрать именно французский язык в качестве второго или третьего иностранного.

Самой насыщенной событиями традиционно стала Неделя франкофонии, проводимая в НГЛУ совместно с «Альянс Франсез – Нижний Новгород»: 15 марта в актовом зале НГЛУ состоялась встреча с представителем Посольства Франции, ответственным за популяризацию литературного творчества, господином М. Санёлем, который сделал обзор современной французской литературы и рассказал о проекте «Поезд французских писателей «Блез Сандрар». По словам М. Санёля, в возрасте 16 лет французский писатель Блез Сандрар отправился в виртуальное путешествие по Транссибирской магистрали. Эта поездка, совершенная лишь в его воображении, дала рождение прекрасной поэме «Проза о

транссибирском экспрессе и маленькой Жанне Французской», опубликованной в 1913 году.

В год Франции в России, чтобы отдать дань уважения Блезу Сандрару, около двадцати французских писателей реально совершат это путешествие по Транссибирской магистрали из Москвы до Владивостока и во время остановок познакомят со своим творчеством русских читателей при поддержке центров французского языка и культуры, «Альянс Франсез» в Нижнем Новгороде, Казани, Екатеринбурге, Новосибирске, Красноярске и Иркутске. В путешествии примут участие Паскаль Брюкнер, Жан Эшенос, Матиас Энар, Доминик Фернандес, Сильви Жермен, Ги Гоффет, Вильфрид Н'Сонде, Оливье Ролен, Эжен Савицкая, Жан-Филипп Туссен, Минь Тран Хюи и др. Нижний Новгород будет принимать именитых гостей 29 мая.

Второй день недели франкофонии, 16 марта, был отмечен не менее ярким событием – конкурсом театральных постановок. По мнению члена жюри, заведующей кафедрой теории и практики французского языка и перевода Е.Р. Поршневой, в этом году уровень актёрского мастерства всех трупп был достаточно высоким, особенно тех, которые заняли призовые места, а именно: – трупп “Onze Français” и “Confetti” переводческого факультета НГЛУ и студентов Театрального училища Нижнего Новгорода. Публику очаровал подарок, предложенный «Альянс Франсез – Нижний Новгород» - магическое выступление французского фокусника Бенуа Роземон.

17 марта в рамках музыкального абонемента НГЛУ струнный оркестр «Солисты Нижнего Новгорода» дал концерт «Музыка Франции». Кроме прослушивания музыки таких композиторов, как Ж.Б. Люлли, Ж. Бизе, К.Сен-Санс зрителям была предоставлена возможность ознакомиться с выставкой картин «Франция глазами нижегородских художников».

На следующий день был проведён конкурс французской песни, который давно стал доброй традицией в рамках недели франкофонии в НГЛУ. Как обычно, в мастерстве красиво петь по-французски соревновались студенты НГЛУ, ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Театрального училища и школ города и области (в этом году были представлены школы №80, №91, №110 и №22 г.Дзержинска). Победители этого конкурса, как и победители театрального фестиваля, продолжат борьбу за призовое место на всероссийском этапе. Награда за победу на этом этапе – поездка во Францию.

Завершилась неделя франкофонии Днём факультета французского языка. Программа началась с настоящих студенческих занятий для старшеклассников: 19 марта на факультете побывали 60 школьников из гимназий №53, №13, №80, №67, гимназии им.А.С. Пушкина и МОУ СОШ

№22 г. Дзержинска. Перед ребятами выступили студенты факультета французского языка и факультета международных отношений, экономики и управления с презентациями о Франции, а затем профессором кафедры французской филологии Т.П. Понятиной была прочитана лекция по стилистике французского языка. Завершилась праздничная программа большим концертом и брейн-рингом между командами студентов и молодых преподавателей. Украшением праздника стали выступления выпускников факультета, собравшихся в альма-матер специально в этот день.

Год Франции продолжается: в программе интересные встречи, конкурсы, презентации. Каждый, кто интересуется историей, культурой Франции и французским языком, найдёт для себя много нового, что, несомненно, будет способствовать взаимопониманию, взаимоуважению, укреплению связей и дружбы России и Франции.

Е.В. Васенёва, Т.С. Петрова

**ДЕСЯТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«ОБУЧЕНИЕ, ТЕСТИРОВАНИЕ И ОЦЕНКА»
16-17 февраля 2010 г.**

16-17 февраля 2010 года в НГЛУ прошла десятая ежегодная международная конференция, посвященная тестированию и оценке знаний студентов. НГЛУ, накопив огромный научно-методический опыт, в числе первых вузов России обратился к изучению и обобщению отечественного и международного опыта тестирования и оценки качества знаний. В центре внимания конференции были не только вопросы тестирования и оценки в преподавании иностранных языков с учетом различных компетенций для разных уровней обучения (ЕГЭ, бакалавриат, магистратура), но и различные аспекты оценки знаний в области социальных и гуманитарных дисциплин, проблемы тестирования и оценки в процессе овладения переводческой профессией, а также построение системы оценки качества образования в вузе в целом в рамках перехода на новые образовательные стандарты.

В конференции приняли участие ученые и преподаватели из университетов Великобритании, США, Бельгии, Австрии, Армении, Южной Кореи, преподаватели из Перми, Самары, Владимира, а также коллеги из многих нижегородских вузов с целью обмена опытом и

разработки сопоставимых критериев и методов оценки качества профессиональной подготовки будущих специалистов.

Помимо практических вопросов тестирования и оценки на конференции обсуждались и теоретические аспекты оценки качества образования. Наибольшее внимание участников конференции привлекли следующие проблемы:

- ход и перспективы Болонского процесса и включения в него российского образования с переходом на 2-уровневые образовательные программы, кредитную систему, академическую мобильность;
- конкурентоспособность российских вузов в условиях современных реформ и международных соглашений;
- компетентностный подход в подготовке специалистов и оценке качества образования;
- роль Федерального интернет-экзамена в сфере профессионального образования в подготовке студентов к итоговому тестированию.

В рамках конференции были проведены мастер-классы для учителей школ и преподавателей вузов, обсуждались вопросы использования мультимедийных средств на занятиях по английскому языку, оценивания различных видов языковых компетенций на примере Кембриджских экзаменов. Были даны конкретные рекомендации по тестированию отдельных видов речевой деятельности и оценки языковой компетентности в целом.

Б.А. Жигалев, Т.Ю. Колосова

VII ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ 12-15 апреля 2010 г.

В последние годы, когда эксперимент по введению ЕГЭ охватывает все большее число регионов, а его результаты засчитываются все большим числом вузов, актуальным стал вопрос об альтернативных формах поступления в вузы. Министерство образования и науки Российской Федерации в качестве такой альтернативы рассматривает Всероссийскую олимпиаду школьников.

Всероссийские олимпиады школьников по немецкому языку, которые с недавних пор ежегодно проводятся в различных городах России, подтверждают актуальность немецкого языка в обучении и воспитании подрастающего поколения в современной системе общего среднего образования нашей страны. Обеспечивая реализацию профориентационной

функции, Всероссийская олимпиада школьников по немецкому языку демонстрирует уровень подготовленности, широту кругозора и мышления лучших учащихся из разных регионов России, ориентирует их на продолжение образования в высших учебных заведениях.

В этом году уже седьмая по счету олимпиада состоялась в Нижнем Новгороде на базе Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А.Добролюбова и лицея-интерната «Центр одаренных детей». Нижний Новгород явился местом проведения I Всероссийской олимпиады школьников по немецкому языку в 2000 году, здесь же состоялись Всероссийские олимпиады по немецкому языку в 2006 и 2008 годах.

На заключительном этапе VII Всероссийской олимпиады по немецкому языку собрались школьники из 67 регионов Российской Федерации. 204 участника олимпиады по немецкому языку получили возможность почувствовать себя в обществе тех, кто также увлечен немецким языком; наконец, получить заряд уверенности, проверить свои знания, даже если победа пройдет мимо.

В организации олимпиады наряду с федеральными органами управления образованием приняли участие Правительство Нижегородской области и Министерство образования. Работу оргкомитета олимпиады возглавил заместитель Губернатора, заместитель Председателя правительства Нижегородской области Г.А.Суворов, его заместителями стали министр образования Нижегородской области С.В.Наумов и ректор Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А.Добролюбова профессор Б.А.Жигалёв.

В первый день, на торжественном открытии заключительного этапа Всероссийской олимпиады школьников по немецкому языку, в приветственном слове Г.А. Суворов призвал школьников не только показать свои отличные знания и проявить максимум креативности и нестандартности мышления при решении ожидающих их задач. Но как людей, владеющих немецким языком и хорошо знакомых с немецкой культурой, призвал обеспечить прочные, дружественные связи с носителями этого языка.

С приветственным словом к участникам олимпиады обратился ректор НГЛУ им. Н.А. Добролюбова профессор Б.А. Жигалев, который выразил надежду, что немецкий язык будет нужен участникам олимпиады в течение всей их жизни. Он позволит им общаться с представителями стран, которые также изучают немецкий язык, лучше понять их, а основа понимания человеком человека – это и основа понимания между государствами, без которого в современном мире не может существовать страна.

На торжественном открытии заключительного этапа Всероссийской олимпиады школьников по немецкому языку было зачитано приветственное письмо министра образования и науки Российской Федерации А.А. Фурсенко. Он подчеркнул важную роль олимпиады в раскрытии способностей детей, в выявлении одаренных детей, в поддержке и развитии их личности в интересах общества и государства.

К участникам олимпиады обратились председатель жюри, проректор Московского городского педагогического университета, доктор филологических наук, профессор О.А. Радченко и сопредседатель жюри, зав. кафедрой немецкого языка НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, кандидат филологических наук, доцент Т.И. Кулигина. Они представили жюри олимпиады, в состав которого вошли: зав. кафедрой германских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова доктор исторических наук, профессор В.В.Захаров, зав. кафедрой немецкой филологии Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова доктор филологических наук, профессор Р.С.Аликаев, зав. кафедрой немецкого языка Самарского государственного университета доктор филологических наук, профессор С.И.Дубинин, зав. кафедрой лингводидактики и методики преподавания иностранных языков НГЛУ им. Н.А.Добролюбова доктор педагогических наук, профессор А.Н.Шамов, профессор кафедры немецкого языка Воронежского государственного университета Л.И.Гришаева, старший преподаватель кафедры немецкой филологии и современных технологий обучения Астраханского государственного университета Н.П.Степкин, заместитель начальника отдела Федерального института педагогических измерений, кандидат педагогических наук В.Н.Симкин, доценты кафедр немецкого языка, второго иностранного языка, иностранных языков Института дистанционного обучения НГЛУ им. Н.А.Добролюбова.

Олимпиада по немецкому языку проходила в два тура. Первый (письменный) тур состоял из практических заданий по аудированию, чтению, страноведению и лексико-грамматического тестирования, которое проводилось на одном текстовом материале. Второй тур представлял собой устные презентации в группах по 4 человека по определенной теме.

В ходе олимпиады учащиеся продемонстрировали большой интерес к изучению немецкого языка и правильное понимание его функционирования в обществе. Необходимо отметить отсутствие языкового барьера у большинства учащихся. В целом наблюдался хороший уровень владения лексическим и грамматическим материалом. Жюри отметило высокий уровень олимпиадной подготовки школьников из городов Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Казань, Новосибирск, Волгоград, Новочеркасск. Нижний Новгород достойно

представили учащаяся гимназии №1 Анастасия Вихарева, ставшая призером олимпиады, и воспитанница гимназии № 80 Наталия Кудрявая.

После окончания устного задания проводился разбор заданий. Основная цель этой процедуры – объяснить участникам олимпиады основные идеи и возможные способы решения каждого из предложенных заданий на турах.

В свободное время участники олимпиады знакомились с достопримечательностями Нижнего Новгорода, встретились с учащимися гимназии №1, которые углубленно изучают немецкий язык, посетили Нижегородский планетарий, посмотрели спектакль в Театре кукол.

На премию по поддержке талантливой молодежи рекомендовано 68 участников VII Всероссийской олимпиады школьников по немецкому языку, набравших 79 баллов и выше.

Церемония награждения победителей состоялась 15 апреля 2010 г. и стала настоящим праздником с концертом, музыкой, чествованием участников. Торжественное закрытие олимпиады прошло при участии заместителя руководителя Федерального агентства по образованию А.В.Рождественского и президента НГЛУ профессора Г.П.Рябова, которые поздравили победителей и призёров олимпиады, вручив им медали и дипломы. Руководитель языкового отдела, заместитель директора Немецкого культурного центра им. Гёте при Посольстве ФРГ в Москве доктор Кристоф Фельдхюз также приветствовал победителей и призёров олимпиады и вручил победителям путевки для участия в финале Международной олимпиады школьников по немецкому языку, которая состоится в Гамбурге летом 2010 года.

Таким образом, регулярное проведение Всероссийских олимпиад имеет важное практическое значение, содержательно объединяя школьное и высшее образование.

С.Н. Саможенов, И.В. Матвеева

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного лингвистического
университета им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 10

Лингвистика и межкультурная коммуникация

Редакторы: Л.П. Шахрова
Н.И. Морозова

Лицензия ПД № 18-0062 от 20.12.2000 г.

Подписано в печать 29.06.2010

Формат 60x90 1/16

Печ. л. 14,06

Тираж 500 экз.

Цена договорная

Заказ

Типография НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
603155, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а